

ЗЕИИ ШАШКИИ

1 2010

27 201к

НАСТУПИЛО УТРО

Дом. библ.

Нурмаханович

Kandavar
22/11/11 - 1959

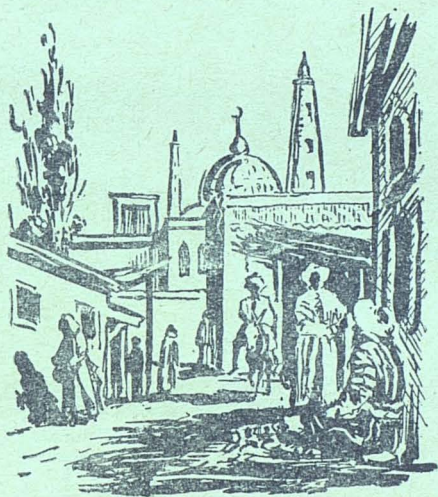
M. P. S. D. M. S.
M. S. D. M. S.
M. S. D. M. S.

Л 2010/27 201к

ЗЕИН ШАШКИН

НАСТУПИЛО УТРО

П о в е с т ь

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата — 1956

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поезд дальнего следования прибыл в Ташкент с опозданием на трое суток. Под Оренбургом задержало крушение — вражеская рука развинула рельсы. За Актюбинском бандиты обстреляли состав из пулемета. Единственный классный вагон — штабной — хранил на обшивке свежие следы пулевых ранений. В двадцатом году по железным дорогам ездить было небезопасно.

Дмитрий Фурманов и Саха Сагатов, покинув штабной вагон, первыми сошли на перрон. С трудом пробираясь сквозь густую толпу мешочников, они выбрались на вокзальную площадь. Был ранний час, на прилегающих к вокзалу улицах уже кипела бойкая торговля. Смуглолицые узбеки в разноцветных халатах и пестрых тюбетейках наперебой предлагали ранше абрикосы и изюм. Звонкоголосые мальчишки продавали рассыпные папиросы, по тысяче рублей за штуку. В толпе шныряли беспризорники — грязные, в лохмотьях.

Фурманов и Сагатов трамваем проехали в центр города. Здесь они расстались, условившись встретиться в гостинице в обеденный час. Фурманов отправился в штаб Туркфронта, а Сагатов пошел в ЦК партии.

Когда в душе поет весна и молодость, каждый встречный мил и приятен. Вот прошел таджик, голый до пояса, с широкой волосатой грудью. На голове у него пустой поднос. Таджик широко улыбнулся, и Саха ответил ему тоже улыбкой. Молодой узбек проехал верхом на ишаке, весело болтая длинными босыми ногами. На шее всадника висела сумка, из нее торчал сверток бумаги, — видимо, почтальон. Мелко семеня ногами, проплыла навстречу

неуклюжая фигура узбечки под паранджой. Сагатов остановился, пропустил ее и посмотрел с сожалением вслед.

«Скоро это кончится», — уверенно подумал он.

Пронзительный свист заставил его оглянуться. На глинобитной плоской крыше стоял мальчуган и гонял голубей. Сагатов залюбовался полетом птиц, резавших белоснежными крыльями прозрачную синеву неба.

Кажется, еще никогда не было у Сахи такого хорошего настроения, как в этот утренний час, когда он шел по улицам Ташкента. Все ему улыбалось, все его радовало. Скоро кончится война на советской земле и начнется мирная жизнь для народа. Счастье уже на ладони.

Он вошел в каменное здание, где помещался Центральный комитет коммунистической партии Туркестана. Из приемной секретаря его направили в девятнадцатую комнату к Режеву.

Сагатов разыскал нужную комнату. Из-за стола поднялся низкорослый человек и вопросительно прищурил серые глаза.

— Я секретарь Семиреченского обкома... Саха Сагатов...

— Очень приятно! — Режев протянул маленькую руку. — Присаживайтесь! Когда приехали? Где остановились?

— Приехал полтора часа назад. Остановиться думаю в гостинице вместе с Фурмановым...

— Дмитрия Андреевича знаю! — сказал Режев.

Несколько минут продолжался пустой разговор, продиктованный чувством уважения к приезжему, занимавшему ответственный пост. Наконец Режев решил, что пора перейти к делу. Лицо его стало сразу озабоченным, а глаза строгими. Он извлек из бокового ящика стола желтую папку и заговорил сухим басом.

— Я — партследователь. Мне поручено уточнить некоторые неясные моменты вашей биографии. Попрошу вас ответить на некоторые вопросы.

Режев раскрыл папку, и Сагатов, скосив глаза, увидел анкету, заполненную им при вступлении в партию.

— Отца вашего зовут Жунусом. Насколько мне известно, у казахов фамилия всегда производится от имени отца... Неясно, почему вы Саха Сагатов, а не Саха Жунусов?

Сагатов насторожился.

— У казахов фамилию дают не только по имени отца, но и деда.

— Первый раз слышу!— Режев покусал тонкие губы.— Это правда, что ваш отец был участником восстания шестнадцатого года?

— Да. Он был командиром отряда. Я ведь указывал это в анкете.

— А где Жунус сейчас?

Теперь Сагатов догадался о цели вызова. Сердце его сжалось.

— Не имею понятия! — неуверенно ответил он и смутился от мысли, что ему могут не поверить.

— Вы с ним поддерживаете связь?

— Странный вопрос! Если я не знаю где он, какая может быть связь?

— А если бы знали?

Вопрос поставлен в упор. «Что бы он сделал тогда?» Волна крови ударила в голову и тут же отхлынула. Саха сжал пальцы.

— Чтобы я сделал? Рассказал бы вам все, ничего не скрыл!

— Жунус бросил семью?

Сагатов промолчал.

— Он бросил семью? — настойчиво повторил Режев, не спуская глаз со своего собеседника.

— Бросил.

— А что бы вы сделали, если вдруг узнали, что ваш отец ушел к басмачам?

Саха ждал самых коварных вопросов, но только не такого. Он втянул голову в плечи и опустил глаза. Режев откинулся на спинку кресла и не сводил с него взгляда. Продолговатое лицо Сагатова побледнело. Густые сросшиеся брови на нем стали словно еще чернее, а широкий лоб вдруг прорезался тремя глубокими складками.

Саха через минуту поднял голову и, посмотрев в упор на Режева, глухо ответил:

— Отрекся бы.

Режев молча кивнул головой и стал задавать вопросы. Секретарю обкома они показались не только нелепыми, но и оскорбительными. Следователь настойчиво допытывался, — не состоял ли Сагатов в партии «Алаш»? Нет ли у него родственников, служивших в белой армии? С кем из алашордынцев был связан его отец Жунус? Режев пе-

респрашивал трудные казахские имена и записывал их на листке бумаги. После продолжительной и довольно нудной беседы, когда все вопросы были исчерпаны, он снова вернулся к Жунусу:

— Чем вы можете доказать, что порвали связь с отцом?

— Только честным словом коммуниста. Других доказательств у меня нет и быть не может. — Саха даже пожал плечами, выразив недоумение.

Лицо Режева сделалось суровым, и он сказал ледяным голосом:

— Вам придется дать письменное объяснение об отце и своих взаимоотношениях с ним!

Партследователь встал, дав понять, что разговор окончен. Саха покинул кабинет, чувствуя себя оскорбленным. Когда он вышел на улицу, город, залитый солнцем, уже не показался ему радостным и счастливым. Расстроенный, он бродил по ташкентским улицам, вспоминая беседу с партследователем, его вопросы и свои ответы. Прожитая Сагатовым жизнь была очень коротка, но за свои двадцать четыре года он пережил очень много. Во всяком случае, он не заслужил, чтобы к нему относились с недоверием. Вся жизнь его, как на ладони. Он не совершил ни одного поступка, порочащего честь коммуниста. Верненская организация знает его получше, чем партследователь Режев.

Просидев в тенистом сквере часа два, Сагатов направился в гостиницу. В вестибюле он спросил у дежурной:

— В каком номере остановился Фурманов?

— В третьем.

Дмитрий Андреевич писал, сидя за столом. Увидев мрачное лицо вошедшего друга, он закрыл тетрадь.

— Почему такой кислый?

Саха попробовал улыбнуться, но улыбка получилась кривая. Фурманов внимательно взглянул ему в глаза и сказал:

— Пойдем пообедаем!

По дороге в столовую Сагатов рассказал о допросе, который ему учинил Режев.

— Кому-то ты, видимо, наступил на мозоль, — заметил Фурманов. — Вот и нажил себе врага.

— Не имею понятия кому именно...

— Я думаю, корни всей этой чепухи надо искать в

Семиречье. Помнишь, на пленуме обкома записку прислали в президиум: «Пусть Сагатов расскажет о своем отце?»

— Помню.

— Кто здесь работает из семиречинцев?

— Кажется, Кожяков.

В столовой за обедом, когда они разговаривали о Режеве, Сагатов сказал с горечью:

— Но так работать невозможно! Поговори с Фрунзе, пусть он поможет мне ехать с тобой на Западный фронт.

Фурманов отрицательно замотал головой.

— Не говори глупостей. Таких коммунистов-казахов, как ты, по пальцам можно пересчитать. ЦК не отпустит. Пустой разговор. А к Михаилу Васильевичу зайти надо... Я его попрошу узнать, откуда сыр-бор разгорелся...

Закончив обед, они направились в штаб Туркфронта.

В центре города на площади у подъезда двухэтажного здания стоял часовой. Получив пропуск в комендатуре, они поднялись во второй этаж в приемную командарма.

Увидев Фурманова, адъютант Фрунзе радостно пожал ему руку.

— Как там? — спросил Дмитрий Андреевич, кивком головы указав на дверь кабинета.

— Разговаривает! — уклончиво ответил адъютант. — Подождите.

В это время дверь открылась. Из кабинета Фрунзе вышел горбоносый бородач в широком пестром халате с непомерно длинными руками и в тюбетейке с черными полосками, какие носят бухарцы.

— Я сейчас доложу о вас! — сказал адъютант и скрылся за дверью.

Он вернулся очень быстро.

— Заходите!

Сагатов впервые видел прославленного командарма. Возле стола, заваленного картами, стоял невысокий плотный, широкий в плечах военный в простой солдатской гимнастерке, туго подпоясанной офицерским ремнем. Густая русая борода и пышные усы придавали Фрунзе не по возрасту солидный вид.

— Сагатов! — познакомил Фурманов. — Секретарь Семиреченского обкома партии.

Фрунзе поднял на Саху серые внимательные глаза и крепко пожал руку.

— Присаживайтесь. И рассказывайте, как у вас там, в Верном? Покончили с мятежом?

— Окончательно! — ответил Фурманов и кивнул на Сагатова. — Справились с помощью местных товарищей.

Зная, как дорога каждая минута командарма, Дмитрий Андреевич сразу приступил к делу.

— Михаил Васильевич, — сказал он, — вы, уроженец Семиречья, знаете, какие отношения существуют между казачеством и киргизами. Контрреволюционеры стремятся разжечь национальную рознь. Товарищ Сагатов им встал на пути. Сейчас они хотят убрать его с дороги. Человека хотят скомпрометировать... Вот вызвали в Цека... Расскажи, Саха, сам.

Сагатов взглянул на Фрунзе. Командарм кивнул головой. И Саха рассказал о своей беседе с Режевым. Когда он закончил, Фурманов воскликнул:

— Семиреченская организация знает Саху, как преданного коммуниста. А за Жунуса он не отвечает!

— Н-да! — протянул Фрунзе и задумчиво побарабанил по столу пальцами. — Письменное объяснение вы Режеву передайте, а я поговорю с секретарем ЦК по вашему делу. Во всяком случае, в обиду вас не дадим.

— Он уже собрался со мной на западный фронт! — сказал Фурманов.

— Но-но... Работа в Семиречье не менее важна... У вас сейчас сложная обстановка. Возвращаются беженцы из Синьцзяна, хлопот с ними много, земельный вопрос надо решать... А если решить его неправильно, — запыляет все Семиречье... Не так ли, товарищ Сагатов?

— Запыляет! — согласился Саха. — Враги наши уже использовали возвращение беженцев. Слух пустили: «...всех русских выселят из Семиречья, а землю отдадут казахам». А тут еще баи натравливают казахов на русских.

— Понятно! — сказал Фрунзе. — Все понятно! Хотят столкнуть лбами, чтобы в крови советскую власть утопить. Только не удастся это дело. Верно, товарищ Сагатов? — Командарм испытующе смотрел на Саху.

— Не удастся! — твердо ответил Сагатов.

— Нельзя забывать, — сказал командарм, — что отряды Дутова, Анненкова и Бакича еще существуют и стоят на китайской границе.

Фрунзе задумчиво походил по кабинету из угла в угол и продолжал:

— Вчера я получил донесение — англичане из Кашгарии направили крупного разведчика в Бухару. Берут дальний прицел. Видимо, он едет координировать действия разрозненных басмачей с войсками эмира.

Фрунзе посмотрел на карту, испещренную стрелками и кружочками, словно желая прочесть ответ на свои мысли. Фурманов и Сагатов молча ждали, что еще скажет командарм.

— В Бухаре назревают крупные события. Бухарские коммунисты готовят восстание. Эмиру приходит конец. Перед вами у меня был товарищ из Бухары... Интересный человек. Его прислали бухарские коммунисты. Просят оказать помощь...

Фрунзе мельком взглянул на часы. Фурманов и Сагатов поднялись.

Пожимая на прощание руку Сахи, командарм сказал:

— Работайте спокойно, мы вас здесь в обиду не дадим. И не забывайте главного — ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враги столкнули русских с киргизами. От этого зависит судьба советской власти в Семиречье... Ну, счастливого пути!

Фурманов и Сагатов вышли из кабинета.

— Теперь все будет хорошо! — успокоил Фурманов своего друга. — Михаила Васильевича я знаю. Если он пообещал, все сделает...

* * *

На следующий день Сагатов провожал Фурманова в Москву.

Дмитрий Андреевич стоял в тамбуре вагона, и махал фуражкой. Когда поезд тронулся, он, чуть подавшись вперед, крикнул «Будь!» Сагатов не расслышал последнее слово. Будь кем? Чем?...

Вот проплыл перед глазами последний вагон, и Саха вместе с толпой провожающих покинул перрон. На душе у него было тоскливо — он расстался с верным и любимым другом...

Всю дорогу от вокзала и до ТуркЦИКа Саха шел, вспоминая свои встречи с Фурмановым, тяжелые дни мятежа в Верном, незабываемые часы, проведенные в тюремной камере, когда смерть была совсем рядом.

Заместитель председателя ТуркЦИКа Рахимов принял Сагатова холодно, был не в духе, куда-то спешил. Об участниках восстания тысяча девятьсот шестнадцатого года, находившихся в Синьцзяне, сказал коротко:

— Ну и хорошо, что они задерживаются там. А если бы хлынула разом вся сорокатысячная орда? Что бы вы стали делать? Вы не можете устроить какую-нибудь тысячу прибывших первой партией? Учтите, поступает много жалоб, люди скитаются без крова, умирают от голода. Придется за это ответить!

Сагатов пытался возразить, но Рахимов не захотел слушать.

— Сейчас мне некогда. К вам выезжает специальная комиссия по устройству беженцев. Она разберется во всем.

Саха вышел из кабинета Рахимова возмущенный. Он не ждал такого приема от руководителя республики. В приемной Сагатов столкнулся с широкоплечим жгучим брюнетом в ослепительно белом костюме. Брюнет кивнул ему и прошел в кабинет Рахимова без доклада.

— Кто это? — спросил Саха у секретаря.

— Кожаков.

— Земляк! А я и не узнал даже! — Мелькнула мысль рассказать Кожакову о разговоре с Рахимовым, но он отогнал ее сразу. Не стоит... Какой толк?

Не успел Сагатов спуститься с лестницы, как его догнали Рахимов и Кожаков. Втроем они вышли на улицу. Рахимов сел в коляску и укатил. Кожаков дружелюбно поздоровался с Сагатовым, как со старым знакомым, и тут же пригласил на обед.

— Земляки же мы... Так давно не виделись...

Сагатов охотно принял приглашение. Они прошли пешком до квартиры Кожакова — он жил в центре города. Хозяин угостил семиреченского гостя узбекским пловом и отличным виноградным вином. «Неплохо живет», — отметил Сагатов, разглядывая стены, затянутые текинскими коврами и шелковыми сюзаннэ.

За обедом Кожаков много ел и много пил, весело шутил, рассказывая смешные истории из ташкентской жизни. Саха почувствовал, что хозяин избегает вести деловой разговор при жене. После обеда он увел гостя в кабинет.

— Садись, брат, поговорим по душам.— Кожаков усадил Саху на тахту, покрытую текинским ковром, сам сел

рядом. — Ну, рассказывай, как там жизнь идет в родном Джетысу!

Кожакон курил, пуская голубоватый дым колечками. Он спиралью тянулся к раскрытому окну.

— Ничего. Как говорят русские — живем да хлеб жуем.

— А может быть, не хлеб, а камчу?¹

— Камчу?! Это от кого?

— От русских казаков. Что тебе неизвестно?

— Что-то не слышал...

— Выходит, мы здесь лучше вас знаем, что творится в Джетысу. Может быть, тебе неизвестно, как живут беженцы, вернувшиеся из Синьцзяна? Могу сообщить — ЦИК располагает большим материалом... Казахам, прибывшим на родину, негде жить. Землю их забрало казачество. — Кожакон сделал небольшую паузу и положил руку гостю на колено. — Выселять надо казаков из станицы, а их дома передавать этим «бейшара».² Иначе плохо будет...

— А разве другого пути нет?

— Нет.

— Ну, что же, тогда, видимо, придется меня снять, а послать туда вот хотя бы вас. Вы сумеете устроить «бейшару»...

Кожакон деланно засмеялся.

— Не надо кипятиться. Какой горячий! Никто не думает отбирать твой пост. Но казах нигде не должен забывать, что он казах...

Разговор не клеился. Сагатов стал собираться домой. Хозяин не удерживал. Они расстались взаимно недовольные друг другом...

Саха шагал в гостиницу и раздумывал: почему Кожакон пригласил его к себе?

В эту ночь он долго не сомкнул глаз, стараясь найти ответ на мучивший его вопрос. Но так и не нашел.

* * *

Саха приехал на вокзал перед самым отходом поезда. Попутчики — двое мужчины и женщина уже расположи-

¹ Камча — плетка. Здесь игра слов: «Жевать» в казахском языке употребляется и в смысле получать удары.

² Бейшара — несчастный.

лись на своих местах. В купе было темно, и он не сумел как следует разглядеть лицо женщины. Устроившись на противоположной нижней полке, Сагатов заснул не сразу. Он перебирал в памяти ташкентские впечатления и думал об отце: «Неужели Жунус на чужом берегу?»

Разбудил Саха шум и громкие голоса. Кто-то говорил хриплым вразумительным басом:

— Ну, а что я могу сделать? Чем помочь? Я, гражданка, не врач-гинеколог и не акушерка...

— Я — врач! — отозвался женский голос, и Саха понял, что это сказала спутница по купе. — Но в общем вагоне роды не примешь, надо сюда перевести.

— Куда сюда?! Все места заняты.

— Надо найти! Родается новый человек.

«Вот оно что!» — догадался Сагатов и, приподнявшись, сказал:

— Я уступлю свое место. Пожалуйста!

— А как же вы?

— Не беспокойтесь! — Сагатов поднялся, но мужчина пробасил:

— Спите. Устроим как-нибудь... Идемте, гражданка.

Они ушли, а Саха снова забылся тяжелым сном.

Утром, когда он вышел в коридор, у окна увидел спутницу, по купе. У нее было красивое лицо и большие голубые глаза.

— Ну, какие у вас успехи?

— Отличные... Родился новый советский гражданин...

Они разговорились, и Сагатов узнал, что женщина-врач едет в Верный, что зовут ее Глафирой Алексеевной, она коммунистка и будет заведывать областным отделом здравоохранения.

Глафира Алексеевна рассказала о своем отце — он отбывал ссылку в Верном и там умер.

Слушая ее, Саха вспомнил Жунуса и опять с тоской подумал: «Неужели он на чужом берегу».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Жунусу минуло пятнадцать лет, его отдали в духовную школу. Отец его, ювелир и непревзойденный мастер по резьбе и отделке украшений на седлах, решил подготовить из старшего сына аульного муллу.

Юноша в мектебе¹ изучал сначала арабскую азбуку, потом «шариат-ульман»². Через год его перевели на изучение «хафтияк»³ и «ильхам»⁴. Спустя четыре года он наизусть читал стихи Навои⁵, Ходжи-Ахмеда Яссави⁶. Но когда ученики перешли ко второй ступени обучения «арабиету»⁷, — Жунус неожиданно бросил школу. Виноват в этом был хальфе — помощник муллы. Он послал Жунуса на озеро за водой. Жунус отказался — очередь была не его. Хальфе нажаловался мулле, и двадцатилетнего джигита за слушание выпороли розгами. После этого Жунус обругал хальфе и покинул мектеб. Придя домой, он сказал отцу, что не хочет быть батраком муллы. Отец не стал возражать. Так и не получился из Жунуса аульный мулла! Зато вырос грамотный, справедливый человек, способный оказать помощь родичам, попавшим в беду.

Младший брат купца Адила, поссорившись с пастухом, утопил его в речке. Жунус решительно поднял голос против убийцы, несмотря на то, что он недавно породнился с самим Адилем, посватал его семилетнюю дочурку Ляйли своему тринадцатилетнему сыну Сахе. А случилось это так. Купцу понравился черный пноходец Жунуса, получивший первый приз на байге. Адил загорелся: «Продай, продай». И тщеславный Жунус пошел навстречу желанию жадного купца. «Отдам даром, — сказал он, — если породнишься». Ударили по рукам. Это согласие ничего не стоило, купец мог от него отказаться в любое время. Такие обещания давались в аулах часто и не всегда выполнялись.

Адил просил Жунуса замять дело, обещался уплатить кун — выкуп по казахскому обычаю. Жунус отверг это предложение и подал жалобу мировому судье. Он требовал наказать преступника. Мировой судья хотел было защитить истца, но губернатор вмешался и приказал

¹ Мектеб — школа.

² Шариат — ульман — условия веры.

³ Хафтияк — седьмая часть корана.

⁴ Ильхам — катехизис.

⁵ Навои, Низаматдин Алишер (1441—1501), великий узбекский писатель, ученый, художник, музыкант, государственный деятель. Родоначальник литературы на узбекском языке.

⁶ Ходжа-Ахмед Яссави — узбекский поэт (около 1105—1166 г.) На его могиле в г. Туркестане Тамерлан построил мавзолей (в 1397 г.), который существует и поныне.

⁷ Арабиет — мусульманское богословие на арабском языке.

прекратить дело. Тогда Жунус и его друзья напали на аул Адила и угнали скот. Жунуса осудили на высылку в Сибирь. По дороге он сбежал и, вернувшись в аул, два года скрывался в горах.

В 1916 году Саха, только что окончивший гимназию, приехал домой и встретился с отцом. Но встреча была недолгой.

Через месяц после объявления царского приказа о мобилизации казахов на фронт для рытья окопов Жунус одним из первых поднял восстание в Джетысу. Он собрал близких ему родственников джигитов и сказал:

— Братья! Настал для казахов черный день. Русский царь забирает нас на фронт. Лучше умереть у себя в Джетысу, а не на чужбине. Седлайте коней, берите ружья, а у кого нет — пшки. Завтра уйдем в горы. Будем воевать.

Жунус прочел молитву, велел зарезать черного барана. Бакену он приказал объехать за ночь соседние аулы передать аксакалам, чтобы все собрались к нему в ущелье Кара-Тюбе.¹ Утром Жунус предложил послать женщин в Кара-ой. Там волостные управители составляют списки мобилизованных. Надо отнять списки и уничтожить их.

В долине Кара-ой в тот памятный день было необычное оживление. Из соседних аулов двигались толпы женщин. У белой восьмистворчатой юрты их встретил помощник уездного начальника Хлыновский, стоявший в окружении волостных управителей и отряда полиции.

Женщины приблизились вплотную к волостным управителям. Из толпы вышла маленькая, худенькая старушка. Она сжимала кулаки... Трудно было узнать в ней робкую, тихую Фатиму — жену Жунуса...

Хлыновский крикнул волостному управителю:

— Что нужно этим бабам?

Фатима первая громко, но сдержанно ответила:

— Пришли за списком. Мы не отдадим мужей и сыновей на войну!

— Отдайте список! — зашумели женщины.

Лицо Хлыновского налилось кровью:

— Разогнать!

Волостные управители взмахнули плетями. Полицейские взяли ружья на перевес. Хлыновский выстрелил из нагана в воздух. Женщины рассыпались в разные стороны.

¹ Кара-Тюбе — буквальный перевод: «хлеб в горе».

Выстрел Хлыновского послужил сигналом для выступления отряда Жунуса, находившегося в засаде. Джигиты мигом окружили аул. Началась перестрелка. Хлыновский со своим отрядом стал отходить в горы. Джигиты ворвались в волостное управление Кастека. Кастекского волостного управителя они нашли за сундуком и выволокли из юрты.

— Давай список! — закричал Жунус, поднимая камчу. Управитель задрожал.

— Унесли.

— Продажная собака!

Засвистели шлети джигитов. Управителя загнали под коня. Подскакал Бакен и самодельной секирой рассек ему голову... Так началось восстание...

Через два дня в Кора-Тюбе собралось до тысячи джигитов. Повстанцы взяли под контроль трактовую дорогу Пишпек — Верный и перерезали телефонную линию. Через несколько дней восстание вспыхнуло в Пишпекском, Пржевальском и в Джаркентском уездах.

Как-то ночью в отряд Жунуса явился русский столяр из Кастека Кащеев со своим зятем казаком Сметом.

— Что, не ожидал, тамыр?¹ — спросил по-казахски Кащеев.

Жунус оторопел от неожиданности.

— Зачем ты пришел?

— Помогать тебе!

Жунус молчал.

— Не веришь? Думаешь, обманываю? — Кащеев указал на зятя. — Вот мой залог!

Так просто, как свой человек, столяр остался в отряде.

Число повстанцев увеличивалось с каждым днем. Жунус насчитывал в своем отряде до десяти тысяч бойцов. В горах Кора-Тюбе в неприступной крепости повстанцев открыли мастерские для литья пуль и ремонта оружия. Старый солдат Кащеев обучал джигитов искусству стрельбы.

В эти дни к Жунусу неожиданно явился Хальфе, недруг его детских лет. Он только что окончил медресе² в Бухаре, но по старой привычке все его называли не по имени, а по духовному званию — Хальфе.

¹ Тамыр — друг, приятель.

² Медресе — духовная школа у мусульман.

Он льстиво заговорил:

— Ваш риск увенчается успехом, ему покровительствует сам всемогущий аллах. Хазрет¹ Агзам просил передать: во сне он видел зеленое знамя Магомета в твоих руках.

Польщенный Жунус заерзал на месте. Хальфе это заметил даже в темноте.

— Один декханий никогда не успеет своевременно обработать большое поле. Наш хазрет считает, что тебе надо связаться с правоверными Теджена и Гюргена², объявившими священную войну. Если тебя окружают кафиры³ ты задохнешься в горах Ала-Тау. С одними казаками Джетысу не добьешься цели. Агзам предоставляет в ваше распоряжение мечети. Молитесь в них, а если нужно — укрывайтесь от врагов. И еще он дает вам... — Хальфе понизил голос до шепота — деньги. Золотом можно купить не только оружие, но и самого врага.

Заканчивая беседу, мулла добавил:

— Джигиту-казаху легче будет умереть за веру, за аллаха!

Поразмыслив Жунус принял предложение Хальфе. На следующий день он отправил нарочного к имаму Агзаму.

Осенью шестнадцатого года в Верный стекались карательные войска с артиллерией и пулеметами. Из Ташкента прибыли отряды подполковника Гейцига и подполковника Алтырцева. Из Скобелева по направлению Андиджан — Джалал-абад и далее к укреплению Нарынскому двигался отряд капитана фон Рурзи. Из Термеза на Оренбург, Семипалатинск и далее на Сергиополь шел полковник Виноградов.

В октябре началось общее наступление. Карательные войска прижали повстанцев к горам. В генеральном сражении в Каркаралинске повстанцев разгромили. Сорок тысяч семей казахов ушли в Китай. С руководителями повстанческих отрядов Фольбаум расправился жестоко: храбрейшего из них Бекбулата Ашикеева повесили. Науке Сатыбекова, Досхожу Кашаганова и его отца, мудрого

¹ Х а з р е т — святой, блаженный; почтительное наименование духовного лица.

² Населенные пункты в Туркмении, где восстание 1916 года носило характер газавата, то есть священной войны, которую разжигали панисламисты.

³ К а ф и р ы — иноверцы.

старца Кашагана, приговорили к расстрелу. Зятя столяра Кашеева Смена живым сожгли на костре. Сам Кашеев погиб в боях за Токмак. Знаменосец Бакен чудом спасся и бежал в Синьцзян. А Жунус нашел убежище в Туркестане — укрывшись в мавзолее Ходжи-Ахмеда-Яссави.

В поисках Жунуса отряд Гейцига ворвался в аул Айна-Куль и предал его огню. Каратели повесили дядю Жунуса, семидесятилетнего старика, и его шестилетнего племянника. Фатима с детьми сплелась в пещере Кора-Тюбе.

Саха Сагатов не знал, что происходило в лагере повстанцев. В эти горячие дни он сидел в тюрьме в одной камере с Токашем Бокиным. Только через год Февральская революция принесла узникам свободу.

В марте восемнадцатого года, когда в Верном была уже советская власть, Сагатов приехал в родной аул. Здесь он встретил отца, вернувшегося из Туркестана. Саха был уверен, что Жунус идет в одном строю с коммунистами. Но при первом же разговоре с отцом он уловил нотки разочарования. Беседа шла о беженцах-казахах, откочевавших в шестнадцатом году после разгрома восстания в Западный Китай.

Отец недовольно сдвинул поседевшие брови и сердито махнул рукой.

— Не то, не то получилось...

— А чего вам хочется? — спросил Сагатов, по казахскому обычаю называя отца на «вы».

— Что значит мне? — возмутился Жунус. — Мне ничего не хочется. Два года задерживают возвращение наших джигитов в родное гнездо. Разве мы того ждали от новой власти.

— За действия временного правительства большевики не отвечают, — сказал Саха. — Советская власть заботится о возвращении беженцев. Но не все сразу. Есть дела поважнее.

И он начал рассказывать, что намечено сделать в первую очередь для укрепления советской власти в Джетысу.

Жунус сидел молча, потом, как бы про себя, промолвил:

— Ко всему, что ты говоришь, у меня нет веры...

Сагатов удивился: какая муха укусила отца?

Жунус вытащил из кармана перочинный ножик и, попросив у жены тальник, стал вырезать на коре узоры.

Саха понял. Жунус волнуется. Что же, пусть! Лучше, если отец выложит все, что у него накопилось на душе. Ему легче будет.

Но отец молчал. И тогда Саха сказал:

— Новая власть открыла нам все двери, отец! Войдите и займите свое место. Вы сражались с полковником Гейнигом. Для большевиков вы самый дорогой человек!

Жунус отрицательно покачал головой.

— Я достаточно потаскал груз жизни на своем горбу, чтобы быть легковверным. Мои глаза еще зоркие. Ты говоришь открыта дверь? Если одному мне, — не войду. Как-нибудь проживу за дверью.

Саха следил за отцом. Длинные, сухие пальцы старика стиснули нож, тальник треснул.

— Джигиты сражались за свободу нашего народа. Безумная их храбрость щитом прикрыла меня и тебя от верной гибели. А ты забыл о них, Саха...

Жунус погладил остроконечную бороду, провел большим пальцем по усам и после короткого молчания громко сказал, словно Саха был тугой на ухо:

— Пока возвратившиеся джигиты не получают дома и земли казаков, четыре года назад резавших их детей и жен, я не пойду служить новой власти...

— Отец...

— Молчи! — прервал Жунус и заговорил страстным голосом:

— Сорок тысяч казахов ушли в Китай. Десять тысяч из них погибли от голода и холода. Токаш в семнадцатом году ездил в Синьцзян узнавать об их судьбе. Он привез страшные вести. Чтобы спасти семьи, казахи продавали малолетних дочерей китайским купцам в рабыни. Это тебе известно?

— Известно.

— А сколько казахов убито и повешено! Разве ты не слышал про Беловодскую резню?

— Ну, к чему вспоминаете старое, отец?

— Не перебивай! — голос Жунуса задрожал. — Разве восемьдесят тысяч казахов и киргиз Пржевальска, Каркаринска, Кебены не выселили в горы?

— Мы не отвечаем за действия старого правительства! Жунус не слушал.

— Кто сопротивляется возвращению беженцев? Кто послал заградительный отряд встретить их на границе

Китай ружейным и пулеметным огнем. Что ты сделал для них?

Жунус, бледный, трясущийся, подошел к Сахе, с вытянутыми вперед руками, готовый схватить и задушить его. Сагатов отпрянул. Он не ожидал такого приступа ярости.

— Кто сказал слово в защиту бедных казахов, когда станичники отобрали у них скот? Кто протестовал, когда заставили уплатить три миллиона рублей Тыртышному за разбитую мельницу? Она осталась цела и работает до сих пор в Кастеке.

Жунус задохнулся; весь багровый с пеной на губах стоял он посреди юрты. Он хотел рассказать сыну, как его недавно вышорали, но постеснялся.

А дело было так: остановили Жунуса на дороге трое встречных всадников в красноармейских шлемах. Один взял за узду коня, двое стащили с седла. Заговорили то-ропливо, перебывая друг друга.

— Это тот самый гад!

— Тот, тот... калбитский генерал...

Жунус понял — лошады не будет. Не успел ахнуть, как связали руки и раздели.

— Держи!

Длинная тонкая плеть со свистом ожгла тело Жунуса.

... Кто надругался тогда над стариком? Не с ними ли воевал Жунус в шестнадцатом году? Не все ли равно какие они — белые или красные. Они — русские. И на шлемах у них были красные звезды.

Жунус грузно опустился на одеяло и долго молчал, поникнув головой. «На земле нет справедливости и не будет!»

Саха тоже молчал.

— Ты кем у большевиков? — Жунус поднял голову.

— Я секретарь уездного комитета партии.

— Что это значит?

— Уком — совесть и глаза партии во всем уезде.

— Ага! — тонкие губы Жунуса искривила улыбка. — Если ты совесть и правда, почему не заберешь дома у казаков, почему не отдашь их беженцам.

— Не все казаки виноваты! — твердо сказал Саха. — Были же среди них, которые помогали вам. Вспомни Кашеева...

— Он не казак!

Тальник в руках Жунуса снова треснул. Отец встал и махнул рукою.

— Нам не о чем разговаривать...

Это было первое и последнее столкновение сына с отцом, летом тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Через месяц Жунус исчез. Куда? Никто не знал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Деловая жизнь в обкоме начиналась рано. С утра в приемной секретаря толпились посетители: работники из дальних уездов, приехавшие по вызову, руководители областных организаций, скотоводы из аулов.

Сагатов сидел в кабинете за большим дубовым столом, покрытым синим сукном и разбирал утреннюю почту.

— Можно? — высокий бородач приоткрыл дверь.

— Заходи, заходи, Басов!

Грузно ступая по ковру, вошел председатель облчека. Крепко пожал руку Сагатова и опустился в кресло.

— Ну, какие новости, Дмитрий Васильевич?

— На днях ездил в Пржевальск. Прибыла партия беженцев из Сындызья.

— Хорошо!

— Хорошо, да не очень! Беженцы хотят жить на своих землях, а их в шестнадцатом году с Куропаткинского благословения забрали кулаки.

— Так. Дальше!

— Идет слух — казаки решили расправиться с главарями восстания. Кое-где были самосуды. Провокаторы открыто работают в аулах: «Власть русская, киргизам не жить в Семиречье. За восстание расплатился Бокин, убит!» А Жунус, ваш отец, сбежал к басмачам искать защиту. На советскую власть не надеется.

Басов пристально смотрел на Сагатова. Саха изменился в лице. Вот опасность, о которой предупреждал Фрунзе! Враги хотят взбудоражить вернувшихся беженцев, столкнуть их с казачеством. Чтобы напугать казахов вспомнить и смерть Бокина и исчезновение Жунуса.

Сагатов рассказал Басову о своем разговоре с Фрунзе и закончил:

— Опасный сейчас момент. Враги Советской власти

постараются его использовать... Все наше внимание на этот участок...

Когда Басов вышел, Сагатов долго сидел, подперев руками голову. Ах, отец, отец! Что ты наделал?.. Стал орудием в руках врагов. Даже друзья скоро перестанут доверять твоему сыну...

Саха не заметил, как в кабинет вошла девушка низенького роста, с круглым смуглым лицом, живым взглядом черных глаз. Длинные косы свисали до колен. Она ступала осторожно, словно боясь испачкать ковер. Подошла к столу и остановилась молча.

— Садитесь, сестричка! — предложил Саха.

Девушка опустилась на стул.

— Что вы хотите? Саха старался угадать причину прихода юной посетительницы. «Или продали за калым старику, или сбежала от нелюбимого мужа», — подумал он.

— Я к вам пришла не как к большому начальнику, а как к близкому человеку, — заговорила девушка.

Сагатов удивился: неужели дальняя родственница?

— Откуда вы?

— Я здешняя. Дочь Адила. Меня зовут Ляйли.

Она не осмелилась поднять глаза. Смотрела под ноги, нервно перебирая тонкими пальцами.

Алая краска залила лицо Сагатова. Так это Ляйли, его невеста! Как-то мать в ауле полушутя-полусерьезно поведала ему, что он обручен с дочерью кулца Адила. Саха тогда не придавал значения словам Фатимы.

— Я вас не знаю! — вежливо заметил Саха.

— А я ведь ваша невеста! — тихо сказала девушка еще ниже склонив голову.

Сагатов, переборов смущение, улыбнулся.

— Видите... Мы ничем не связаны, кроме обещания наших отцов?

Ляйли подняла голову и впервые смело взглянула ему в лицо. «Какой красивый!».. Она услышала биение своего сердца.

— Обещание родителей подсказано богом, подтверждено ангелом-хранителем! — нашлась ответить девушка.

— Любовь не признает ни бога, ни ангелов, милая Ляйли! — заметил Саха. — Теперь не то время, когда сыновья любили глазами отцов, а не своими сердцами.

— Мое сердце принадлежит мне! — сказала Ляйли. — А мои уста говорят по его внушению!

— Все же, дорогая сестричка, я думаю, что вы пришли не для того, чтобы поговорить о своем сердце! — пошутил Саха.

— Я пришла просить вашей помощи.

— Если я смогу, пожалуйста!

— Это в ваших руках. Конечно, если вы захотите. — Ляйли сделала ударение на последнем слове. — Мой отец сидит в тюрьме. Его не выпустят до тех пор, пока он не уплатит соудепу пять миллионов рублей. Но у нас нет столько денег.

— Я не могу нарушить постановление советской власти.

«Неправда», — хотела вскрикнуть Ляйли, но удержалась и спросила, меняя тон:

— Вы ненавидите нас? За что?

Саха встал, давая понять, что разговор окончен. Ляйли тоже поднялась и молча вышла из кабинета.

Никогда Саха не думал, что к нему может явиться девушка и сказать «Я твоя невеста!» Он улыбнулся. «Невеста!» А между прочим, довольно красивая... Сколько ей может быть лет?.. Видимо, училась... Бойкая...

— Разрешите?

В полураскрытую дверь боком пролез тучный казах с пузатым желтым портфелем в руке. Пухлое лицо с отвислой губой показалось Сагатову знакомым. Где он видел этого человека?

«Козлиная голова!» — чуть не воскликнул Сагатов, вспомнив старую кличку Сугурбаева, данную ему Токашем Бокшным.

— Поздравляю, дорогой брат, с большим постом! — осклабился Сугурбаев, обнажив кривые желтые зубы.

Он протянул через стол руку. Саха без особого удовольствия пожал потную пухлую ладонь неожиданного гостя.

— Я давно у нас в Джетысу, — Сугурбаев сделал ударение на слове «у нас», давая понять, что они земляки. — Приехал по устройству беженцев шестнадцатого года. Наверно, слышали? Занят по горло. Вот, наконец, выбрал время и приехал в город.

Сагатов молчал. Он ждал, что еще скажет Сугурбаев.

Но тот насторожился, как зверь, почуяв запах охотника. Тогда Сагатов решил не оставлять никакой щели, чтобы ею мог воспользоваться Сугурбаев.

— Странно, я встречаю вас третий раз и все в разных ролях — вы помните?

Сугурбаев невозмутимо поднял кустистые брови. Черные глазки встретили взгляд Сагатова и тут же прищурились.

— Пах! Мой брат, кто может устоять против превратностей судьбы? Вот вы сегодня секретарь обкома, а кто скажет, что с вами будет завтра? Я думаю, что лучше быть возницей на свободе, чем считать дни в тюрьме. Верно гласит казахская пословица: «Лучше живая мышь, чемдохлый лев». Мне кажется, дорогой брат, я достаточно понятно ответил на ваш вопрос. Оставим это. Копаться в чужом белье не очень приятно, как говорят русские. И правильно говорят.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Но для меня неясно, почему вы так легко пристали к нашему берегу? Кажется было бы честнее сидеть за кучера, чем за хозяина?

Сагатов откинулся на спинку стула и забарабанил пальцем правой руки по столу.

— Пах! — невозмутимо отозвался Сугурбаев. — Недаром советское правительство объявило амнистию для нас, бывших алашевцев. Я пришел честно, и мне протянули руку такие как вы, прозорливые товарищи, братья...

— Честность проверяется в работе! — сурово заметил Саха.

— Думаю, что оправдаю доверие правительства и ташкентских друзей. Стараюсь, дорогой брат, стараюсь из всех сил. Днем и ночью езжу по аулам и станицам, устраиваю несчастных наших героев. У многих нет ни семьи, ни родственников. Все растеряли. Вот ожидается еще одна партия в Кастек. Куда их девать? Они истощены, измучены. Не секрет: мрут от простуды, от голода. Я приехал просить у вас совета и помощи. Надо потеснить русских в Кастеке и в их дома вселить беженцев! — осторожно подошел к своей цели Сугурбаев.

— Вы предлагаете выселить казаков из станицы?

— Нет, почему же?! — Сугурбаев замялся. — Но, собственно говоря, суть вопроса от названия не меняется. Назовите это, как хотите. Лично я думаю, что не противоречу

решенно партии, где черным по белому сказано: «Возвратить земли казахов».

— В Кастеке русские казаки живут давно! — заметил Сагатов, не спуская глаз с Сугурбаева.

— Мой брат, какая разница когда отобран у казахов Кастек, при Скобелеве или при Фольбауме? Это не меняет сути дела.

— Нет, очень меняет. В постановлении сказано: «Возвратить земли, отобранные при подавлении восстания шестнадцатого года». И все! Значит, мы должны вернуть только лишь самовольно захваченные земли. Нельзя выселять из станицы давно живущих казаков. Ясно?

Сагатов не спускал глаз с Сугурбаева, хотя трудно было что-либо прочесть на жирном лице бывшего алашевца.

— Беженцам нужна сейчас не голая земля, а земля с жилищем, чтобы можно было существовать, — возразил Сугурбаев, вытирая платком вспотевшую шею.

Он поднялся и стал прощаться.

— Я к вам еще зайду, Саха!

Сагатов ничего не ответил.

* * *

У здания обкома Сугурбаева окликнул высокий человек с крючковатым носом.

— Пах! Товарищ Фальковский! — удивился Сугурбаев. — Сколько лет, сколько зим, дорогой Валентин...

— ...Робертович.

— Какими судьбами?

— Представь, ищу тебя!

— Пах! Откуда ты узнал, что я жив и здоров?

— Земля слухом полнится!.. — сказал Фальковский.

Они шли по тенистой улице, беседуя вполголоса.

— Где ты скитался последние годы? — допытывался Сугурбаев.

— Где был, там уже нет! — уклонился Фальковский от прямого ответа.

— Где работаешь?

— Нигде!

— А предполагаешь?

— Надо оглядеться, — сказал Фальковский. — Я в городе четвертый день...

Сугурбаев остановился и взял собеседника за пуговицу френча.

— Пах! Ты же топограф! Хочешь, завтра направлю землемером в Кастек. Жизнь сытая, будешь кататься как сыр в масле....

Фальковский задумался. Предложение показалось соблазнительным.

— А что там придется делать?

— Отобразную Куропаткиным землю будешь снова делить между казаками и русскими.

— А не укокошат за это станичники?

— Валентин Робертович! — укоризненно покачал головой Сугурбаев. — Если в шестнадцатом году не укокошили киргизы, почему в двадцатом году должны укокошить русские... Ты живучий, дорогой... Завтра я думаю выехать в Кастек. Хочешь, поедём со мной.

Фальковский ответил не сразу.

— А что так скоро?

— На днях туда прибывает партия беженцев из Китая. Надо подготовиться к встрече.

— Ну что же, — задумчиво произнес Фальковский. — Если там сытно, можно будет поехать...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гульжан, сестра Сахи, поехала в Узун-Агач узнать о судьбе исчезнувшего отца. В ауле прошел слух, что бахалши¹ Бозтай ездил в Туркестан по торговым делам, побывал в мавзолее Ходжа-Ахмеда-Яссави и узнал о Жунусе. Говорят, старик жив и завел новую семью.

Гульжан нашла Бозтая, своего давнишнего поклонника. Слух оказался ложным. Бозтай клялся, что такого разговора не было. Правда, он слышал от настоятеля мечети, что Жунус в Бухаре. А больше он о нем ничего не знает.

Эта весть огорчила Гульжан, но зато другая новость, услышанная в Узун-Агаче, обрадовала ее. В Кастек на днях должны вернуться беженцы из Китая.

Гульжан торопилась в аул сообщить радостную весть.

Бозтай навязался проводить ее. Сколько раз он мечтал остаться с Гульжан наедине. Красивая дочка Жунуса приглянулась ему давно. Не нравилось ему в ней только одно — невоздержанный, резкий характер и странная мане-

¹ Бахалши — мелкий торговец, спекулянт.

ра носить мужскую одежду. Должно быть, Гульжан знала, что женатый Бозтай к ней равнодушен. Не по годам лысый, рыжий, он всегда был неприятен девушке, и она с радостью бы поехала домой одна. Но не так-то легко отвязаться от Бозтая.

Цыганка-ночь раскинула на небе бархатную плахту, вышитую узорной россыпью звезд. Вдали темнели неприступные, вечно снежные вершины Ала-Тау. У подножья гор мерцали огоньки аула. Тишина нарушалась топотом конских копыт.

— Гульжан! — обратился Бозтай к девушке. — Скоро я еду в город. Есть слух, что хорошую землю дают тем, кто будет воевать.

— Какая война? — Гульжан придержала коня.

— Говорят, казахи опять будут воевать с русскими.

— Кто сказал?

— Приехал адвокат Сугурбаев из Ташкента. Он говорил... Что же, я не против...

— Вояка! Где вы были в шестнадцатом году?

— Воевал с русскими.

— Не слыхала.

Бозтай уловил насмешку в голосе девушки.

— Отец рассказывал про многих джигитов-героев. Но о вас никогда не вспоминал...

— Вот отец-то твой и сбежал. Не хватило пороху...

— Не вам о нем судить! — возмутилась Гульжан.

Бозтай помолчал. Зачем сердить девушку?

— Я пошутил Гульжан. Не хотел обидеть тебя. Лучше поговорим о другом.

— О чем же?

— У шелка одинаковые узлы, а у молодых одинаковые желанья, — начал издали Бозтай.

— О чем это вы?

— О том, чтобы соединить наши сердца.

— Кто терпелив, на тележке догонит зайца! — насмешливо сказала девушка.

— Думаю, что я не только догнал, но и схватил, как беркут!

— Мой беркут давно уже схватил меня.

— Знаю, на кого намекаешь. Но его нет в живых.

— Пусть змеи снесут яйца в ваши уста! — с ненавистью сказала Гульжан.

— О, какой у вас язык! — Бозтай засмеялся. — Я не

выдумал. Мне сказали беженцы из Пржевальска. «Смена, говорят, отравил уйгурский купец».

Гульжан усмехнулась. Во-первых, Смен погиб во время восстания. Об этом рассказывал Жуус, восхищаясь его подвигом в бою. Во-вторых, ее возлюбленного зовут Бакеном.

— Я дала нареченному слово, что буду ждать его возвращения!

— Если хочешь просидеть всю жизнь в девках, жди! Гульжан не выдержала.

— Тот, кого я жду, уже едет! — радостно воскликнула она.

— Кто же он?

— Вы не достойны знать его имени.

— Что? — расвирирел Бозтай. — Даю тебе сроку десять дней. Если за это время не дашь согласия, пеняй на себя!

Конь Бозтая, испугавшись, фыркнул и бросился в сторону. Всадник выпустил из рук повод и, потеряв равновесие, свалился с коня.

Девушка весело рассмеялась:

— Эх, вы, а еще воевать собрались!

Обидный смех хлестнул Бозтая по сердцу. Обозлившись на коня, он ожег его плетью. Конь умчался в горы. Гульжан захохотала еще веселее.

— Ну, что же, теперь прогуляйтесь пешком. Догонять вашего коня я не буду. А посадить с собой... — в голосе девушки прозвучало презрение. — Вы этого не достойны!

— Недостойн?

Бозтай попытался стащить девушку с коня. Он схватил ее за ногу. Гульжан плетью ударила его по голове и хлестнула своего коня. Конь рванулся. От резкого толчка, Бозтай распластался на земле. Исчезая во мраке, девушка слышала брошенные ей вслед злобные слова: — «Я тебе этого не прошу!»

В аул Айна-Куль Гульжан приехала одна. В ночной темноте еле заметно выступали очертания юрт. Возле одной из них стояла мать.

— Что с тобой, моя опора? Почему так поздно? — Фатима чутьем матери угадывала волнение дочери.

— Поздно выехала!

Гульжан умолчала о столкновении с Бозтаем. Фатима сделала вид, что поверила.

— Слышала что-нибудь про отца?

Девушка передала все, что рассказал ей Бозтай и закончила взволнованно.

— Ой, мама, какая радость! Едут наши из Китая!

— Кто сказал?

— В Узун-Агаче есть такой слух. Надо сообщить всем в ауле.

— Иди, свет моих глаз, обойди все юрты. Проси суюнши¹.

Фатима забыла обо всем, словно в числе возвращающихся она надеялась встретить Жунуса.

Гульжан побежала к озеру. Здесь в крайней юрте жил кузнец Токей, дядя Бакена. Токей днем и ночью не вылезает из кузницы. Про него в ауле говорили: — «Токей потемнел не столько от сажи, сколько от злости».

Гульжан подошла к юрте и толкнула двухстворчатую филенчатую дверь.

— Кто там?

— Токе, готовь суюнши! — воскликнула Гульжан. — Бакен едет!

— Бакен? — Токей не поверил. — Откуда узнала?

— В Узун-Агаче. Только что оттуда!

— О аллах, помоги верному рабу! — всхлинула жена Токея от радости.

Гульжан не стала задерживаться, поспешила к юрте акына Нашена. Он четыре года лежал в постели после того, как его высек Гейциг за призыв к восстанию. Немец постарался: у акына отнялись ноги.

Гульжан приоткрыла войлок и громко крикнула:

— Нашеке!

— Это кто?

— Я, Гульжан. Едут наши из Китая!

— Неужели правда? — акын хотел подняться, но боль, сковывавшая обручами поясницу, дала знать о себе. Он застонал.

— Готовьте песни, Нашеке! Завтра приду! — крикнула Гульжан и побежала дальше к саманной лачужке, упиравшейся в отвесную скалу. Здесь жила бабушка Кудан, одинокая бедная старуха. В молодости она слыла красавицей. За ней в ауле установилась слава «чародейки». Она не

¹ Суюнши — подарок принесшему радостную весть.

без успеха лечила детей. Был у нее муж, — Гейциг его повесил как дальнего родственника Жунуса.

— Бабушка! — крикнула Гульжан у самой лачужки.

— О аллах! Кто это так поздно ночью? — заворчала Кудан.

— Бабушка, суюнши! Вставай!

— Не Гульжан ли? Что тебе надо, баловница, среди ночи?

— Суюнши готовьте!

— Отец вернулся?

У Гульжан на миг защемило сердце.

— Едут наши из Китая! — крикнула она.

— О, аллах услышал мою молитву! — запричитала Кудан.

— А Гульжан уже бежала дальше и громко кричала у каждой юрты, не заходя в нее.

— Наши едут! Наши!

Вскоре весь аул поднялся на ноги и зашумел. Разбуженные старухи заохали, дети плакали, женщины звонко смеялись. Каждому хотелось самому услышать подробности радостной вести.

Сияющая, взволнованная Гульжан не уставала отвечать на вопросы. Скоро, очень скоро, придут мужья, отцы, братья, дети. Вернутся те, кого уже и не надеялись видеть в ауле. Счастье, счастье!

Не радовалась только одна Фатима. Она вспомнила Жунуса. Тяжело было у нее на сердце. Вчера утром малолетний сынишка Асхар сказал ей, что во сне видел отца, он упал с высокой горы. А недавно и самой Фатиме приснился муж. Жунус, высунув голову из могилы, страшным голосом звал ее на помощь: «Фатимажан, протяни мне руку». Утром она рассказала свой сон бабушке Кудан. Старуха велела в жертву аллаху принести белого барана. Целый день в ушах Фатимы звучал умоляющий голос мужа. Мучительно переживала она ужасное сновидение...

Вот уже скоро два года, как муж уехал неизвестно куда. Вначале казалось — Саха знает что-то об отце, но, боясь огорчить ее, упорно молчит. Фатима хорошо помнит их ссору. Отец в последнее время избегал разговора о сыне, а Саха в свою очередь, тоже молчал, не упоминал имени отца даже в коротких письмах к Гульжан.

Жунус, Жунус! Если бы ты знал, как тяжело жить твоей жене с Гульжан и маленьким Асхаром! Хозяйство у

них как коротенькое одеяльце. Натянешь на голову — ноги голые, а закроешь ноги — голова открыта. Вечно не хватает чего-нибудь! Старший сын Саха — отрезанный ломоть, живет в городе. Он даже не знает, сколько баранов у матери. Единственная опора в жизни — старшая дочь, Гульжан. В смелости и ловкости она не уступит джигиту.

Фатиме приятно смотреть на дочь. Матери нравятся густые длинные черные волосы, сплетенные в толстые косы, правильные черты лица Гульжан. Не раз приезжали из соседних аулов сваты и уезжали ни с чем. Гульжан упорно отказывала женихам. Фатима догадывалась: дочь ждет Бакена, и потому-то она сегодня так счастлива.

Фатима кончиком платка вытерла глаза — пусть в этот день никто не увидит ее слез!

ГЛАВА ПЯТАЯ

На дороге, огибавшей озеро Айна-Куль показался всадник. Он ехал шагом, жадно всматриваясь в окружающие горы. За ним тянулась вереница повозок и бесконечная цепь нагруженных верблюдов. Чабаны гнали скот. Над ним поднималась золотистая пыль. Шум нарастал. Мычали коровы, ржали лошади, блеяли овцы...

Солнце клонилось к закату. Раскаленный диск золотил далекую снежную вершину Ала-Тау и облака, похожие на кучи хлопка.

Озеро Айна-Куль застыло в горном ущелье, точно налитая до краев чаша. В чистой прозрачной воде, как в зеркале, отражались скалистые берега. Тихо, ни ветерка. То и дело взлетали стаи уток. Описав круг над озером, они рассыпались, как лепестки цветов.

Все жители аула, стар и млад, высыпали из юрт. Гульжан нарядившись в костюм из синего бархата, первой вышла на дорогу встретить своего возлюбленного.

Ждет она его... А вдруг?.. Нет-нет... Гульжан боялась произнести страшное слово, была уверена — он придет! Она встретится с ним. Вчера девушка видела его во сне таким, каким он был в черные дни разгрома восстания. Никогда она не забудет минуты, когда раненый Бакен, очнувшись в пещере Кора-Тюбе, радостно взглянул ей в глаза.

Смущенная Гульжан отошла в сторону, где стояла мать и крепко схватила ее руку.

— Боже мой, неужели он тоже здесь?..

Беженцы совсем уже близко. Толпа ринулась навстречу каравану. Женщины заголосили. Аксакалы, опираясь на палки, подняли головы. Слезы крупными каплями падали на бороды. Пришла и Вера Павловна, учительница из Кастека, высокая, худощавая женщина, с гладко зачесанными волосами. Она смотрела влажными глазами на растянувшийся обоз.

Повозки остановились. Женщины бросились искать потерянных близких. Вопли отчаяния и возгласы радости слились в один сплошной гул.

С коня соскочил Бакен. Гульжан сразу узнала его, хотя он сильно изменился. Жизнь в чужом краю наложила на молодого джигита свой отпечаток; он сильно похудел, лицо в морщинах, спина сутулая. Но попрежнему жизнерадостно блестели его карие глаза. Видно было, что Бакен кого-то ищет в толпе. Гульжан догадалась. Радость волной прилила к ее сердцу. Ей хотелось кинуться ему на шею и заплакать от счастья. Но Бакен увидел дядю Токея и бросился к нему.

Он по-казахски, троекратно приложив свою грудь к груди Токея, поздоровался и взволнованно смотрел на дядю. Токей радостно улыбнулся и по-отечески погладил по голове племянника. Он пришел встречать дорогих людей прямо из кузни, измазанный сажей.

Молодая женщина в городской одежде, выдвинувшись из толпы, с улыбкой смотрела на Бакена. Ее ласковые серые глаза встретились с удивленным взглядом Бакена.

В первую минуту он не узнал ее. Неужели Гульжан? Да нет. Это дочь Павла Семеновича Кашеева, бок о бок вместе с джигитами дравшегося против карательного отряда Гейцига.

— Вера!

Бакен торопливо схватил ее руку. Эта сероглазая женщина вместе с Гульжан спасла ему жизнь в пещере Коратюбе. Он приложил левую руку к виску, изуродованному пулей, и хотел что-то сказать, но тут к Вере Павловне подошел, опираясь на палку, аксакал. Сняв шапку, старик низко поклонился:

— Бесценная дочка! Свою седую голову я склоняю

перед храбростью вашего отца, любимого нашего героя. Мы его не забыли и никогда не забудем. И сегодня, возвратившись на родину, мы чтим его память.

Старик умолк. Окружающие скорбно молчали. Вера Павловна поднесла руку к повлажневшим глазам...

Тишину прервал крик:

— Жолдастар! На митинг... Сейчас будет приветствовать прибывших представитель ТуркЦИКа товарищ Сугурбаев!

Землемер Фальковский указывал, где нужно собраться. Люди столпились возле невысокой скалы. На нее поднялся Сугурбаев и снял шапку:

— Дорогие мои братья!

Шум стал стихать. Сугурбаев поклонился.

— Приветствую вас с возвращением на родную землю!

На дороге показалась пара вороных, запряженных в коляску. Иноходцы бежали рысью, окутанные клубами пыли. Взоры участников митинга обратились к остановившейся коляске. В толпе прошел шопот: «Саха приехал! Наш Сахажан!»

Сагатов, в летнем костюме, как всегда, без фуражки, выпрыгнул из коляски.

До ушей его донесся голос Сугурбаева.

— Пока вы страдали на чужбине, ваши враги отобрали вашу землю, обрекли вас на голод, на холод. Но... Счастье ваше, что в Джетысу сейчас не власть царя, против которого вы сражались, а наша власть, власть Советов... Джетысу, казахская земля, принадлежит казахам... Вы наши герои, хозяева этой земли... Вот она, берите ее... Она теперь лежит на вашей ладони. К старому нет возврата. Прошли времена Куропаткиных и Черняевых, и никогда не вернуться. Только мы, казахи, сейчас полновластные хозяева в Джетысу. Земля наших предков принадлежит только нам... Ее вернула наша защитница — советская власть!.. Эй, враги, берегитесь!..

Сагатов слушал и хмурился. Речь Сугурбаева, полная скрытого умысла, ему не нравилась. Он угрожает. Кому? Русским!..

Когда Сугурбаев кончил, Саха занял его место на скале.

— Салем вам, мои братья! — Он увидел измученные, загорелые лица беженцев. Эти люди вернулись на родину, чтобы найти счастье на земле своих предков. Они его най-

дут, в этом Саха не сомневался. Но не на том пути, о котором намекал Сугурбаев...

И он заговорил, обращаясь к беженцам.

— Я знаю вас: вы не захотели стоять на коленях перед царем и баями. За это погибли смертью храбрых такие люди, как Тасбулат Ашикеев, Семен Ногаев и наш русский друг, тамыр Павел Кашеев. Вечная им память!

В толпе кто-то всхлипнул. Саха выдержал паузу.

— Вы вышли с голыми руками против пушек и пулеметов, не боясь их. Наш народ считает вас своими богатырями. Передо мною выступил Сугурбаев. Мне кажется, он допустил ошибку, забыв сказать главное. Мы воевали в шестнадцатом году с царем, с Куропаткиными, Фольбаумами, Гейцигами... Но мы никогда не воевали с русским народом!.. Жить с русскими людьми, как с родными братьями, это значит — укреплять советскую власть. У нас сейчас нет и не может быть другой цели, кроме одной — построить счастливую жизнь на казахской земле, где казахи, русские, уйгуры, украинцы смогут свободно трудиться. Вы вернулись на свою родину, и родина обеспечит вас землей, кровом, пищей. Вам помогут все, в том числе и русские товарищи, которые знают, как вы страдали на чужбине.

Одобрительный гул пронесся над озером Айна-Куль. Встревоженные утки поднялись над зеркальной гладью воды и, описав круг, скрылись в кустах.

Саха еще долго говорил, Сугурбаев стоял рядом с Фальковским и не сводил с Сагатова глаз.

Но вот Саха закончил свою речь. К нему подошел аксакал и сказал:

— Золотые слова! Пусть аллах поможет в твоих делах!

Но беженцы молчали. Чувствовалось, что речь Сугурбаева понравилась им больше.

— Кто он такой? — спросил один из беженцев, обращаясь к Токею.

— Саха! Сын Жунуса.

— Саха?! Как он вырос! Не узнать.

— А где сам Жунус?

— Почему его нет?

— Жунус поспорил с сыном и ушел из аула.

— Поссорился?

Кто-то из беженцев громко крикнул:

— Пусть говорит Жунус!

Толпа подхватила:

— Жунус!

— Жунус!

Взоры беженцев обожгли Сагатова. Лицо его побледнело, потом покраснело. Тот же проклятый вопрос! Что он ответит им, соратникам Жунуса? Поверят ли они ему, если он скажет, что их боевой командир на чужой стороне, что он пошел против своего народа. Настал решительный момент: сказать правду народу, открыть ему глаза. Пусть осуждают...

Наступила мертвая тишина. Все затаили дыхание.

— Жунус — ваш предводитель, сбился с пути!.. — сказал Саха. — Он ушел из аула, и даже говорят, находится в стане наших врагов. Он был моим отцом. Но с того дня, когда он покинул аул Айна-Куль, я не имею отца...

Голос Сахи прозвучал глухо. Фатима в ужасе закрыла ладонями лицо. У Гульжан подкосились ноги. «Как у Сахи повернулся язык, чтобы сказать такие страшные слова!» Толпа замерла. Сын отрекся от родного отца. Аксакалы сурово сдвинули седые брови...

Саха молча сошел со скалы. Люди расступились перед ним...

Тягостную обстановку нарушил Нашен-акын. Его принесли на кошме. Бледный, с крупным носом, густыми нависшими бровями, он походил на старого беркута. Нашен приподнялся, оперся на палку, обвел всех зорким взглядом, затем гордо вскинул голову и запел:

Мне, акыну, — девяносто лет,
Я свидетель всех народных бед.
Мои песни ветер степью носит,
Звезды в небе шепчут обо мне.
Снова песню сердце мое просит,
Я ее спою вам в тишине.

В дни, когда летал орел двуглавый,
Черной тенью омрачив простор,
Ринулись вы смело в бой кровавый,
Запалив восстания костер.

И дымилась даль степей багрово,
Вы дрались отважно и сурово.
Умирали стоя, но вперед
Звал других ваш соколиный взлет.

Подвиги я нынче ваши славлю,
В песенном огне я сердце плавлю.
Ждал я долго встречи этой час,
И дождался. Я пою для вас.¹

Свое приветствие Нашен готовил в мучительные бессонные ночи. Четыре года он жил этим днем. Ждал его и дождался...

Люди оживились, слушая акына, и вот уже радость охватила всех. Твердою походкой беженцы подходили к акыну, подносили руку к груди в знак сердечной благодарности и жали его сухую сморщенную ладонь. Нашен всматривался каждому в лицо и называл имя. Старик никого не забыл:

— Ташен... Бакен... Муса...

Наступили сумерки. Беженцы разбивали лагерь, двигали юрты, мастерили шалаши. Многие ушли к родственникам. Над озером Айна-Куль раздавались веселые голоса, смех девушек, плач детей и лай собак. Аул, окутанный вечерним дымом, ликовал...

Целую неделю жители его готовились достойно встретить беженцев, вернувшихся с чужбины. Женщины накапливали кумыс, пекли баурсаки, кололи упитанных баранов. Из подземных печей шел дым, пахло гарью. Во всех юртах началось угощение...

Сагатов в юрте у матери, сидя за кумысом, обсуждал с членами комиссии, как лучше устроить беженцев. Левобережные, приальпийские луга реки Кастек целиком принадлежат казачьей станице, ими владеет пятерка кулаков. Часть лугов возле озера Айна-Куль отошла к казакам после восстания. Вернее, они просто ее отобрали. Как быть? Возвратить эту землю аулу, или переселить беженцев в станицу в национализированные дома, а землей наделить потом... Как лучше?

Сугурбаев посмотрел на Фальковского.

— Что скажет землемер?

* * *

И вот пришла бархатная звездная ночь, всегда прохладная на озере Айна-Куль. Луна медленно выплывала из-за горных вершин.

На берегу озера на камнях сидели Вера Павловна и

¹ Перевод Н. Титова.

Гульжан. Они ждали Бакена. Он сам назначил свидание Гульжан и почему-то медлил. Видно, не может вырваться, сидит с комиссией.

По казахскому обычаю влюбленным неприлично встречаться при родственниках. Тайна их сердец никому не должна быть известна.

— Идет! — сказала Вера Павловна, прислушиваясь.

Гульжан увидела высокую фигуру джигита и затаила дыхание. Бакен чуть не бежал к озеру.

— Гуля!

Джигит, не владея собою, бросился к девушке и сжал ее в объятиях. Он долго целовал её молча, как будто слова могли омрачить радость встречи. Вера Павловна смахнула навернувшиеся слезы. Она вспомнила погибшего Смена.

Встреча после длительной разлуки была радостная. Чтобы не мешать влюбленным, Вера Павловна покинула их.

Потом Бакен, держа в ладонях руки Гульжан, рассказывал ей о годах, прожитых в Китае. При свете луны он видел только бледное лицо девушки и ее влажные глаза.

Они посидели до поздней ночи, прижавшись друг к другу.

— Гуля! Я хочу тебя спросить...

Сердце Гульжан подсказало, какой вопрос задаст Бакен. Конечно, она ответит согласием. Недаром она ждала его четыре года...

— Гуля! А все же, где сейчас может быть Жунус? — спросил Бакен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ту ночь, когда Фатима увидела во сне мужа, Жунус, скитавшийся по земле узбеков, ехал из Маргелана в Фергану. Он сопровождал имама Агзама, имевшего чрезвычайное поручение эмира Бухары встретиться с ученым шейхом из Хиндустана. Только очень немногие знали, что шейх прибыл для «спасения мусульманской веры» в Туркестан.

В Маргелан путники добрались поездом, раздобыли здесь провожатого у местного муллы и вместе с ним выехали в Фергану. Проводник держал путь по долине, за-

росшей густым кустарником. Ночь была темная. Грозовые тучи обложили небо. Жунус хмуро молчал и зорко вглядывался в темноту. Имам бормотал под нос молитвы, потом, доверившись провожатому, успокоился и замолчал.

Припоминая встречу с эмиром, Агзам старался разгадать тонкий намек его о шейхе, как о спасителе веры. Имам даже усмехнулся. В такое время, когда вместе с крушением жизненных устоев подвергались сомнению сама незыблемая основа веры, ее не может спасти приезжий шейх. По мнению имама Агзама, для спасения Средней Азии от нашествия голодных кафи́ров с севера нужна острая сабля.

Имам Агзам был тесно связан с Бухарой, духовным центром всего Туркестана, не только политическими взглядами. Бухаре он обязан воспитанием и завидной карьерой. Блестяще окончив знаменитую медресе Мир-и-Араб, высшую духовную школу в Бухаре, он поехал в Джетысу, в город Аулиэ-Ата. Здесь при поддержке духовного главы Бухары сделался настоятелем мечети, а через несколько лет, одновременно занял главного имама мавзолея Ходжа-Ахмеда-Яссави. Огромные средства, поступавшие от паломников, попадали большей частью в просторный карман имама. За очень короткий срок он разбогател и приобрел немалый вес в Бухаре.

Когда эмир призвал духовных лиц возглавить борьбу с советской властью, имам Агзам встал во главе антисоветских сил в Семиречье. Его дом в Аулиэ-Ате, куда он перебрался из Туркестана, превратился в настоящий штаб заговорщиков. Сюда приходили националисты из партии «Алаш», переодетые в одежду казаха-скотовода, (лисий трех-тумак, сапоги с длинными голенищами и высокими каблуками). Отсюда выходили юродивые диваны,¹ одетые в лохмотья, с посохами в руках и ходжи — ретивые пропагандисты ислама среди казахов. И, наконец, в этом доме имам Агзам снаряжал послов к уфимскому муфтию и рассылал секретные письма знатным, богатым казахам, приглашая создать мусульманский отряд для священной борьбы с русскими, а также с казахами вероотступниками.

По дороге в Бухару имам Агзам вербовал фанатиков-мусульман и, составив небольшой отряд, поручил коман-

¹ Д и в а н а — нищенствующий монах у мусульман.

дование Жунусу. Имам хорошо знал, кого он выбирает. Жунус не богат и не славится родом. Но зато он имеет имя. Раскаты грома после грозы шестнадцатого года еще не стихли. Нет-нет, да прогремит эхо в горах. Агзам надеялся связать имя Жунуса, прославленного вождя повстанцев, со священной борьбой за веру — газаватом.

Но первые шаги принесли неудачу. Отряд, собранный из разных аулов, по мере удаления от мест таял на глазах. Из двухсот человек границу Бухары перешла лишь, четвертая часть.

Агзам был удручен: если бы он привел в Бухару целый отряд казахов, то несомненно, во дворце эмира вес его возрос бы. Может быть, он со временем, опрокинув Бурхан-эдина, занял бы пост всецельного кази-каляна, верховного судьи эмирата.

В Бухаре Агзам встретили радушно. Прирожденный дипломат, имам быстро завоевал внимание эмира. Показав смелость мысли при решении важных вопросов, он за короткий срок стал своим человеком во дворце.

Постепенно эмир стал давать ему самые ответственные поручения. Агзам вместе с Жунусом ездил в Хорезм к Джунайд-хану,¹ последнему хивинскому хану, когда «непобедимый туркменский лев» еще был в зените славы. Джунайд-хан принял имама ласково, устроил по восточному обычаю большой праздник, показал силу и ловкость туркменских джигитов.

Беседа с Джунайдом-ханом длилась долго. Агзам и Жунус требовали объединения всех сил Средней Азии под зеленым знаменем Магомета и под руководством эмира Сеид-Алим-хана, чтобы сохранить священную Бухару для мусульман. Имам Агзам пустил в ход искусство красноречия и свой духовный авторитет. Он говорил мягким вкрадчивым голосом, каким обычно читал священные главы корана:

— Велик аллах, мудр Магомет! Под солнцем его нет ничего непредвиденного, все учтено и названо своим именем. Если эмир, наместник пророка в Средней Азии, призывает, то надо действовать, а не дробить силы. Промедление губит, риск вознаграждает, если сразу не дрогнула душа.

¹ Джунайд-хан (Мухаммед-Курбан-Сардар), вождь Туркменского племени номудов, бывший пастух, пришел к власти, свергнув хивинского хана Асфандияра.

Агзам говорил вообще, а Джунаид-хан принимал на свой счет — это была форма восточной дипломатии. На помощь имаму пришел Жунус, державшийся в тени. Его бледное лицо покрылось румянцем. Слегка поклонившись, он сел по-турецки, поджав под себя ноги, а руки положил на колени.

— Эмир предпринимает большой поход против Ташкента. Его удар должен быть поддержан вами! — сказал Жунус.

Джунаид-хан, прищурив хитрые зеленоватые глаза, долго молчал. На смуглом лице трудно было прочесть его мысли. Он разглядывал извилистые линии левой ладони, как будто хотел угадать свое будущее.

Но Джунаид-хана не обведешь вокруг пальца! У него глаза зоркие. Хивинский хан сразу почуял, с кем имеет дело. Он не верил в успех и решил остаться в стороне, сохранив свою независимость.

Джунаид-хан усмехнулся: «Жизнь туркменских джигитов не купишь за недосыгаемую идею панисламизма, сверкающую, как золотое полулуние бухарской мечети. Она очень дорога для туркмен».

Эту мысль он перевел на язык дипломатии и сказал вслух на третий день перед отъездом послов эмира.

— Передайте мой кровный братский привет эмиру Сеид-Алим-хану. Скажите ему, что я всегда готов соединить с ним свою душу и силу. Но считаю, что цветы благого дня еще не расцвели, рвать их рано. Пусть распространяется аромат неувядаемого ислама! Надо еще подождать!

И вот Агзам сидит на коне, сдет с новым поручением, злой, недовольный поведением Джунаид-хана. Имам часто украдкой смотрит на Жунуса, боясь, как бы он тоже не изменил своему решению у порога больших событий. Но достигнут ли они счастья? Не родились ли они под потухшей звездой?

Первый раз в жизни закрадывается сомнение в душу Агзама. Он задумался над словами Жунуса, сказанными после посещения Джунаид-хана. Жунус сказал: «Не кажется ли вам, уважаемый имам, что наш панисламизм похож на старый дуб, переживший самого себя? Сухие корни его лежат на поверхности земли, на ветвях не растут листья. Посмотришь на него, лишь чувство жалости вызывает он. Только невольно уважаешь и почитаешь его

седую славу. Не кажется ли вам, что земля, выбросившая корни старого дуба на поверхность, похожа на современную жизнь? Она не воспринимает нашего панисламизма! Налетит сильная буря — свалит этот дуб. »

Агзам сделал вид, что не соглашается с Жунусом.

А Жунус сказал еще резко:

— «Не кажется ли, уважаемый имам, что мысль большевиков о равенстве и братстве похожа на молодое яблоневое дерево? Оно пышно растет, привлекая внимание прохожих! У нас же в руках страх. Мы пугаем народ адом, богом и держим силой».

Такие дерзкие мысли Жунуса могли родиться от сомнений, высказанных Джунаидом. Жунуса следовало бы... Но не надо упускать его из своих рук, он умест вестн за собой народ...

Конь Агзама слоткнулся. Имам едва удержался за гриву.

— О алла! — прошептал он.

Стал накрапывать мелкий дождь.

— Не спрячемся ли мы в кустах? — предложил Агзам.

— Вы жалуете халат, или хотите дать русским время снять вашу умную голову?

— Моя голова принадлежит всевышнему, а не мне. В его воле отдать ее неверным или сохранить правоверным.

— В таком случае я вам советую поступить так, как поступил Ходжа Насреддин.

— А что мог сделать наш дивана?

Жунус не успел ответить. Защелкали ружейные выстрелы и возле уха старика просвистела пуля.

Агзам всю дорогу опасался нападения басмачей. Перед выездом из Бухары чиновники эмира советовали ему быть осторожным.

Имам знал, что Ибрагим-бек, конокрад и вор, сумел объединить разрозненные мелкие отряды басмачей. Сейчас для Агзама ясно, было одно: если они попадут в их руки — живыми не уйдут. Духовный сан его не спасет.

— Спасайся! — закричал имам и ударил коня плетью.

Когда они выскочили из рощи, увидели всадников, мчавшихся наперерез. Имам, а за ним Жунус повернули к реке и бросились вплавь. Шагов за двадцать до спасительного берега Агзам услышал крик Жунуса:

— Помоги!..

Имам схватил за уздечку коня Жунуса и поплыл дальше. Их спасла ночная темнота да камышовые заросли.

Жунус был ранен в кисть левой руки. К счастью, пуля пролила навылет, лишь слегка задев надкостницу.

Агзам всю ночь провозился с Жунусом, стараясь остановить кровотечение. Забыв про свой духовный сан, имам проклинал басмачей и ругал Ибрагим-бека последними словами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В Фергане появился ученый шейх Мухитдин-ибн-Аль-Араби. При первой же встрече с настоятелем мечети он заговорил стихами Навои из его письма поэту Сейд-Хасану:

Ушла верность от населения Хорасана,
Вместо верности появилось лицемерие...

Эти стихи стали передаваться из уст в уста. Духовные лица восхищались ученостью шейха. Они вспомнили, что он носит точно такое имя, как знаменитый шейх, живший в конце XII века, признанный на востоке за святого чудотворца.

К ученому шейху был послан эмиром имам Агзам с деликатным поручением — создать надежную силу из ферганских басмачей и мулл Советского Туркестана.

Когда имам подошел к деревянному домику, обнесенному со стороны улицы глиняным дувалом, была уже ночь.

Он осторожно постучал. Дверь открыл мальчик в яркой цветной одежде плясуна. Заглядывая в лицо Агзама, он молча стоял в дверях.

— Шейх? — имам кивком головы указал на дверь.

— Шейх никого не принимает, — ответил мальчик, преградив дорогу.

Услышав незнакомый голос, показался хозяин дома, толстый перс с черными длинными усами. Он вышел в парадной одежде — в цветном халате, в большой светло-желтой чалме. За ухом перса алел цветок.

Угадав в госте Агзама, хозяин воскликнул:

— А, дорогой имам, бог поможет вам в ваших замыслах!

Перс отстранил мальчика и с подчеркнутой вежливостью, приложив руку к груди, пригласил Агзама в дом.

В просторной комнате, устланной коврами, тускло горела керосиновая лампа.

— Юсуф! — обратился хозяин к мальчику. — Скажи шейху, что приехал наш уважаемый гость.

Агзам в ожидании шейха опустился на ковер и задумался.

Странно, откуда перс знает Агзама? Ведь имам в Фергане только второй раз за всю жизнь.

Узкая дверь, прикрытая ковром, распахнулась, и вышел размашистой поступью сутулый человек в белом халате с широкими рукавами. На ногах его блестели ичиги из желтой шагрени. На моложавом лице шейха из-под каштановых бровей выглядывали бесцветные глаза. Небольшая борода и усы были тщательно расчесаны и приглажены.

Имам разочарованно вздохнул. Он предполагал встретить сгорбленного ветхого старика, отягченного, как ношей, седюю мудростью, с посохом в руке и кораном в сумке.

Шейх в свою очередь тоже пытливо разглядывал с головы до ног не по возрасту стройного, хорошо сохранившегося имама.

Он крепко пожал руку гостю и перевел выразительный взгляд на хозяина. Тот бесшумно исчез.

Оставшись наедине с Агзамом, шейх заговорил певучим голосом:

— Пусть благородный подвиг за веру и отечество будем вознагражден в том мире, мудрый имам!

Витиеватой, ни к чему не обязывавшей фразой, шейх польстил самолюбию Агзама. Испытанный прием восточных дипломатов, обезоруживающий противника, на этот раз был использован без промаха. Следующая фраза шейха окончательно вызвала тщеславного гостя на откровенность.

— Вы главный поборник веры в Туркестане. Ваше имя встретило меня у самой границы.

Агзам поднял голову. После скучных расспросов о здоровье имама шейх резко повернул разговор, украсив свою речь стихами Накшбенди, основателя ордена шейхов:

Доколе ты будешь
Поклоняться могилам мужей?
Делами мужей займись,
Тогда ты будешь спасен.

— Не примите за оскорбление, дорогой имам, время такое, что для оценки его можно воспользоваться мудрым выражением поэта... Он писал, что «в народе человечности и следа нет; не видно ничего, кроме злодейства». Мне должны были прислать...

Он не договорил. Имам слохватился:

— Ах, да... я забыл...

Агзам вытащил маленькую книжку в сафьяновом переплете и передал шейху. Это был условный знак, удостоверявший личность. Шейх раскрыл коран и по восточному обычаю не поцеловал, а лишь притронулся к нему губами.

— Дьявол вселяет людям сомнения, стережет на каждом шагу их ошибки. Он сидит на левом плече каждого. Поэтому надо обращать свой взор всегда на правое плечо, где сидит ангел-хранитель. В наше время и муллы стали дружить с дьяволом.— Шейх беззвучно засмеялся.— Не так ли, уважаемый имам?

Агзам в знак согласия закрыл глаза и кивнул головой.

Шейх встал и троекратно хлопнул в ладоши. Вошел мальчишка с подносом. На нем дымился горячий плов.

— Садитесь и кушайте, вы с дороги. Не зря говорили древние: сперва покушать, а потом философствовать.

Шейх стал рассказывать о себе.

— Я — истый мусульманин, пандит. Мой дед — один из ветеранов, пришедших с британского острова, — обосновался в Бомбее, а его сын, покойный мой отец, женился на индуске и умер, когда мне было десять лет. Моя мать из мусульманской секты немаилитов, дала мне духовное образование, и я принял фамилию одного из основателей ордена шейхов. Меня к вам послал Ага-Хан-Мухаммет-Шо¹ помочь братьям в несчастье. Забудем на время наши разногласия и протянем друг другу руки.

Длинная холеная ладонь шейха повисла в воздухе. Имам нерешительно, с опозданием протянул свою.

Шейх насторожился:

— Вам неприятно...

¹ Ага-Хан-Мухаммет-Шо — авантюрист, возглавлявший секту измаилитов в первой половине прошлого века. Бежал из Персии в Индию, где стал орудием английской политики на Среднем Востоке. Получив наследственный титул «Его высочества принца британской империи», в очень короткий срок сделался владельцем огромных заводов.

Английские империалисты, выдавали Ага-Хана за святого пророка для народов Ирана, Афганистана, Памира.

Шейх установился на имама бесцветными глазами и выждал не закончит ли имам его мысль. Иногда в таких случаях противник обнаруживал свои истинные замыслы.

На этот раз шейх просчитался. Агзам в недоумении поднял на него глаза.

Шейху пришлось самому закончить:

— ...вспоминать наши прежние разногласия. В большой семье все может быть. Но, слава аллаху, мы не дошли до резни, как католики с протестантами... Какого вы мнения об эмире? — вдруг спросил он. — «Правдивые слова всегда короче», говорят у нас в Индии. Ответьте одним словом: оправдает ли эмир нашу надежду? Сумеет ли повести нас, мусульман, как вождь? Сумеет ли объединить под зеленым знаменем Магомета правоверных? Время тяжелое, мой дорогой имам! Если эмир не способен удерживать вожжи в своих руках, конь времени сбросит нас на повороте. Я это говорю не для того, чтобы на трон вместо Сеид-Алим-хана посадить Мухаммет-Шо, а ради нашей будущности.

Шейх переменил позу, сел на пятки, как во время молитвы и, поглаживая остроконечную жиденскую бородку, заключил свою мысль:

— Не сомневаюсь, что вам, как лучшему другу эмира не по сердцу такие разговоры...

Агзам вспомнил казахскую пословицу: «Обидные слова читаю по твоим губам, хотя ты их не произносил».

Имам понял намек шейха. Тонкая игра: получить характеристику эмира и ею же потом козырять; если нужно, использовать против самого имама! Нет, имам не такой простофиля! «Однажды обожженный — будет пить глотками», — говорят казахи. Агзам проявил лисью осторожность. Он ответил не то, что думал:

— Личность Сеид-Алим-хана не должна ввести нас в заблуждение. Надо спасти престол эмира...

— Как? — живо спросил шейх.

— Я хочу услышать это от мудрого шейха! — имам лукаво улыбнулся.

Шейх встал, прошелся по комнате и снова сел.

— Спасти можно только силой. Драться до последнего издыхания. Если ружье дало осечку, браться за нож. Если нож выпал, кусать зубами. Я заверяю вас, что в этой святой борьбе вам поможет весь мусульманский восток! — Шейх уточнил свою мысль: — Всевышний велит нам

быстро подготовить войска Сеид-Алим-хана и внезапным ударом взять Ташкент. Для этого силы Прунзе-ака надо раздробить. Из Кашгарии наши друзья послали верных рабов аллаха в Семиречье, чтобы там запылал новый очаг пожара. Прунзе-ака тогда отойдет от Бухары. Аминь! Дорогой имам, надо не выпускать из виду Семиречье!

— Об этом думает и эмир...

Имам вытащил из кармана роговую шахшу¹ с серебряной отделкой. Не спеша он высыпал на ладонь шепотку насыбая, растертого в порошок табака, смахнул в рот и языком осторожно затолкнул за зубы. Шейх с удивлением следил за имамом. Когда Агзам с удовольствием проглотил слюну, смешанную с соком табака, шейх отвернулся. По лицу его пробежала гримаса брезгливости.

К полуночи они договорились, что Бухара, Ташкент и Семиречье будут связаны единым узлом через мечети.

— Кого из надежных людей вы можете назвать в Семиречье? — шейх тянул за язык имама, вынуждая раскрыть карты.

— Есть очень влиятельный человек.

— Кто он?

— Содержатель мечети.

Агзам рассказал, что Хальфе связан с Бухарой через диванов.

Шейх зажмурил глаза, словно что-то припоминая. Затем шопотом спросил:

— Кого имеете в виду в Ташкенте?

— Видите ли, все эти джадида, наши ученые узбеки, не в ладах с эмиром. Среди них есть и такие, которые из-за неприязни к Сеид-Алим-хану, делают ставку даже на Ибрагим-бека.

— Хорошо. Я дам вам один адрес!

На прощание шейх попросил Агзама:

— Было бы достойно памяти пророка, если бы уважаемый имам сказал несколько слов завтра в мечети. Аллах велит мне молчать. Жестокая война посеяла колючки на полях мусульман.

Они разошлись друзьями Агзам не догадался, что под маской шейха «пандита» скрывался Гарри Терренс, офицер английской разведки.

¹ Ш а х ш а — табакерка.

— Я вас потерял вчера! — сказал Жунус, идя рядом с имамом в мечеть.

Правый рукав его халата висел пустой, а перевязанная рука была спрятана на груди. Спрашивая о таинственном исчезновении имама, Жунус хотел разузнать, не может ли он быть в чем-нибудь полезен Агзаму.

Имам увилькнул от прямого ответа. Он не хотел посвящать Жунуса в деликатный разговор с шейхом. Кто его знает! Сегодня Жунус не хотел идти на совещание под предлогом, что он не духовное лицо. Имам с трудом настаивал.

Когда они пришли на место сбора, длинный зал мечети уже был переполнен. Впереди полукругом сидели имамы, ходжи, муллы в больших белых чалмах и в белых халатах. Одни, полужакрыв глаза, перебирали четки, другие, искоса поглядывая на соседей, перебрасывались скупыми фразами, словно каждое слово вытаскивали удочкой.

Агзам встал у дверей и, приложив руку к груди, приветствовал собравшихся протяжным голосом. Длиннобородый ветхий старик с провалившимся от болезни седлообразным носом, восседавший на самой середине полукруга, отодвинулся и указал место имаму рядом с собой. Жунус сел у входа.

После краткой беседы с Агзамом, ветхий старик начал шелеляво бормотать, пересылая свою невнятную речь цитатами из корана. Его гнусавый голос прерывался частым притворным кашлем. Содержание речи было хорошо знакомо Жунусу. Старик повторял старые проповеди об единстве мусульман и о загробном мире, где ждет суровая кара изменников веры.

«Ничего нового», — подумал Жунус. Ему хотелось послушать речь, зажигающую сердце. А тут... Он был разочарован. Ведь всю ночь он не сомкнул глаз в ожидании выступления подлинного вожака мусульманской религии.

Жунус оглядел собравшихся — как они воспринимают скучную проповедь. Рядом с ним сидел худой, тощий ходжа, совершивший паломничество в Мекку. Его большие толстые губы были упрямо сжаты. Он слушал, приложив сухую ладонь к заросшему седыми волосами уху. Любопытно, как ходжа расценивает происходящее? Возможно,

он тоже согласен с Жунусом, что проповедь предназначена не для собравшихся представителей духовенства, а для населения захудалого кишлака?

Подле ходжи сидел чернобородый мулла, с короткой шеей. Глаза у него красные, злые. А где же ученый шейх из Индии? О нем случайно обмолвился имам Агзам. Может быть, воп тот, притаившийся в углу, как сыч? Вряд ли! Слишком уж паглы и подозрительный у него вид. Нет, шейх, должен быть душой совещания, сидеть на почетном месте...

Мысли Жунуса были прерваны выступлением Агзама. Он был одет лучше других. Нарядный халат из гиссарского шелка, обшитый широкой тесьмой, облегал его плотную фигуру. На голове белела чалма, намотанная на парчевую тюрбетейку. Огладив бородку, имам начал с восхваления подвигов пророка и его халифов.¹ Затем он перешел к эмиру Бухары, выставив его как лучшего мусульманина. Под конец потребовал поднять восстание, жестоко расправиться не только с большевиками, но и со всеми сочувствующими им. Если потребуется — читать молитву с кровью, без обмывания. Бог простит! Имам требовал связаться с мелкими отрядами басмачей и объединить их вокруг эмира.

Жунус, слушавший выступление своего друга, был ошеломлен. Агзам в беседе с Жунусом всегда выставлял на первый план народ, его нужды. А тут он заговорил о беспощадной жестокости, чтобы сохранить старый мир. Разве жестокостью можно привлечь народ на свою сторону?

Нет, нет, уста имама Агзама выражают чужие мысли. Только вчера он, духовный отец, дал обещание всю силу употребить на то, чтобы уговорить эмира улучшить жизнь трудового народа Туркестана и Бухары. Иначе народ не будет воевать за ислам.

Синие глаза Жунуса пробежали по рядам. Тонкие губы сложились в саркастическую улыбку. Бледное лицо покрылось алыми пятнами. Он решил сказать свое слово. Надо дать толчок к серьезным мыслям, чтобы муллы не поддерживали Агзама.

Жунус поднялся. Без чалмы, в простом халате он резко выделялся среди мулл.

¹ Халифы — близкие сподвижники Магомета, после смерти его взявшие в свои руки не только духовную, но и светскую власть.

— Ваши слова для народа должны быть как слова корана. В ваших словах люди ищут путь к спасению на том свете и к хорошей жизни в этом мире. Но вы всегда обещаете блаженство рая в загробном мире, а в этом — кроме проповеди терпения и угроз заслушание народ ничего от вас не видел и не слышал. А вот в Ташкенте обещают лучшую жизнь в этом мире, на земле, а в том — ничего. Как же вы думаете, за кем пойдет наш измученный народ? Мне кажется, любой казах или узбек подумает про себя: «Дай я лучше поживу в этом мире, чем ждать неизвестности в том!» Ведь никто не возвращался с того света и не сказал, что там очень хорошо. А если это так, то почему мы должны беспощадно угнетать, отлупивать от себя бедный наш народ? За что? За то, что он хочет хорошей жизни? Общайтесь мусульманину хорошую жизнь, помогайте ему, он сам пойдет за вами, а не за большевиками.

Все смотрели на Жунуса с возмущением, а некоторые с открытой ненавистью. Сосед муэдзин тихо потянул Жунуса за полы халата, стараясь остановить его.

— Джадид! — шепнул ветхий старик на ухо своему соседу. Это слово пошло по рядам, повторяемое как эхо. По лицу шейха пробежала тень беспокойства. Тонкие веки тревожно поднялись и сразу опустились.

В это время с минарета раздался призыв муэдзина. Первый день совещания закончился общею молитвою и просьбой к аллаху о помощи.

* * *

Вечером ученый шейх пригласил к себе Агзама и за угощением спросил:

— Кто это говорил?

— Истинный мусульманин. Если он не так мыслит, то в этом виноват я.

— Такие мусульмане работают заодно с большевиками! — ответил шейх.

— За него я ручаюсь!

— Если вы ручаетесь, дорогой имам, то я спокоен. Но... — шейх тихо закончил: — такому человеку место не здесь, а в Семиречье. Оттуда есть хорошие новости...

— Это что — слух о беженцах, вернувшихся из Китая?

Шейх перебил.

— Это не слух. Семиречье сейчас — пороховая бочка,

дорогой имам. Уговорите этого казаха вернуться домой. Я свяжу его с верным рабом аллаха. Попробуйте. Благославляю вас!

Разговор о Жунусе прервал мальчик, принесший чилим¹ с откидной сеткой на головке. Под сеткой чилима шипела анаша.

Агзам схватил чилим и жадно затянулся... Когда щеки его покраснели, а глаза покрылись пеленой, шейх Мухитден-ибн-Аль-Араби наклонился к нему и спросил:

— Сколько золотых стоит голова Пронзе-ака?

Отвечая на собственный вопрос, он передал имаму сложенную вчетверо бумажку с арабским текстом и сказал:

— Читайте!

Это был приказ командующего войсками туркестанского фронта Михаила Фрунзе от 23 мая 1920 года:

«...Басмачи не просто разбойники, если бы было так, то понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, основные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, которых так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения...»

Шейх наклонился в сторону имама и закрыл рукою бумагу.

— Мудрый имам, я вас прерву...— он вежливо, но бесцеремонно вырвал приказ из рук Агзама и добавил: — Обратите внимание на эти слова: «Вожди басмачей, успешные своей борьбой приобрести большую силу и влияние, учли это и в большинстве признали советскую власть...»

— Неужели так?

— К сожалению, да!.. Но...

Невдалеке пропел петух. Агзам встал. Мысль шейха осталась недосказанной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тлеубай, как уверяли жители аула Айна-Куль, свихнулся в окопах.

— Бедняжке, — рассказывали соседи, — до сих пор снит-

¹ Чилим — курительная трубка.

ся бомба, такая круглая с головой и с ножками. Она подходит к нему каждую ночь и спрашивает: «Хочешь, взорвусь?» Конечно, от такого сна не только закричишь, но и с ума сойти можно.

Правда это или нет? Вероятно, правда. С фронта Тлеубай вернулся безбожником. Он не мог понять, как бог допустил войну. На его глазах, после взрыва бомбы от взводного командира остался только один сапог. А взводный командир был веселый человек и хорошо относился к Тлеубаю. Вернувшись в Айна-Куль после тяжелого ранения в голову в дни революции Тлеубай стал говорить такие вещи, что стариков бросало и в жар и в холод. Его прозвали «коке-мылжын».¹ Над ним посмеивались, но все же его слушали охотно.

Хальфе не мог допустить, чтобы в ауле, какой-то сумасброд распространял ересь. Он надел чалму и подошел к юрте Жунуса. Здесь собралась толпа, окружившая Тлеубая. Хальфе прошел внутрь круга и, взмахнув палкой, крикнул:

— Грех вам слушать безумного человека! Именем аллаха проклиная всех, кто впредь будет слушать его!

И Хальфе палкой указал на Тлеубая.

— Хальфе,— сказал Тлеубай,— мы уважаем вас, но просим уважать и нас. Сейчас свобода. Каждый человек имеет право говорить, что он хочет.

— Вон с глаз моих! — вскричал Хальфе, потрясая палкой.— Еретик!

И вот этот Тлеубай, безбожник, с первых же дней возвращения беженцев подружился с Бакеном.

— У каждого своя участь в жизни,— сказал он ему.— Ты страдал в Китае, а я в окопах. Но мы еще не сели верхом на жизнь, идем рядом с нею пешком. Пятки у нас в крови, изодраны от ходьбы. Давай жить как следует?

— Это как?

— Завтра идем к землемеру и заставим его отмерить нам на левобережье реки Кастек землю. Мою и твою, что отобрали после восстания. Там мы построим дом из самана. Посадим яблони, будем сеять хлеб. Поле станем обрабатывать вместе.

Они ударили по рукам, и на следующий день Тлеубай отправился в Кастек. Бакен не смог поехать с ним.

¹ Коке-мылжын — пустомеля.

Тлеубай пришел на квартиру Сугурбаева «большого начальника» и не застал его дома. Нежданного посетителя встретил Фальковский.

— Где начальник? — спросил Тлеубай громовым голосом.

— Уехал.

— Ты кто?

— Землемер.

— Ты мне и нужен!

— Что вы хотите?

— Пойдем на речку. Отмеришь мне и Бакену землю. Фальковский улыбнулся.

— Не могу, дружок, без постановления правительства и без указания товарища Сугурбаева.

— Врешь! По глазам вижу. Обманываешь!

— Не оскорбляйте, будете иметь дело с товарищем Сугурбаевым.

— Чихал я на твоего Сугурбаева!

Тлеубай расстроенный вышел. Но затем снова возвратился и решил заставить силой землемера пойти на левый берег Кастека.

Фальковский удачно вывернулся и спасся бегством. Хозяева дома удержали Тлеубая. Раскидав их, он выбежал во двор. У крыльца стояло несколько станичников. Один из них, светловолосый, в поношенной гимнастерке, загородил ему дорогу:

— Ты что буянишь?

Тлеубай не ответил. Его окружили со всех сторон.

— Землицы захотел? — усмехнулся чубатый казак.

— Принеси мешок и набери ее. Мы тебе насыпем без скандалу.

— Надо у него спросить, не он ли сломал мельницу Тыртышного в шестнадцатом году?

Тлеубай понял, с кем имеет дело. Не обращая внимания на насмешки, он молча ушел.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тлеубай умер внезапно через день после посещения землемера Фальковского. Первым о его смерти узнал Бакен. Рано утром он зашел к своему другу и увидел печаль-

ную картину: жена тормошит Тлеубая, а сама заливается слезами.

— Отец, вставай! Боже мой, что с вами? Ой-бай!

Бакен наклонился, Тлеубай уже не дышал. Сердце перестало биться. Жена подняла на Бакена глаза, в них светился ужас.

— Надо вызвать аксакалов,— хмуро сказал Бакен.

Жена с плачем выбежала из юрты. Ее крик разнесся по всему аулу.

— Ой-бай, бог наказал!

Увидев жену Тлеубая, ревущую, взлохмаченную, женщины бросились к ней. Прибежала и Гульжан. Юрта Тлеубая не могла вместить желающих взглянуть на мертвеца. Многозначительно почмокав губами и пробормотав молитву, любопытные отходили от мертвеца. Все поражались необычной смерти человека: не болел и вдруг умер.

Жена, размазывая слезы по щекам, рассказывала:

— Пришел из станицы, поел и уснул. Всегда просыпался рано, а тут спит и спит. Я уже подоила корову, а он все спит. Стала будить — тело холодное, не шевелится...

— Что вы смотрите — зовите муллу! — посоветовал кто-то.

— А что, без вызова не придет? — усмехнулась Гульжан.

— Без вызова Хальфе не придет. Так велит шариат! — ответил тот же голос.

— Тут дело нечистое. Надо заявить органам власти! — предложил Бакен.

— Ясно, отравили казаки! — утвердительно сказал один из беженцев.

Аксакалы вышли из юрты, за ним остальные. Мелкими, быстрыми шагами подошел Хальфе. Полы халата его развевались на ветру.

— Ассалямалекум!¹ — приветствовали муллу в один голос аксакалы.

Хальфе, приложив правую руку к груди, чуть наклонил голову:

— Уалейкум-ассалям!²

¹ Ассалямалекум — мир вам!

² Уалейкум-ассалям — вам тоже мир!

Муллу пропустили в юрту. Толпа снова хлынула за ним. Хальфе пощупал лоб, приподнял руку и отпустил. Она безжизненно упала. Затем мулла раскрыл веки покойнику и посмотрел глаза. Пробормотав под нос молитву, он выпрямился.

— Кончился! Слава аллаху. Покойный был богохульником, произносил еретические речи. За это он наказан аллахом! Аминь!

Хальфе, сложив ладоши в горсточки, медленно провел ими по лицу. Сквозь пальцы он следил за толпой. Аксакалы перешептывались.

— Я совсем другого мнения, дорогой Хальфе! — сказал Бакен.

Щеки муллы затряслись от гнева. Указательный палец его повис в воздухе:

— Идешь против бога?

— При чем тут бог! Мне кажется, его отравили в ста-нице!

— Это известно только одному аллаху. От чего бы он ни умер, — это божье наказание!

— Это ваше мнение. А я еду к властям! — мрачно ска-зал Бакен.

Аксакалам не понравилась перепалка между Хальфе и Бакеном. Они стали осуждать Бакена: «Заяви не заяви, а человек умер!» К чему лишний шум? Тлеубаю теперь не поможешь!

Бакен ушел. Аксакалы, пошептавшись с Хальфе, ве-ле-ли приступить к обмыванию.

Через три часа сверстники Тлеубая завернули его холодное тело в саван, вынесли из юрты и положили на пригорке, головой на восток.

Хальфе начал читать молитву. О чем просил мулла ал-лаха, известно было только ему одному. Может быть, от-маливал грехи безбожника, а возможно, просил прибавить наказание Тлеубаю.

В полдень траурная процессия двинулась на кладби-ще. Впереди шагал Хальфе, а замыкал шествие Бакен. Он шел, понури-вав голову, раздираемый сомнениями. Сообщить властям о смерти Тлеубая он не поехал. Друзья уговорили принять участие в похоронах. Вместе с джигитами Бакен рыл могилу. Он постарался для друга. Несмотря на каме-нистую почву, могила получилась просторная с боковой нишей, куда кладут покойника.

Бакену жаль было Тлеубая. Жил человек, умер и, главное, жизни хорошей не видел. Трудно поверить, что он умер естественной смертью. Гульжан тоже так думала. Бакен уговорил ее сходить в Кастек, пусть посоветуется с Верой Павловной. Может быть, учительница знает, что произошло с Тлеубаем в станции.

А Хальфе был рад — одним врагом в ауле Айина-Куль стало меньше. Мулла спешил с похоронами. Запретил устраивать пышные поминки, читал коран недолго, не больше десяти минут. А если бы умер бай? Хальфе пролил бы тогда семь потов. Мулла мстил Тлеубаю даже после его смерти!

В последние минуты жена покойного лишилась сознания и упала. Бакен и Токей спустились в могилу, взяли на руки тело Тлеубая, бережно положили в нишу и вылезли обратно. Токей тщательно накрыл яму доской. Родственники и друзья стали засыпать могилу песком. Так полагалось по шарияту.

Усталый Бакен пришел к Гульжан. Она только возвратилась из Кастека вместе с Верой Павловной.

Бакен присел за дастархан¹. Он опорожнил одну пиалку за другой. На его лице выступил пот. День был жаркий, а выкопать могилу на пригорке было нелегко.

— Конечно, дело нечистое! — сказала Вера Павловна. — Как может вдруг, ни с того ни с сего, умереть здоровый человек? Надо было вызвать врача из города. Поторопились с похоронами!

— Хальфе спешил: боялся, что Тлеубай разложится от жары! — ответил Бакен.

— Спешил?! — Вера Павловна не успела закончить. Раздался душераздирающий крик.

— Ой-бай!

Бакен бросился к двери. Высокий, как жердь, он ударился головой о верхнюю перекладину, из глаз посыпались искры. За ним выбежали Вера Павловна и Гульжан. Они увидели пастуха, бежавшего мимо юрт. Он приостановился на секунду и, задыхаясь, крикнул:

— Мертвец... Мертвец...

— Что мертвец? — догнал пастуха Бакен.

— Шевелится!..

— Ты говори толком, что случилось?

¹ Д а с т а р х а н — здесь накрытый для угощения стол.

— Там... мертвец... воскрес! — промолвил пастух и бледное лицо его искривилось от ужаса.

— Что-о?!

— Могила шевелится... Тлеубай стонет!

Встревоженные жители аула окружили пастуха и закидали его вопросами. Пастух щелкал зубами от страха. В эту минуту, растолкав толпу, к нему подошел Хальфе.

— Что ты мелешь? — закричал мулла.

— Тлеубай воскрес!

— Что-о?!

— Могила шевелится... Слышны стоны.

— Дурак! — возмущенный Хальфе отвернулся от пастуха.

Толпа притихла.

— Ангелы пытаются его за грехи! — пояснил Хальфе. — Этого следовало ожидать. Он еретик. Такая участь постигнет всех, кто идет против бога!

— А может, он не умер? — с сомнением шепнул Бакен Вере Павловне.

— Если шевелится — конечно! — ответила учительница.

— Тогда идемте посмотрим!

Хальфе, как тигр, одним прыжком очутился впереди них:

— Куда? — он расставил руки, загородив дорогу.

— На кладбище!

— Вам нельзя! — завопил Хальфе на учительницу. — Вы кафир, женщина, иноверка!

Вера Павловна густо покраснела, обернулась к Бакену, как бы прося защиты. Бакен вскипел:

— Отойди, Хальфе! Не толкай меня на грех!

Мулла воздев руки взмолился.

— О аллах! Услышь мой голос! Пошли гром на безбожника Бакена и на иноверку, чтоб она не глумилась над нашей верой! Аминь!

Толпа зашумела. Одни приняла сторону Хальфе, другие стали защищать Бакена и учительницу. Страсти разгорелись, как степной пожар. Толпа наступала на Веру Павловну.

— Над кем она смеется!

— Идите, я сейчас задержу их! — сказала Гульжан.

Бакен взял за руку Веру Павловну, и они молча направились на кладбище. За ними, размахивая руками, с

проклятиями побежал Хальфе. Гульжан повернулась к толпе.

— Родичи! — крикнула девушка срывающимся голосом. — Тлеубая похоронили живым. Как вам не стыдно? Он мучается в могиле, а вы не даёте подойти к живому человеку. А если бы на его месте был кто-нибудь из вас?

Ещё минуту назад толпа была готова растерзать в гневе Веру Павловну и Бакена. Сейчас многие пришли в себя и опомнились. Может, и правда Тлеубай заснул? — подумали некоторые.

Токей выскочил вперед.

— Айда, джигиты! — крикнул он и зашагал вслед за Бакеном и Верой Павловной.

Толпа заколебалась на миг и ринулась за Токеем. Бакен не слушал проклятий Хальфе, градом сылавшихся на его голову. Он спешил на кладбище. Толпа остановилась в десяти шагах от могилы. Бакен услышал глухой стон. Хальфе зашептал молитву. Он дрожал, готовый луститься в бегство.

Могилка зашевелилась. Явственно послышался голос Тлеубая.

— Надо скорее откопать! Пока он жив! — крикнула Вера Павловна, косясь на муллу.

— Я не позволю откапывать! — завопил Хальфе.

— Спрашивать не будем! — сверкнул глазами Бакен.

Толпа приблизилась:

— Я вам pošлю проклятье, только посмейте дотронуться до могилы! — Хальфе рвал на себе чалму. — Завтра же вас постигнет участь богохульника Тлеубая! Что вы, забыли шарнат!

Толпа опять заколебалась. Мулла наступал:

— Мусульмане, моими устами говорят сами ангелы: его мучают за грехи, слышите!

Из толпы крикнули:

— Уйди, Бакен!

— Не смей подходить к могиле.

Бакен в ярости сорвал с головы войлочную шляпу и бросил о землю.

— Вы что — сдурели? Тлеубай жив. Нечего слушать Хальфе!

Аксакалы бросились с кулаками на Бакена. Его защитил Токей.

Из могилы послышался стон. Шум стих.

— Пока вы спорите, человек может умереть! — возмущенно закричала Вера Павловна.

Хальфе считал учительницу виновницей всей этой кутерьмы. Услышав ее слова, завопил, потрясая кулаками:

— Уберите шюверку с кладбища, пока вас не поразил гром!

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Земля на могиле зашевелилась и с треском провалились доски. Все увидели голову Тлеубая, засыпанную песком.

Аксакалы во главе с Хальфе без оглядки побежали в аул. Даже кузнец Токей поспешил за ними. Бакен, Вера Павловна и Гульжан бросились на помощь Тлеубаю.

— Давай руку!

Тлеубай с ужасом смотрел на своих спасителей. Глаза его дико блуждали. Он тихо всхлипывал и кусал пальцы.

— «Сошел с ума», — Вера Павловна почувствовала, как у нее вдруг подкосились колени.

Гульжан закрыла руками лицо и задрожала. Бакен один голыми руками принялся откапывать Тлеубая...

* * *

Вера Павловна возвратилась в Кастек поздно ночью. Станица спала. Только около дома Тыртышного на заваulinке сидели станичники и курили. В темноте сверкали малиновые огоньки зажженных папирос.

— Чудное дело! Из мертвых воскрес калбит! А?

— По ихней вере воскресенья быть не может... Говорят, мулла требует его убить и обратно закопать.

— Это, надо понимать, лестаргический сон приключился.

— Если бы не пастух, крышка...

— Хорошо у них могилы не настоящие...

— Из русского гроба небось не вылез бы. Задохся.

— Бог наказал... Позавчера он к землемеру приходил за землей...

— Давай, грит, меряй немедленно...

— Ишь, какой торспливый... Немедленно!.. Сразу тебе вот! Получай!

— А на что киргизу земля? Он же спортит ее только...

— Киргизу земля ни к чему! Какой из него хлебороб. Он же пастух вековечный!

— Отнимут, черти, землю! — вздохнул кто-то, — те-

перь ихняя власть! Сын Жунуса в губернаторском доме сидит...

— Ишь, куда забрался немаканный калбит...

— Отнимут землю! — снова произнес кто-то. — Отлежится этот воскресший гад и опять притопает...

— От нас зависит свое добро хранить, станичники! — прогудел басовитый голос.

Вера Павловна узнала Тыртышного и отошла. Она не хотела, чтобы ее увидели.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сугурбаев приехал в Айна-Куль.

В ауле стояла гнетущая тишина. Даже собаки не лаяли. На пороге юрты Хальфе никто не встретил Сугурбаева. Неужели муллы нет дома?

Хальфе, заканчивая полуденную молитву, стоял на четвереньках, задом к входу. Он приподнялся и опять опустился на землю. Сугурбаев остановился в нерешительности. «Веселенькая встреча! Обычно гостя принимают с распростертыми объятиями, а тут такая неприличная поза!».

Сугурбаев, обвел глазами юрту. Хальфе жил бедно. На стене висел выцветший ковер. На полу разостлана сильно потертая кошма. В юрте стоял единственный раздвижной стол. Плетеная из чия цычовка укрывала посуду от постороннего взгляда.

Сугурбаев удивился. Действительно ли здесь живет Хальфе? Было крайне загадочно, почему известный в округе мулла не скопил до сих пор богатства? Кто он — бессребренник-фанатик, или прожженный хитрец?

Сугурбаев хотел уйти, но мулла громко произнес «аминь» и поднялся.

Хальфе принял Сугурбаева радушно. Усадил на сложенное вчетверо одеяло, под спину подложил подушку. Сразу же у хозяина с гостем завязалась оживленная беседа!

— Правду говорят, что у вас в ауле воскрес мертвец?

— Да. Это был безбожник. Бог его наказал, не принял на небо.

— Что вы думаете с ним делать?

— То, что велит шарият! — произнес Хальфе тоном, не допускающим возражения.

— А народ не будет протестовать?

— Как может народ идти против шарията.

«Фанатик» — определил Сугурбаев и сказал:

— Мне кажется, уважаемый Хальфе, это бог наказывает казахов за то, что они не отомстили за погибших в год восстания. Джигиты сложили оружие и позорно убежали в Китай.

— Воистину так. Я еще в шестнадцатом году говорил, что аллах на помощь казахам посылает мусульман из соседних стран. Надо было продолжать войну против неверных.

Вечером Сугурбаев велел собрать аксакалов для беседы. Когда они вошли в юрту, он полулежал на кошме, облокотясь на пуховую подушку. Рядом с ним сидел Хальфе.

— Пах, родные братья мои! — Сугурбаев приветливо протянул толстые пальцы. Аксакалы подходили по одному и жали ему руку. Не успели они сесть, как подали кумыс.

Вначале разговор велся на отвлеченные темы, но вот заговорил Сугурбаев:

— Давно было указание от нашего ЦИКа выселить из Кастека русских, а их дома отдать вам. Но местная власть не выполняет приказа товарища Рахимова! — Сугурбаев сокрушенно покачал головой. — Не понимаю, почему ваш уважаемый земляк Саха медлит? Когда он был здесь, наобещал золотые горы. А где они, аксакалы? Время идет, надо готовиться к зиме. Саха сам ничего не делает и нам мешает. Нужно подумать, как быть? Русские по-хорошему нашу землю не отдадут...

Сугурбаев испытующим взглядом обвел аксакалов, стараясь прочесть их мысли. Аксакалы тяжело вздохнули. Неужели опять воевать?

Молчание длилось недолго. Его прервал Хальфе:

— Казахи, верные потомки Магомета, поднялись против русских в шестнадцатом году по велению самого аллаха. Но многие невежды не поняли его воли и, бросив оружие, бежали в Китай, вместо того, чтобы умирать за веру. Весь мусульманский мир протягивал тогда нам руку помощи. Но ваши вожаки трусили и предали вас.

За это бог еще накажет всех, кто до сих пор не отомстил за погибших мусульман. Аминь!

Хальфе провел ладонями по лицу.

Аксакалы вздрогнули при последнем слове: что это? Мулла просит аллаха наказать их? Ведь «аминь» означает — «да будет так»!

Хальфе заметил произведенное впечатление и продолжал монотонным голосом, каким говорят муллы.

— Дорогие мои, аллах справедлив и предохраняет нас от бедствий и гибели! В его предзнаменованиях мы должны видеть грядущие страшные дни... Слыхали вы, что бог возвратил на нашу землю с того света несчастного Тлеубая? Вы знаете, кто такой Тлеубай? Он грешник, богохульник, исчадие ада! Многие из вас думают, что он, действительно, уснул. Нет, всевышний возвратил его с того света, чтобы вы поняли волю аллаха и отомстили за дни скорби и печали. Верно я говорю, мои дорогие?

Седой аксакал воскликнул:

— Аминь! Если мы не исполним воли аллаха, он пошлет нам бедствие!

— Воистину так! — поддержали его другие аксакалы.

Когда затих шум, Сугурбаев сказал:

— Аксакалы! Хальфе говорил здесь, как мулла. Он верит, что смерть Тлеубая — божья кара. Это его дело! Я, как представитель Советской власти, должен сказать, что церковь отделена от государства. Власть не вмешивается в дела веры. Это частное дело советских граждан. Но я толкую по-своему это событие — Тлеубая отравили казаки. Тлеубай просил у русских землю, а ему дали яду. Если вы будете ходить поодиночке за землей, вы ничего не получите. Надо действовать вместе, дружно. В единении сила! Так учит не только коран, но и советская власть. Казахи должны выступать все, как один.

— Наши джигиты устали! — мрачным голосом произнес аксакал, сидевший у входа в юрту.

— Хороший джигит приобретает покой только в могиле! — сказал мулла.

— Нам не к чему враждовать с русскими! — твердо ответил тот же аксакал. — Если мировая власть наша, то и земля...

— Власти у казахов еще нет! — перебил его Халь-

фе.— Пока в Кастеке русские, о какой власти ты говоришь!

— А ты хочешь, чтобы снова лилась кровь? — голос аксакала задрожал от негодования. — У меня убили двух сыновей...

— Они погибли за веру! — поспешно ответил Хальфе.— И уже получили там свою награду — вечное блаженство...

Сугурбаев поднял руку.

— Аксакалы! Мы собрались сюда не для спора.

Шум стих. Аксакалы покинули юрту. Сугурбаев сидел скучный и курил папиросу за папиросой...

Ночью кто-то перерезал постромки сугурбаевской коляски. Это был намек: «Не ездь в наш аул». Сугурбаев понял его и поспешил покинуть Айна-Куль.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Фальковский всегда придерживался правила — дружить с тем, кто полезен. После скандала с Тлеубаем, землемера потянуло к Сотникову. Если бы не хорунжий, этот полоумный мог полоснуть его ножом.

Фальковский подошел к большому бревенчатому дому под зеленой железной крышей. Не успел он открыть калитку, как на него бросился огромный лохматый пес. На счастье из дома выбежал босой парнишка, в длинной розовой рубахе, с растрепанными волосами цвета меди.

— Джигит, цыц!

Пес поскулил и, поджав хвост, убежал вглубь двора.

— Придумали кличку! — одобрительно усмехнулся Фальковский, поднимаясь на высокое крыльцо.

У порога землемера встретил сам Сотников. Глаза его вопросительно остановились на госте.

Фальковский понял взгляд хозяина и ласково улыбнулся:

— Говорят, незванный гость хуже татарина?

— А говорят и так: пошли бог гостей — и хозяин будет сытей! Милости просим!

Сотников крепко пожал руку землемера и пригласил его в комнату.

На подоконнике и на полу стояли в горшках густые,

ветвистые любовно выращенные цветы — лапчатый фикус, пунцовая герань, золотистый огонек. Они скрадывали свет, и, хотя стоял солнечный, ясный день, в комнате было темновато.

— Когда приехали? — полюбопытствовал Сотников.

— Недавно.

— Что новенького в городе? — хорунжий обнажил крепкие, крупные зубы.

Фальковский откинулся на спинку венского стула, закурил и, не спеша, рассказал о намерении Сагатов вернуть казахам всю землю, четыре года назад переданную казачеству Куропаткиным.

— Уже дано задание уисполкомам готовить списки, из каких аулов отмежеваны земли и кому переданы. Говорят, Сагатов послал телеграмму самому Ленину.

— Тогда доброго ждаты не приходится! — потемнел в лице Сотников.

В окно заглянул Тыртышный, тесть Сотникова, владелец мельницы. Поглаживая огненно-рыжую бороду, спросил:

— Есть дома кто?

— Заходи, заходи! — оживился хорунжий. — Как раз кстаты...

Должно быть, Тыртышный видел, как землемер вошел во двор Сотникова. Появление его не было случайным.

На столе сразу же появилась четверть самогона, кусок свинины, помидоры, яблоки.

— Для утверждения знакомства! — сказал Сотников, приглашая Фальковского к столу.

«Без землемера никакая власть не обойдется, — размышлял хорунжий. — Человек нужный, всегда пригодится!»

После первого стакана Тыртышный заговорил:

— Киргизье распоясалось, за горло хватает. Житья никакого не стало...

— Учили их в шестнадцатом году, да, видно, мало! — отозвался Сотников.

— Забыли, как их в Беловодье резали, чертей... Полковник Гейциг не церемонился...

Сотников, чокнулся с Фальковским, залпом опорожнил стакан и сунул в рот ломтик недозрелого яблока.

— Ты скажи, чем тебя тогда наградили, зятек? — Тыртышный протянул стакан, желая чокнуться.

— Меня? Ты, батя, не заговаривайся!

— Чудак! Чего боишься. Он же не киргиз, свой русский человек! — пристыдил Тыртышный зятя.

— Не люблю, когда играют в жмурки! — полушутя-полусерьезно заметил землемер.

Сотников изменился в лице, но постарался ответить спокойно:

— Если бы это был я, — скрывать не стал бы!

Фальковский усмехнулся:

— Не бойтесь. Я в Чека не работаю, и коммунистам не сочувствую. Беспартийный спец...

Землемер подметил — Сотников струсил, и это ему понравилось.

— Ну, хорунжий, давай выпьем за дружбу! — предложил он, приподняв свой стакан. — Уважаю храбрых людей.

Тыртышный улыбался, вытирая мокрые огненные усы.

— Я же человека сразу вижу! — бормотал он икая. — Пока землемеры у нас русские — все будет правильно. Выпьем за советскую власть, только чтоб она была без коммунистов и киргизов... Зять, поставь еще бутылку...

* * *

Возвращаясь вечером от Сотникова, Фальковский возле речки встретил Веру Павловну, собиравшую ягоды. Учительница шла босая, обходя колючки и пни. Ее загорелые стройные ноги ступали осторожно. Розовая кофта, заправленная в коротенькую юбку, придавала Вере Павловне моложавый вид. Землемер не отрывал глаз от женщины, следил за каждым ее движением. Вера Павловна не замечала Фальковского. Поставив корзину на пень и сложив ладони рупором, кричала:

— Ау! Ау!

Ей ответил весь лес, повторив ее голос. Эхо постелено замерло в далеких горах.

Фальковскому захотелось тоже аукнуть. Но кто-то успел его опередить. Детский голосок звонким эхом прокатился по лесу. Вслед за ним густую лесную чащу разрезал короткий свист.

Вскоре на полянке показались девочка и черноголовый мальчик.

— Асхар, вон моя мама! — крикнула девочка и побежала к женщине.

Фальковский спустился с крутого яра, разделся на горячем песке и бросился в речку. Холодная прозрачная вода едва накрыла его тело.

Учительница с детьми покинула берег.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Беженцам возвращают левый берег Кастека! Эта новость заинтересовала и Бозтая, отличавшегося предприимчивостью. Торговля — хорошее дело даже при большевиках: умеючи ее можно вести отлично и без денег, на обмен. Но если землю дают даром — отказываться не следует. И Бозтай таинственно шептался со своим компаньоном по торговле. Левый берег Кастека до восстания принадлежал аулу Айла-Куль. Бозтай знал — там отличные сенокосные угодья. Если удастся захватить их побольше — можно будет летом сдавать в аренду сгачичникам. Хорошо бы получить одному весь левый берег! От этой мысли он даже зажмурился, как сытый кот. Конечно, это несущественная мечта, но как бы можно было развернуть торговлю! Как разбогатеть! Тогда можно было бы жениться на Гульжан и переехать в дом Жунуса. Старшая жена с детьми останется в Узун-Агаче, он будет ездить к ним раз в неделю. Очень удобно! Гульжан ему нравится, красавица! А главное, породнившись с таким большим комиссаром, как Сагатов, бахалши сразу завоеует положение в обществе. Ему будет почет, и торговать будет удобнее. Богатство само посылится Бозтаю в карман, как дождь в ведро.

И Бозтай решил поторопиться. Пока будут делить землю, надо добиться расположения Гульжан. Такую невесту упускать нельзя.

Бозтай поехал в Айла-Куль. Он остановился в юрте Жунуса. Фатима встретила бахалши радушно, напоила кумысом, Гульжан не было дома, она с утра уехала в Кастек и сегодня должна была возвратиться. Это сообщение обрадовало Бозтая. Он будет стеречь ее на берегу озера на повороте дороги.

Попрощавшись с Фатимой, Бозтай отправился на берег. Не спеша он стрепожил коня, а сам лег в тень скалы поджидать Гульжан.

Высоко в безоблачном небе стояло солнце. Знойные

лучи его накалили камни, и они были горячи, как плита. Даже в тени было жарко, и Бозтай изнывал от духоты и скуки, вглядываясь в поворот дороги. Скоро ли появится там Гульжан?.. Прошел час, другой... Бозтай занял новое место — тень от скалы значительно передвинулась.

Наконец, он увидел Гульжан. Она шла одна в большой задумчивости. Проходя мимо озера, девушка остановилась, мигом сбросила одежду, распустила волосы и прыгнула в воду. Купалась она долго, с наслаждением, лежала на воде без движения. Бозтай бесшумно подкрался к одежде, схватил ее и спрятался опять за скалой.

Выйдя из воды и обнаружив пропажу платья, Гульжан застыла в недоумении. Она вздрогнула, услышав свое имя:

— Гульжан!

Девушка стремительно бросилась в воду. Из-за скалы показался Бозтай с одеждой в руках.

— Ну, что? Попалась! Помнишь, как издевалась надо мной? Теперь пришла моя очередь!

— Что вам надо от меня?

— Ничего! Теперь мы квиты. Давай мириться!

— Мириться? — глаза девушки гневно сверкнули. — На, получай!

Она схватила из воды горсть грязи и ловко метнула ему в лицо.

— Ах, вот как! Ну, тогда посиди в воде, а я подожду. Мне спешить некуда!

Девушка не на шутку встревожилась. Она озиралась вокруг, как пойманная лань. Бозтай ходил по берегу и посмеивался. Вдруг Гульжан крикнула угрожающе:

— Ну, погоди!

И она поплыла на другой берег, где стояла хибарка бабушки Кудан.

Бозтай, не ожидавший такого исхода, смотрел с удивлением вслед. Девушка вышла из воды и стала взбираться на крутой берег. Бахалши подумал — уж не завлекает ли его Гульжан. Но девушка скрылась в хибарке. Тогда Бозтай, понурив голову, пошел искать коня. Платье Гульжан он захватил с собой.

* * *

Гульжан добралась до бабушки Кудан. Пока она отдыхала, ей принесли женское платье. Через некоторое

время из хибарки вышла молодая девушка. В ней вряд ли бы кто сразу узнал Гульжан.

Увидев дочь в женском платье, мать всплеснула руками:

— Что с тобой, дочка? Почему ты так оделась?

— А разве ты забыла? Сегодня к Жакену приехали из Узун-Агача за невестой. Жених из беженцев, будет свадьба. Я и решила принарядиться! — весело ответила девушка.

На следующий день Гульжан пришла на вечеринку. Юрта была полна гостей, на правой стороне сидел жених в окружении девушек. Они щипали его за нос и за уши. Бедняга только вздыхал. По обычаю он должен был терпеливо сносить все проделки молодых проказниц.

Когда в юрту вошла сияющая Гульжан в женском платье, джигиты расступились, освободив ей место между женской и мужской группой. В последней Гульжан заметила Бозтая — товарища жениха. Бросив презрительный взгляд на своего обидчика, она пододвинулась к девушкам и что-то зашептала им. Послышалось веселое хихиканье. Игра еще не начиналась, ждали певцов.

Соседка Гульжан взглянула на Бозтая, одетого в узбекский разноцветный халат, и воскликнула:

— Какие горные пещеры похожи на наши у озера Айна-Куль?

Это был намек на широкие ноздри бахалши.

— Нет ни одной тропинки, как забраться! — подхватила другая.

— А там удобно охотиться на зайцев?

— Какая там охота, там вечная слякоть! — возразила третья.

— Нет сомнения — там сосульки!

Все громко захохотали. Бозтай понял, что девушки высмеивают его. Не подавая виду, что он заметил насмешки, спросил:

— Может быть, вам подать сосульки?

— У нас у самих руки длинные, — ответила соседка Гульжан и сунула ему в нос табак.

Бозтай чихнул под громкий девичий смех. Догадавшись, что издевательство исходит от Гульжан, он схватил домбру и крикнул ей:

— Выходи на состязание. Будешь побеждена — исполнишь все мои желанья.

— Согласна!— ответила Гульжан.— Будете побеждены — наказание придумает она! — и девушка указала на свою соседку.

— Идет! — Бозтай покраснел, надулся и громко запел стихи без подготовки, как обычно поют старые акыны.

Ой, Гульжан, ты не дочь богача,
Зря на знатный ты ред намекаешь.
Не гордись, о богатствах крича,
Я скажу тебе, встав у плеча:
— Кто такая — сама ты не знаешь!

Бозтай умолк. Гульжан взяла домбру. Ее пальцы побежали по ладам.

— Ой, бахалши, где твоя сила мужская, где мощь?
Ты способен гонять лишь мышей по аулу всю ночь:

Раздался хохот. Бозтай, чуть покраснев, начал снова. Они состязались долго, перебивая стихами друг друга. То и дело раздавался одобрительный смех. Наконец Бозтай, многозначительно подмигнув джигитам, запел:

Ах, Гульжан, грызет меня печаль:
Мне тебя в мужской рубашке жаль!
Хоть и ходишь ты в мужской одежде,
Но не сбьется радужной надежде.

Бозтай умолк на минуту и продолжал игривым голосом:

И одежда тебе не поможет,
Трудно спрятать тебе наготу.
Не мешало б тебе быть построже
И свою охранять красоту.

Все переглянулись, угадав намек на непристойное поведение дочери Жунуса.

Гульжан запылала в смущении. Гордо закинув голову, она запела:

Конь один без всадника летит..
Вслед за ним джигит бредет уныло.
Что с тобой произошло, джигит?
Девушка, видать, тебя побил!

Женщине не каждой быть дано
Ловким и отчаянным джигитом.

¹ Перевод Н. Титова.

Ты же бабой стал. Не все ль равно
Для тебя с лицом твоим разбитым?

Раздался веселый смех и одобрительные крики. Многие уже слышали, как в аул прискакал конь без седока, а за ним приплелся бахалши.

Бозтай, багровый от злости, сразу не нашелся что ответить. Все весело закричали в один голос:

— Победен! Победен! Гульжан выиграла!

Девушки схватили Бозтая, выволокли на середину и, сняв с него халат, окатили холодной водой. Затем они вытолкали его из юрты под оглушительный хохот молодежи.

* * *

Такой позор, какой перенес Бозтай, смелый джигит смывает кровью. Или, он должен «затоптать в грязь» обидчика, чтобы люди показывали пальцами и говорили: «Вот как отомстил Бозтай, смотрите!»

Жажда мести душила бахалши. Он вскочил на коня и помчался к себе в аул. Двадцать верст конь пролетел стрелой...

В ту же ночь Бозтай подкупил трех джигитов, чтобы они помогли ему похитить Гульжан. На другой день с вечера в Айна-Куль выехали три всадника, четвертый уехал много раньше — выяснить обстановку. Оставив коней в лесу, джигиты перебрались на берег озера и стали ждать.

В Семиречье ночь долго держится в горах. Быстро темнеет серебристая вершина Ала-Тау. Черный полог скрывает перевалы и ущелья. В таинственной ночной завесе тонет долина, а горы кажутся совсем рядом, рукой подать.

И сейчас ночь уже распластала могучие крылья, а джигит, посланный на разведку, все не приходил. Бозтай стал беспокоиться. Напрягая до боли глаза, он всматривался в сторону аула Айна-Куль. Отмерцали последние огоньки. Утих собачий лай. Аул погрузился в сон, а джигита все не было.

Бозтай, потеряв терпение, вскочил:

— Пойдем!

— Куда?

— В аул.

— Ты что, с ума спятил?

— Увезем силой!
— Весь аул не одолеешь. Нас только трое.
— Вслепую идти, заранее обречь себя на неудачу!
— Подождем! «Кто не торопится, тот на арбе догонит зайца!»

Зашелестела трава. Бозтай приложил ухо к земле: слышались осторожные шаги.

— Кто-то идет! — Бозтай поднял голову.
— Ну, значит, он.
— Мяу... мяу! — подал условленный сигнал бахалши. Джигит отозвался и неожиданно вырос рядом.
— Что так долго?
— Свинью подковывал! — огрызнулся джигит и опустился на землю.

Сняв войлочную шляпу, он ладонью смахнул с лица пот.

— Тебе жарко? А нам холодно!
— Побывал бы ты там, где был я.
— Ну, рассказывай? В чем дело? — торопил Бозтай.
— В поисках верблюда, наткнулся на вора. Так что ли?

— Да. Если сказать в двух словах: целый день сидел за сундуком. На меня навалили столько подушек и одеял, что я чуть не задохнулся.

Джигиты засмеялись, догадавшись, что случилось. Они послали в аул именно его, потому что он не безуспешно ухаживал в Айна-Куле за одной молодой.

— Муж что ли застал?
— Нет. Во-время спрятала!
— Теперь понятно: ты думал о себе, вместо того, чтобы выполнить поручение! — обозлился Бозтай.

— Я все узнал. По утрам она ходит далеко на берег озера. Это самый удобный случай.

Они решили дождаться утра. Джигиты улеглись спать. Бозтай не сомкнул глаз — встретил на небе розовую полоску зари. Аул проснулся: заблеяли овцы, замычали коровы. Разноголосый гул проплыл над озером. Угнали на выпаса скотину, и все стихло. Аул снова погрузился в сон.

Бозтай терпеливо ждал и не заметил, как задремал. Он проснулся от резкого толчка в бок. Кто-то лнул его ногой. Бахалши вскочил.

— Проспал все на свете! Эх, ты!

— Вон, смотри! — джигит указал рукою на безносо-го всадника.

Поперек седла у него лежал укутанный в халат с ног до головы человек.

— Кто это?

— Невеста! Едем!

Конь под безносом джигитом рванулся. Другие джигиты тоже вскочили на коней.

— Придется не тебе жениться, а мне! Спишь крепко, бахалши!

Бозтай досадовал. Вот не везет! Теперь будут смеяться над ним в ауле. Проспал невесту. Эх, надо было задремать с вечера, как поступили предусмотрительные товарищи.

* * *

В ауле никто не заметил ночного исчезновения четырех джигитов. Они вернулись домой незаметно. Самый рослый из них внес в юрту укутанную Гульжан, положил ее на покрашенную деревянную кровать и сказал жене Бозтая, молодой болезненной женщине:

— Принимай невесту в дом!

Оглушенная Гульжан лежала без движения.

— Жива? — ухмыляясь спросила жена Бозтая.

— Наверно!

Джигит подошел к Гульжан, дернул за полы халата и раскрыл лицо. Гульжан медленно, с трудом, приподняла веки и увидела безбородого мужчину с двумя дырочками вместо носа. Жена Бозтая молча поднесла ей кумыс. Гульжан выпила залпом и стала оглядываться. Юрта, где она находилась, была убрана хорошими коврами...

Безносый джигит и жена Бозтая вышли из юрты. Гульжан услышала, как дверь закрыли на замок...

Тишина. В юрте полумрак. Шанрак¹ открыт, виден кусочек голубого неба. Кто похитил ее? Кто этот безносый джигит? Она никогда его не видела. Неизвестность томила Гульжан. Она прислушалась. Кто-то подъехал и слез с коня. Идет медленным тяжелым шагом. Видимо, грузный человек.

Гульжан приоткрыла войлок снизу юрты и наострила уши.

¹ Шанрак — надкупольное отверстие юрты.

— А, Каке! Вашими молитвами. Садитесь сюда поближе!

Люди говорят шопотом, ничего не понять. Прорываются отдельные слова.

— Так не годится!

— Почему?

— А если зажечь с четырех сторон.

Опять шопот. Гульжан слушает, затаив дыхание.

— Сгорит, тогда и домов не будет.

— Они нас жгли, чего жалеть...

Кто-то еще подошел. Шопот прекратился. Люди ушли. Гульжан сидела в раздумье, стараясь понять, что произошло. Может быть, это сон? Нет, не сон. Почему ее увезли? Кому она нужна? И что замышляют поджечь люди, которые только что сидели возле юрты? Гульжан стало страшно. Она тихо заплакала и не заметила, как заснула. Сквозь сон девушка слышала — кто-то подходил к двери и, приподняв войлок, смотрел через щель. За ней наблюдали.

Когда она проснулась, ее накормила бесбармаком та же молодая женщина, что пошла кумысом. Молча, с затаенной завистью в глазах она следила за Гульжан.

— Вы хозяйка или батрачка? — спросила Гульжан.

Молодуха закусила губы. Стало ясно — жена.

— Я его отберу у вас!

Молодуха густо покраснела.

— Если такова будет божья воля!

— Проводите меня во двор! — попросила Гульжан.

Молодуха вышла и вернулась с двумя рослыми молодыми женщинами.

В ауле тишина. Спасаясь от жары, жители пребывали в горах. Женщины прошли далеко за сопку. Гульжан заметила: валяется реберная косточка, острая как нож. Она нагнулась, подняла и быстро сунула за пазуху.

С наступлением темноты выспавшийся Бозтай решительно вошел в юрту. Гульжан сидела на кровати. Так вот кто ее похитил! Бозтай! Пряча в изломе губ насмешку и ненависть, она крикнула:

— Это что, месть или любовь?

— Конечно, любовь!

— Если любовь, то отвезите меня домой, и все нач-

нем сначала. Приедете, посвтааетесь, как полагается, и попросите согласие родителей.

— Брось! Ты меня не обманешь!

— Не согласны?

— Нет.

— Тогда все. Я вам живой не дамся.

— Но, но! — Бозтай подошел к кровати, сел рядом. Девушка отодвинулась.

— Разве ты не знаешь, что я тебя люблю давно!

Бозтай попытался обнять Гульжан. Она отскочила.

— Не смей!

Бозтай приподнял девушку и бросил на кровать. Гульжан вскочила и кинулась в дверь. Она оказалась закрытой снаружи.

Бозтай схватил Гульжан и прижал к груди, шепча страстные слова. Он целовал ее лицо, обдавая горячим дыханием. Жесткие иглы усов кололи губы девушки.

Гульжан пробовала освободиться из его крепких объятий. Но напрасно, Бозтай снова бросил ее на кровать. Гульжан царапала ему лицо. Бахалши схватил руки девушки и придавил к кровати. Но Гульжан высвободив правую руку, изо всей силы ударила косточкой в висок. У Бозтая посыпались искры из глаз. Потеряв сознание, он грузно упал на кошму.

Очевидно, за их борьбой следили. Жена бахалши и безносый джигит вбежали в юрту.

— Я убила его! — закричала Гульжан. — Если кто подойдет ко мне...

Она показала косточку. В темноте ее можно было принять за нож.

Жена Бозтая с воплем кинулась к мужу. Джигит олешил. Увидев нож, он попятился назад. Гульжан выскользнула из юрты.

* * *

Тревога охватила Айна-Куль. Все недоумевали — куда же исчезла Гульжан. Утром ушла и не вернулась. Судили, рядили, высказывая разные предположения. Решили, что она уехала в Кастек к Вере Павловне. Послали туда человека, но после полудня посланец вернулся ни с чем.

Тревога росла. Фатима стала причитать и голосить. Бакен и два джигита весь день провозились на озере:

искали утопленницу, но так и не нашли. Они вернулись в аул с пустыми руками.

А на другой день утром в Айна-Куль пришла измученная Гульжан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сагатову нравилась Глафира. Знакомство, начатое в пути, продолжалось в Верном. Они встречались вечерами, когда не было совещаний и заседаний. К сожалению, таких свободных вечеров было очень мало.

Сегодня они встретились случайно и оба обрадовались возможности побыть наедине. Пройдя несколько раз по аллее парка, Саха предложил отдохнуть — посидеть на скамейке в тени густого карагача. Глафира согласилась. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь пышную листву, рассыпались у их ног круглыми монетами.

— Вы мне напоминаете одного человека, — задумчиво сказала она. — Он был революционер. Тоже казах.

— Это кто же?

— Токаш Бокпи.

Саха оторопел от неожиданности и с изумлением воскликнул:

— Вы его знали?

— Знала. — Неуловимая тень грусти пробежала по лицу Глафиры. — И даже очень хорошо.

— Токаш?! Не может быть!

— Почему вы сомневаетесь?

— Большая разница в возрасте! — И, словно желая проверить Глафиру, Сагатов спросил: — Скажите, как он выглядел?

— Все не верите? Стройный. Широкий в плечах. Лицо — смуглое, глаза большие, черные. А брови тонкие, с изгибом. — Глафира помолчала и закончила: — Он часто приходил к нам. Брал у отца книги... Танцевал он замечательно...

Она улыбнулась, видимо, вспомнила что-то хорошее.

— Я тогда была еще совсем девочкой. Помню, влюбилась в него, а он... не замечал моей полудетской любви. Я даже плакала по ночам...

— О, тогда я вас знаю, — тихо произнес Саха.

И он вспомнил зимнее утро в алма-атинской тюрьме. Из окна сквозь решетку было видно, как падали круп-

ные хлопья снега. «Саха, смотри! — подозвал его Токаш. — Видишь? Первый снег! Он меня всегда волнует. Нежный, чистый, похож на мечту влюбленной девочки»... И тогда Токаш впервые рассказал про влюбленную в него гимназистку.

— Значит, это про вас...

— Вероятно! — после короткого молчания Глафира спросила: — вы что, учились вместе?

— Нет. Я поступил в гимназию в тот год, когда его исключили за политическую неблагонадежность. С тех пор наша дружба не прерывалась до самой его гибели. Можно сказать, он мой воспитатель. Он любил меня, как старший брат и всегда помогал.

— Говорят, он погиб страшной смертью.

— Да. Враги его создали ложное дело и упрятали в тюрьму. А когда прокурор приказал освободить, похитили по фальшивому ордеру, увезли в горы и зверски убили. Его обвиняли, что он продался русским. Обвинение, конечно, вздорное. Токаш, действительно, конфисковал скот у баев и роздал казахским и русским беднякам... И вот с ним расправились, расправились зверски... Даже трупа не нашли.

Глафира тяжело вздохнула и попросила:

— Расскажите мне о нем...

— Хорошо.

Саха закурил и стал рассказывать:

— Лето шестнадцатого года после окончания гимназии я проводил у отца в ауле. Все было тихо, спокойно. Вдруг пришел приказ о мобилизации казахов на войну. В Верном созывался съезд знатных казахов. Токаш Бокин в это время вернулся из Петербурга и гостил в городе у родичей. Мы с отцом приехали в Верный и стали разыскивать его квартиру. Жил он где-то на уйгурской стороне. Встретились, как старые друзья. Договорились вместе пойти на съезд. А происходил он за головным арыком, на пригорке. Когда мы пришли, там уже собралась вся джетысуйская знать. Помню, вожак семиреченских алашей ишженер Тынышпаев прочел указ царя, а Сугурбаев, этот самый, что сейчас коммунистом стал, призвал отдать сыновей на войну. Его поддержали купцы. Все шло гладко, как по маслу. Никаких не было возражений. Вдруг встал Токаш и начал рубить с плеча: «Казахи не воевали и не знают, как держать винтовку. По-

сылать, их на передовую линию — это значит послать на истребление»... В общем Токаш дал крепкий бой. Поднялся шум. Народ заволновался и сразу встал на сторону Бокина. Никто, конечно, не ожидал, что так повернется дело. Знать растерялась. Уже потасовка началась. Так Бокин сорвал съезд...

Глафира внимательно слушала. Саха замолчал.

— А дальше что было?

— После съезда Токаш поехал по аулам призывать народ к восстанию! В селе Чьене он столкнулся с карателями из Верного. Токаш прикинулся верным слугой царя. Он быстро расположил к себе офицеров и предложил свой план окружения повстанцев. (Об этом Токаш мне сам рассказывал в тюрьме). Офицеры выслушали и согласились. Токаш повел карателей по тропам, через пропасти и перевалы, в горы. Путь был страшно тяжелый. Офицеры разозлились, должно быть, почувствовали западню. И, действительно, это была западня. Мой отец Жунус разгромил тогда весь отряд...

Саха замолчал. Молчала и Глафира, замятая своими мыслями.

— А все-таки, неужели я похож на Токаша? — спросил Саха после паузы.

— Внешне у вас есть общее. Но по характеру вы, пожалуй, разные люди. Он был волевой, а вы...

— Договаривайте!

— Вы... Впрочем, еще не знаю.

— Робок и застенчив... А если признаться...

Саха замялся. Глафира подняв брови спросила:

— В чем?

— В том, что я, подобно вам, тоже был влюблен в Токаша! — неожиданно закончил Саха.

— В таком случае, будем с вами друзьями! — задумчиво произнесла Глафира.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Жена Адила продала дачу, все ценные вещи — ковры, мебель, серебро, и все же никак не могла собрать пяти миллионов рублей, чтобы выплатить контрибуцию. А муж наказывал из тюрьмы: пусть ничего не жалеет, продает все. Он требовал передач — в тюрьме кормили плохо.

И жена Адила отправила Ляйли на базар сменить шелковое одеяло на масло и мед.

Ляйли сумела произвести удачный товарообмен. Впридачу она выторговала несколько тысяч рублей. Можно будет купить хлеба и отнести отцу в тюрьму. Девушка знала, где торгуют хлебом из-под полы. Она заняла удачную позицию — на углу Торговой улицы, где кончалась базарная площадь. Черноволосый мужчина в очках с сумкой в руке прошагал мимо и вполголоса сказал:

— Есть хлеб!

— Почем?

— Сторгуемся.

Они отошли в сторону. Очкастый открыл сумку и показал буханку. Ляйли стала торговаться. Продавец не уступал. Подошел еще покупатель. Тогда Ляйли сказала:

— Беру!

Она отсчитала деньги. Очкастый протянул ей хлеб, но в эту минуту подошел безусый парнишка в военной гимнастерке с наганом на боку. Он хотел схватить за руку очкастого, но тот ловко вывернулся, а Ляйли скрыться не успела.

— Идем в Чека! — сказал парнишка с наганом и потащил ее за рукав. На крик Ляйли собрался народ. Нашлись защитники, стали упрашивать отпустить девушку. Парнишка был непреклонен. Ляйли всхлипывала. На этот скандал и наткнулся Сагатов. Он удивился, увидев в центре толпы плачущую Ляйли.

— В чем дело? — спросил Саха безусого парнишку с наганом, продолжавшего тянуть Ляйли за руку.

— Спекулянтка!

— Врет. Я хотела купить хлеб! — закричала сквозь слезы Ляйли.

Толпа дружно поддержала девушку.

— Она покупала, а не продавала...

Сагатов тихо сказал парнишке:

— Отпустите ее!

— Не могу! Проходите, гражданин, своей дорогой. Не вмешивайтесь в работу Чека.

Сагатов вспыхнул:

— Покажите удостоверение!

Парнишка осекся, видимо, узнав Сагатова. Он отпустил руку Ляйли.

— Скажешь товарищу Басову, что мне пришлось вмешаться в твою работу, а не в работу Чека. Понял?

Сагатов повернулся и, не взглянув на Ляйли, пошел своей дорогой.

Безусый парнишка с наганом постарался незаметно скрыться.

Толпа растаяла.

Ляйли прибежала домой и восторженно рассказала обо всем мачехе.

— Если бы не Саха, я бы уже сидела сейчас в тюрьме! — закончила девушка.

— Хорош сокол, да далек! — с сожалением произнесла мачеха.

По лицу Ляйли прошла тень. Да, Саха далек! Неужели он никогда не будет рядом с ней?

Мачеха угадала ее мысли.

— Ты напиши ему! Поблагодари! — посоветовала она.

Ляйли совет пришелся по душе. Весь вечер она просидела над письмом, переписывая его добрый десяток раз.

«Мнопоуважаемый драгоценный Саха!

Я отважилась вам написать первая, чтобы выразить свою благодарность. Мне ничего не надо от вас. Не думайте, что я опять прошу за отца. Я убедилась, что вы благородный отзывчивый человек. Хотела бы встретити Вас в доме у своих родителей и поблагодарить лично. Жду ответа.

Преданная Вам *Ляйли*»

Послание закончила стихами Абая:

Тәңрі қосқан жар едім мен.¹

На другой день Ляйли отправила письмо с братом. Он долго не возвращался и это тревожило Ляйли. Наконец брат пришел.

— Отдал письмо?

— Отдал!

— А ответ?

— Обещал прислать.

Ляйли ждала день, другой, третий... На четвертый

¹ Богом нареченная, я твоя невеста.

пришла соседка-татарка. Ляйли была в соседней комнате. Дверь была открыта. Мачеха стала жаловаться — внесли половину контрибуции и все-таки не выпускают Адила на поруки. Потом рассказала, как Сагатов спас Ляйли от чекиста.

— Какой Сагатов?

— Тот, который управляет всем Семиречьем!

— Крещеный казах! — пренебрежительно отозвалась соседка:

Ляйли вздрогнула: «Саха крещеный казах!»

— Откуда знаешь? — удивилась мачеха.

— Говорят, женится на русской. Она не согласилась выходить за мусульманина!

У Ляйли упало сердце. Что же это такое?

— Сама видела, — сказала соседка. — Третьего дня он сидел с какой-то голубоглазой в парке. Со мной шел знакомый уйгур, чайханаша с сениго базара. Он и сказал — Сагатов в Успенском соборе крестился, принял русскую веру.

Ляйли выронила ножницы. Они со звоном упали на пол.

* * *

Ляйли не могла уснуть всю ночь, а утром на другой день она надела свое лучшее платье и отправилась в облздравотдел. Ей показали дверь комнаты, где находилась заведующая. Ляйли постучалась и вошла. За письменным столом сидела голубоглазая женщина. Она подняла голову:

— Вы ко мне?

— Да.

— По какому делу, товарищ?

Преодолев первое смущение, Ляйли спросила:

— Вы — облздрав?

— Да! — ответила Глафира.

— Я так и угадала! — Играя кончиками длинных кос, Ляйли произнесла заученную фразу: — У меня сложилась такая жизнь, что я вынуждена учиться на медика.

— На медика? Что же случилось?

— Мой жених бросил меня. Он считает, что я ему не пара.

Глафира не могла сдержать улыбку.

— Такую хорошую невесту! И кто же такой безрасудный ваш жених?

— Сагатов.

— Сагатов! Какой Сагатов?

— Саха. Говорят, он любит девушку-медичку. Но я тоже буду медичкой. Я не отдам его никому.

Глафира промолчала.

— Вы очень его любите?

— Очень! — с жаром воскликнула Ляйли.

Девушка заметила, как «облздрав» нахмурилась и закусила верхнюю губу.

— Пойдемте. Я вас помирю с ним! — предложила Глафира и поднялась.

На секунду Ляйли заколебалась, но затем резким движением отбросила назад косы и решительно шагнула к двери.

До обкома партни они шли молча, торопливыми шагами, словно хотели обогнать друг друга.

— Сагатов занят? — спросила Глафира машинистку, сидевшую в приемной секретаря обкома.

— Он всегда занят.

— Есть у него кто-нибудь?

— Кажется, Басов уже ушел.

— Идемте, — сказала Глафира, обращаясь к Ляйли, и открыла дверь в кабинет секретаря обкома партни.

— Мы к вам по личному делу...

Глафира хотела объяснить причину неожиданного появления, но Ляйли перебила ее, заговорив по-казахски:

— Вы не ответили на мое письмо, Саха! Но я не обижаюсь. Я к Вам пришла не как к жениху, а как к большому начальнику. Я хочу учиться на медика, чтобы вы любили меня так же, как вот эту девушку.

Саха с трудом удержался от улыбки и взглянул на Глафиру. Она плохо понимала казахский язык и могла только догадываться о чем шел разговор. И, конечно, Глафира догадалась. Глаза ее лукаво улыбались, но Саха подметил в этой улыбке едва уловимый огонек ревности.

«Значит, любит», — подумал он радостно.

Ляйли смотрела на своего жениха вопросительным взглядом, ожидая ответа.

И Саха заговорил тоже по-казахски:

— Ляйли! Вы, кажется, кончили пять классов гимназии. Конечно, вам следует учиться. Нашей молодой республике потребуются тысячи врачей. Мы вам поможем

поехать в Москву, Петроград или Казань. Правда, сейчас там очень голодно... Может быть, подождать год, другой...

Ляйли хотела услышать другие слова, но и этим она была рада.

Саха повернулся к Глафире и спросил по-русски:

— Какое у вас дело ко мне, товарищ Алексева?

— Как я поняла, Ляйли уже рассказала вам о своем желании учиться, но дело не в этом...

Глафира запнулась и покраснела. Она только сейчас почувствовала, насколько нелепым мог показаться Сахе ее приход вместе с его невестой.

— А в чем же?

— Я хотела посоветоваться с вами относительно военного госпиталя.

— Тогда останьтесь, поговорим, — сказал Саха и поднялся.

Ляйли с недоумением посмотрела на Глафиру. Эта женщина обещала помирить ее с Сахой. Но почему она ничего не говорит?

Девушка перевела взгляд на Сагатова. Это ее жених! Почему же она, Ляйли, должна уйти и оставить его с русской женщиной?

— Я подумаю насчет вашей учебы! — сказал Саха.

Он ждал, чтобы она ушла. Ляйли поняла это и быстрыми шагами направилась к двери, унося в сердце обиду на жениха и вспыхнувшую ненависть к голубоглазой женщине.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Еще с утра курились горы заилийского Ала-Тау. В ущельях ползли сизые туманы. Но день выдался душный. Солнце палило нещадно и напарило пышные облака над вершинами гор. А к вечеру черные тучи обложили небо и на улицах стало темно, как бывает перед грозой. В горах шел теплый дождь.

Саха вернулся домой не в духе. Он вспоминал свой разговор с Глафирой. «Это ваша невеста?» — спросила она после ухода девушки. Саха взял ее за руку. «Оставьте меня!» — сказала Глафира и вышла из кабинета. Должно быть, обиделась.

Саха вспомнил Жунуса. Связал же отец его своим

глупым сватовством! Надо отправить Ляйли учиться, и у нее пройдет вся блажь...

Саха почти ничего не ел за обедом. Прилег отдохнуть на диван, взял книжку. Но сосредоточиться не мог. Начиналась гроза. Он подошел к раскрытому окну — теплый дождь переходил в ливень. Улица покрылась большими лужами. В арыке бурлила мутная вода — ей было тесно, и кое-где она заливала панель. По ней бежала женщина. Увидев ее, Саха закричал.

— Глаша!

Да, это была Глафира. Услышав его голос, она остановилась у окна, промокшая до нитки. С волос падали тяжелые капли воды.

— Заходите!

Она кивнула головой и вбежала на высокое крыльцо. Он бросился открывать ей дверь. Старушка-хозяйка дала Глафире ситцевое платье, и она, переодевшись в соседней комнате, вошла к Сагатову.

— Как хорошо, что вас ко мне загнал дождь. Я только что думал о вас! — признался Саха.

— А может быть, не только обо мне. У вас есть невеста...

— Глафира Алексеевна! Да выслушайте же меня...

И Саха рассказал, как Жунус посватал у Адилы дочку.

— Теперь верите или нет? — спросил он.

Весь вечер они просидели рядом. Саха держал ладонь девушки в своей руке.

* * *

В полночь Глафира собралась домой. Сагатов вышел ее проводить. Дождь кончился, но дул страшный ветер. С гор доносился неясный гул.

— Оставайтесь у меня ночевать, — предложил Саха.

— Нет, нет... Я сниму туфли и пройду босиком.

Они шагали в густой непроницаемой тьме, прислушиваясь к странному шуму. Он доносился с южной стороны города и нарастал с каждой минутой...

— Вода выступила из арыков! — сказала Глафира.

— Вернемся?

— Нет, теперь, недалеко...

Они не успели дойти до ее дома. Улица неожиданно превратилась в реку. Правда, пока она была еще мелкой,

но вода быстро прибывала. Что случилось? Саха, проживший всю жизнь в Верном, не мог понять. Откуда столько воды?

Какой-то старик, пробежавший мимо них в двух шагах, закричал:

— Наводнение... Алма-Атинка разлилась...

Саха терялся в догадках: какое наводнение может быть в городе, где нет ни одного водоема. Утром Алма-Атинку можно было перейти, не замочив ног.

А на самом деле действительно начиналось наводнение. С гор шли бурные потоки воды. Они несли песок и камни. И Саха не умом, а сердцем ощутил, что это — начало большой катастрофы. Он схватил Глафиру за руку и крикнул:

— Бежим!

— Куда?

— В обком! Тут рядом!..

Они пробежали боковой улицей мимо городской библиотеки к зданию обкома. Дверь была закрыта. Саха принялся стучать. Он знал, что сегодня дежурил член бюро обкома дунганин Цун-вазо, заместитель председателя облисполкома. Дверь открыла заспавшая сторожиха.

— Чего барабаните! — заворчала она недовольно, сразу не узнав секретаря обкома. — Словно пожар...

Цун-вазо спал на широком кожаном диване в кабинете Сагатова. Он сладко потянулся и хотел перевернуться на другой бок.

— Проспал город! — крикнул Саха и бросился к телефону.

Телефонистка не отвечала. Саха яростно крутил ручку аппарата. Наконец отозвался сонный голос.

— Почему не отвечаете так долго! Срочно соедините с военкоматом. Звоните в Чека, милицию, в ЧОН...

Цун-вазо ужаснулся: снова мятеж! Он схватился за маузер.

А Саха продолжал кричать в трубку:

— В городе наводнение... Да, да... Предупреждайте всех абонентов...

Цун-вазо переводил глаза с Сахи на Глафиру. Он ничего не понимал. А Саха, уже соединившись с военкоматом, дул в трубку и кричал еще громче:

— Где военком? Объявите тревогу. Поднять крас-

ноармейцев... Открыть стрельбу!.. Что не понимаете? Стрельбу! Да-да, говорит секретарь обкома партии Сагатов!

Саха не выпускал из рук телефонную трубку. Теперь уже ему звонили в обком встревоженные работники. Никто не знал, что происходило в городе. Басов первый сообщил, что по Копальской улице идет каменная лавина и сносит дома и деревья.

Голос его звучал глухо:

— Гибнут люди... На улицу нельзя выходить...

— Гибнут люди? — сердце Сахи похолодело. Он не заметил как Глафира бросилась к дверям.

— Что же делать? — продолжал он кричать в трубку.

— Единственное спасение — сидеть дома...

Сахе не понравился ответ председателя Чека, но Басов был прав. По улице, увлекаемые бурным потоком воды, лавиной катились огромные камни, снося и уничтожая все на своем пути.

Цун-вазо высказал предположение:

— Должно быть, проломилось дно Алма-Атинского озера и вся вода хлынула по ущельям на город.

Саха ничего не ответил. Чорт его знает, может быть, и на самом деле так! Он сидел за письменным столом, сжав ладонями виски и ощущая полную беспомощность. Разразившаяся катастрофа была страшнее пережитого недавно мятежа. Тогда был враг, известны его силы, с ним можно было бороться, а сейчас оставалось одно — сидеть и ждать, когда каменная лавина, несущаяся с гор, разрушит здание обкома, как, может быть, она уже разрушила сотни обывательских домов...

Снова зазвенел телефон. Сагатов услышал знакомый голос военкома:

— Красноармейцы ходят по улицам и предупреждают, чтобы люди не выходили из домов. Есть жертвы...

Сагатов покраснел и только тут вспомнил о Глафире. Он оглянулся — ее в кабинете не было.

— Ушла! — сказал Цун-вазо.

— Что же она не предупредила!

— Она сказала вам. Вы разговаривали по телефону. А ей каждая минута дорога. Она же врач...

Краска стыда залила лицо Сагатова. — Руководитель области... растерялся... — мелькнуло в голове. «Люди гиб-

нут, а ты спасаешься здесь... Глафира поступила честнее».

Он яростно закрутил ручку телефона. Станция ответила сразу же.

— Басова!

— Подождите минутку. Разговаривает.

— С кем?

— С начальником пожарной команды.

— Поторопите!

Басов отозвался почти сразу:

— Председатель Чека слушает...

— Басов. Это я говорю. Сагатов... Ты меня слышишь? Басов! Басов!

Саха дул в трубку и кричал охрипшим голосом. Ответа не было. Он понял — связь со станции оборвалась.

Саха поднялся.

— Цун-вазо! Идем...

Дунганин даже не спросил куда и молча зашагал за Сагатовым.

Ночь. Над городом стоит неимоверный гул и грохот. На всех колокольнях бьют в набат. Плывут тревожные звуки, заглушаемые яростным шумом ветра, который хочет вырвать с корнем деревья. Где-то щелкают одиночные выстрелы. А по улице несется бурный поток густой грязи, а в ней каждый камень грозит смертью.

Цун-вазо сказал:

— Саха, мы не пройдем! Бесплезно!

— А может быть, по соседней улице нет такого потока? — осенила Сагатова неожиданная мысль.

Они вернулись в дом и с черного хода, вышли во двор, а потом в сад, залитый водою. Перебравшись через забор, попали к соседям. Огромный пес, забравшийся на будку, рывкнул два раза и жалобно заскулил, видимо, испытывая такой же страх, какой в эту ночь испытали все жители Верного.

— Это кто же? Товарищи! — окликнул Саха мужской голос.

— Свои, свои! — отозвался Цун-вазо. — Соседи...

— В такой момент все свои! — проворчал, видимо, хозяин дома и заговорил торопливо: — Что же это такое творится-то? А? Все стращали землетрясением, а тут от воды, как суслики, погибаем... Должно быть, под Алма-Атинским озером дно лопнуло... Не иначе... Как думаете?

— Не знаю! — ответил Саха. — Через вашу улицу можно перебраться на ту сторону?

— Вода шибко хлещет, но не глубоко. Тут недавно одна женщина пробиралась. Тоже вот вроде вас, через наш двор...

«Глафира», — подумал Саха и сказал:

— Ну, раз она прошла, значит и мы пройдем!

Хозяин отворил калитку, выпустив Сагатова и Цунвазо на улицу. Здесь было значительно меньше воды, и они перебрались на другую сторону.

* * *

В эту страшную ночь грязекаменные потоки прошли по реке Алма-Атинке и шести продольным улицам, неся смерть и разрушение. К счастью, каменная лавина провалилась в старое русло реки Весновки — это спасло город от гибели...

Когда рассвело, можно было увидеть, какие бедствия причинила ночная катастрофа. Вода схлынула, оставив на улицах каменные глыбы. Повсюду виднелись полуразрушенные дома. Если бы не деревья, посаженные полсотни лет назад шпалерами вдоль улиц, разрушенных зданий было бы во много раз больше. Могучие дубы, березы и тополи отразили почную каменную атаку, приняв на свои стволы сокрушительные удары... Некоторые из них пали в неравной борьбе... Они лежали с поломанными сучьями, загородив дорогу.

На улицах валялись трупы людей и животных. Погибли те, кто искал спасения вне стен дома.

Саха с комиссией ходил по городу. Он увидел Глафиру — с лазаретной сумкой через плечо. Она вышла из дома, стоявшего посередине улицы. Его смыло с фундамента и отнесло на полкилометра. Саха подошел к окну и услышал вопли женщин. Они оплакивали только что скончавшегося изувеченного человека.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Жунус не смог доехать до Бухары. Рана на руке загноилась, поднялась температура. Его сняли с поезда на пограничной станции Зиятдин, Бухарского эмирата, и переправили в кишлак Бахча-Калям. Здесь стояла передо-

вая часть войск эмира, контролировавшая большую Самаркандскую дорогу.

Начальник гарнизона, он же военный министр — вазир-и-харб, не надеясь на бухарцев, пополнил эту часть семиреченскими добровольцами. Среди них находился и Амен.

Узнав о раненом Жунусе, он вечером прибежал к нему. Тот лежал бледный. Раненая рука покоилась на груди. Амен смотрел, не отрывая глаз, на осунувшееся лицо Жунуса. Раненый застонал.

— Как вы себя чувствуете?

Узнав голос предавшего ему джигита, Жунус в ответ слабо улыбнулся.

Амен не стал терять времени на расспросы. Он разыскал на дворе хозяина, подслеповатого хромого старика, и выругал его.

— Если он умрет, я тебя расстреляю!

— Сын мой, что я могу сделать? — заплакал старик.

Приказав вынести Жунуса в летнюю половину дома, Амен побежал в комендатуру. Там сидел задержанный ночью конным разъездом лекарь. У него оказался документ, выданный бухарским раисом, — начальником полицейского участка — и удостоверивший, что табибу Маджиду разрешен проезд по всему эмирату. Амен, плохо разбиравший закорючки арабского шрифта, положил справку в карман, а Маджида запер в обхану¹. Утром, вспомнив о Маджиде, Амен пошел спросить у полковника, что делать с арестованным лекарем.

— Отправить в рекхану², — приказал полковник.

Амен шел к лекарю и думал: не всегда полезна спешка! Если бы он отправил сегодня утром табиба в Бухару, сейчас пришлось бы раскаиваться.

— Раненого вылечишь, я тебя отпущу! — пообещал Амен. — А иначе пойдешь в рекхану.

Маджид молчал. Что ответить? Если бы он был факир, а не фельдшер-самоучка, он обещал бы. Однако терять ему нечего... И он пошел за Аменом.

Маджид снял у Жунуса перевязку с руки. Пуля прошла навывлет, частично раздробив кость. Рана загноилась, начиналось заражение. Что делать? Отказаться от ле-

¹ Об х а н а — камера.

² Р е к х а н а — знаменитая тюрьма в Бухаре.

ченья, значит, обречь себя на верную смерть в реххане.

Маджид промыл руку легким раствором соли, попросил у хозяина чеснока, выжал сок, смазал рану и перевязал.

Как ни странно, к утру Жунусу стало лучше. Когда пришел Амен, он крепко спал.

С этого часа отношения между лекарем и Аменом круто изменились.

Они часто и подолгу беседовали. Слушая рассказы Амена, Маджид уловил в них нотки разочарования.

На третий день, когда кризис у раненого миновал, обрадованный Амен повел лекаря на веранду. Долго они беседовали и под конец разоткровенничались. Амен рассказал лекарю о своей жизни.

В городе Туркестане у него была невеста, красивая девушка. Она приглянулась милиционеру, и тот, застрашав отца, увез ее. Амен попытался спасти возлюбленную, но счастье повернулось к нему спиной. В драке он убил соперника, и ему пришлось бежать. Тогда он пристал к Жунусу, гостившему в мавзолее Ходжа-Ахмеда-Яссави.

Прошла еще неделя. Жунус быстро шел на поправку. Маджид подрежнему ухаживал за ним. Полковник забыл о лекаре, память его потонула в потоках выпитого виноградного вина.

Отъезд Маджида откладывался со дня на день. Дорога на Бухару была опасна, могли в любую минуту схватить второй раз и бросить в тюрьму. Лекарь решил подождать выздоровления Жунуса, чтобы отправиться вместе с ним в Бухару.

Незадолго до отъезда Маджида открылся базар в Бахчи-Калям. В Средней Азии с давних времен базар — не только место торговли. Здесь обсуждаются события дня, и можно услышать всевозможные новости. Захватив с собою Маджида, Амен направился в Бахчи-Калям, он хотел знать, что творилось на белом свете.

Базар был в полном разгаре. На суфе¹, разложив товары, сидели бухарцы в широких ярких халатах и в белых чалмах. Бойко шла торговля. Продавцы и покупатели били по рукам. Над толпою стоял разноголосый гул.

— Посмотри на этих кровопийц! — указал Амен.

¹ Суфа — глинебитное возвышение, заменяющее прилавок.

Маджид оглянулся. В центре базара стояли три узбека в халатах из кашмирского шелка, в атласных тюбетейках. Один из них, в лакированных сапожках, ковырял во рту серебряной зубочисткой и внимательно слушал второго, что-то оживленно рассказывавшего. Третий одобрительно улыбался, заложив руки за спину.

— Здесьние тузы — аксакалы. Вон тот с зубочисткой — хозяин кишлака. Конокрад. Воровал у казахов лошадей, продавал в Бухаре, а лучших иноходцев дарил первому визиру. У него на содержании несколько воров. Они совершают далекие ночные переходы в нура-тинское бекство, где живет много казахов. Полковник знает об этом, но молчат. На днях конокрад подарил ему вороного иноходца с пятном на лбу. Замечательный аргамак!

Маджид внимательно слушал.

— А это — имам, смотритель мечети. Взятчик. Развратник, заражен дурной болезнью. Говорят, все тело покрыто у него язвами. Недавно один из сарбазов¹ в пьяном виде застрелил старушку. Имам заступился за убийцу, пошел к полковнику и доказал, что раз он убил не по умыслу, поэтому по шарияту наказывать его не следует. А солдат потом рассказывал, что купил отпущение грехов у имама за сходную цену.

— А третий кто?

— Мираб, хозяин воды. Убийца. Темная личность. Дай закурить! Ты приучил меня к табаку.

— Курн, брат, — Маджид протянул коробочку. — Табак успокаивает.

Свернув папиросу, Амен высек кремнем огонь и закурил.

— Вчера был такой случай, — начал он рассказывать про мираба. — В соседнем кишлаке жил декханин-таджик некий Боки Шо-мирзо. Его сын обрабатывал землю мираба, старался, но мираб надул его. Сыну надоело работать даром, и он сбежал. Тогда мираб привел лже-свидетелей в суд, и они показали, что сын таджика Шо-мирзо не доработал одного года. Мираб требовал вернуть пай воды. И суд встал на его сторону. Но так как воду нельзя было возвратить, то решили заменить ее рисовым полем. Это еще не все. Кто-то донес, что

¹ Сарбаз — солдат.

сбежавший сын декханна скрывается у большевиков. И вот два дня тому назад декхана схватили, пытали, заставляя сознаться, что его сын большевик... Мираб участвовал в допросе. Он сам придумывал пытки. Несчастному загоняли иглы под ногти. Я видел это собственными глазами...

Амен взял под руку Маджида и увлек его в другую сторону базара.

— Посмотри на этих несчастных, опухших от голода! Их доход от хозяйства делится на пять частей. Первую часть они преподносят эмиру за то, что им выпало счастье быть его поданными. Вторую — мулле в искупление грехов. Третью — мирабу за неправильное распределение воды. Четвертую — старосте за то, что он держит весь кишлак под страхом доноса...

— А пятую?

— Если она останется, то для своих голодных детей.

— Не сладкая жизнь в Бухаре! — сказал Маджид.

Их внимание отвлекли шум и крики. Двое полицейских волочили по земле узбека, один из них непрерывно замахивался дуррой¹. Узбек громко божился и стонал.

— Ясно, им понравилась вещь, привезенная на базар.

— Хотят отнять?

— Конечно. Они сейчас запрут его в каталажку, а затем выпустят. Декханин побежит быстрее зайца.

— Я вижу ты хорошо знаешь, как здесь живут люди!.. — одобрительно промолвил Маджид, оценивший наблюдательность Амена.

— Да, я давно думаю, для кого мы воюем и разоряем народ?

Не успел лекарь ответить на этот вопрос, как им на встречу попался шут-острослов, в коротеньком пиджачке, сшитом из цветных лоскутов, в конусообразной войлочной шляпе. На самой верхушке ее торчали птичьи перья. В руках шут нес попугая.

— Скажи, попугай, что ожидает джигита? — сказал он, проходя мимо Амена.

Попугай оглянулся и прокричал «дурак». Довольный шут засмеялся и сказал на ухо Амену:

— Только не ты, а старый евнух эмира!

Понизив голос, шепнул:

¹ Дурра — толстая, длинная плеть.

— Эмир очень дешево продает свои грехи, ищет покупателя!

— Разве приближается день страшного суда? — прищурил глаз Маджид.

— Говорят, он видел во сне Фрунзе!

Шут зашагал дальше, выкрикивая:

— Полугай предсказывает судьбу!

— По-моему он скоро угодит в рекхану! — сказал Амен.

Они обошли весь базар и присели у хауза с зеленоватой застоявшейся водой.

— Амен, у тебя трезвый ум, острый язык, ястребьи глаза, — сказал лекарь. — Ты не должен служить добровольно в стране бесправия. Уходи!

— Куда?

— Туда! — коричневый палец Маджида указал в сторону границы. — В Советский Туркестан.

— А ты?

— Я тоже иду туда! — открылся Маджид.

Амен усмехнулся.

— Тогда ты заблудился, дорогой. В той стороне находится Бухара.

— У русских есть хорошая пословица! Язык до Киева доведет! — уклончиво ответил Маджид.

— Ну, если так, то я могу сказать: за джигитом долг не пропадет. За Жунуса я тебя отблагодарю.

И Амен крепко пожал руку лекарю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Путь из Ташкента в Бухару был длинным и рискованным. Смерть грозила Маджиду на каждом шагу. Повесить подозрительного человека в эмирате было легче всего. Всякий незнакомец в кишлаке считался если не большевиком, то джаидом. Достаточно было простого подозрения, чтобы накинуть ему петлю на шею.

По дороге в Каган Маджид встретил двух декхан. Они ехали на низкорослом ушастом ишаке, зайряженном в небольшую двухколесную арбу. Верхом на ишаке сидел рослый узбек с окладистой бородой. Ноги его волочились по земле, поднимая столб пыли. Сзади на арбе прилежал тощий его спутник.

— Куда вы держите путь, правоверные? — спросил Маджид, поровнявшись с арбой.

— В Бухару!

— Помолиться?

— Да, хорошо было бы сейчас сходить в мечеть. А тут, говорят, надо воевать.

— О аллах, заступись за своих рабов! — Маджид, держа руки горстью провел ими по лицу. — Какая там еще война!

— С неверными. Недавно по нашему кишлаку прошли афганцы на слонах из Кабула. Они будут освобождать Ташкент от кафиров! — разъяснил бородатый узбек.

— Неужели поедете в Ташкент?

— Ташкент нам нужен, как колюкрадам лунная ночь!

— Пусть воюют афганцы!..

Рано утром Маджид достиг предместья Кагана. Он шел бодро: легкая котомка не резала плечи, суковатая палка облегчала шаг.

Город только что просыпался. Произительно и коротко свистели паровозы на станции. Знакомые гудки — Маджид за последние десять лет, как приехал из Коканда, работал в паровозном депо в Кагане. Здесь он и приобрел слух подпольной работы.

Не успел лекарь умыться с дороги, как к нему на квартиру прибежал Шо-мирзо — стройный сильный юноша с бронзовым лицом. Большие карие глаза его смотрели строго и внимательно. Маджид по-отечески обнял гостя.

— Спасибо, что пришел — сказал Шо-мирзо. — Привет тебе от Мамура. Ты слыхал, что случилось с ним?

— Нет.

— На него было покушение. Шпионы эмира хотели его убить, но не удалось. Мамур отделался легким ранением. Его спасла железная пуговица на френче. Удар ножа пришелся по ней.

Маджид закурил сам и предложил табак Шо-мирзо. Таджик вежливо отказался.

— Вот что... — лекарь прищурил глаза, припоминая. — Ты кажется, из кишлака Бахчи-Калям?

— Да. Из Бахчи-Калям, близ города Хатырги, на Бухарской стороне.

Маджиду показалось, что он попал на верный след.

— Расскажи, как ты ушел из кишлака?

Шо-мирзо ответил:

— Год тому назад я удрал из дома мираба и очутился в Бухаре. Чтобы не попасть в рекхану, стал нищим и жил около мечети Худжа. Там однажды я услышал, что беглецы из Бухары собираются в советском Кагане и хотят установить свою власть. Тогда я направился в Каган.

Выслушав рассказ Шо-мирзо, Маджид сказал:

— Я был у тебя в кишлаке и узнал неприятную новость. Палачи эмира замучили твоего отца.

Шо-мирзо побледнел.

— Я говорю правду!

У Шо-мирзо навернулись слезы, губы задрожали.

— Не время плакать. Не один твой отец погиб от руки эмира. Хочешь, я тебе расскажу, кто такой эмир?

— Хочу! — ответил Шо-мирзо.

— Сеид-Алим-хан — страшный деспот. Он закончил пажеский корпус в Петербурге и далеко превзошел русского царя в жестокости и в коварстве. Начиная от первого визира и кончая амальдером — чиновником, все дрожат перед ним. Он может без шума убрать любого своего придворного. В рекхане совершаются убийства без крови и без шума, и оттуда никому нет возврата. У купца Сулеймана сын Хусаин-бек учился в Петербурге в одно время с Сеид-Алим-ханом, только не в пажском корпусе, а в университете. После вступления на престол Сеид-Алима, он стал его советчиком, Хусаин-бек был его умнее и вскоре приобрел известность во всей Бухаре. Его богатство росло, как и слава. Подхалимы эмира донесли: «В устах народа только Хусаин-бек, а о вас, тахсир, забыли». — Этого было достаточно. Хусаин-бек исчез и никто не знает, где он, что с ним.

Маджид помолчал немного и продолжал:

— А вот как эмир поступил со своим первым визиром Насруллою. Тот всегда выступал защитником трона и патравливал эмира на младобухарцев. Эмир приказал бросить их в рекхану. Насрулла посадил всех, кто не успел бежать в Ташкент. Когда визир смел с лица земли всех младобухарцев, эмир тогда расправился и с ним.

Маджид рассказывал и курил. Шо-мирзо молча слушал.

— Эмир — самый богатый человек в Средней Азии. У него дворец в Бухаре, второй в Ширбудуне, третий в Крыму, двести шестьдесят жен и миллионы золотом в русских, парижских и лондонских банках. Вот кто такой эмир Сеид-Алим-хан! Теперь ты знаешь.

...Через несколько дней Маджид отправил Шо-мирзо в старую Бухару для работы среди солдат эмира. Прощаясь он сказал:

— Увидишь Жунуса из Джетысу, передай привет от Маджида-лекаря. В добрый путь!

Шо-мирзо, переодетый нищим, в этот же вечер направился в старую Бухару. Там он нашел приют у сторожа мечети. Куда деваться нищему — ведь он тоже раб божий!

Однажды сторож услышал, как имам мавзолея Ходжа-Ахмеда-Яссави сказал имаму мечети:

— Туркестан — проклятая богом земля! Слезы и кровь мусульман льются здесь рекой. Недавно опять устроили резню неверные. Хальфе прислал письмо: «Русские сожгли все аулы дотла. Погибло очень много казахов. По слухам, резня перекинулась в город. Мусульмане спасаются бегством».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Каменный поток, прошедший по долине Айна-Куль разрушил у беженцев надежду на близкую лучшую жизнь. Беда шла за бедой: погиб почти весь скот, пригнанный из Китая.

Узнав об этом несчастье, Сагатов выехал с Глафирой Алексеевной в Талгар. Здесь, в довершение ко всем бедам, от загрязненной воды вспыхнул брюшной тиф.

Обкомовская пара гнедых рысцей бежала по ухабистой дороге. По обочинам ее высились стройные тяншанские ели и карагачи. Из травы то и дело поднимались дикие голуби. Где-то близко выщелкивал волшебные трели соловей, а на берегу горной речки застыла, наострив уши, дикая коза. Почувяв опасность, она скрылась в ущелье.

Но любоваться природой Сагатову мешали думы о тяжелой судьбе беженцев и всех людей, пострадавших от наводнения.

За поворотом дороги, на крутом склоне, словно птичье гнездо, прилепилась мазанка. Рядом другая, третья. Горный аул.

Обычно подъезжая к этому аулу, Саха видел мирную картину. На окраине паслось стадо. На пригорке стоял пастух, опершись на посох. Навстречу с лаем выбегали собаки. Возле дома, в тени, беседовали старики, а дети играли в асыки¹. Сегодня селение выглядело мертвым. Каменный поток разрушил дома, затопил скот в долине, смел огороды.

Оставшиеся в живых уйгуры, узбеки, казахи ушли в уцелевший аул Алма-Сай. Там они нашли укрытие под скалами, в шалашах, в тени деревьев.

Старик, встретивший Саху и Глафиру за аулом, предупредил, что «начальство волости» еще вчера уехало в Талгар.

Каменный поток прошел очень близко к станице, но сама станица уцелела. Талгарские кулаки подсмеивались над казаками: православный бог оказался лучше мусульманского аллаха.

Сагатов велел кучеру остановиться возле станичного совета. В накуренной канцелярии толпился народ. Сагатова узнали. Председатель уступил ему свое место за столом. Глафире освободили табуретку. Деловой разговор начался сразу же.

Положение было более серьезным, чем предполагал Сагатов. Люди остались без крова и жили под открытым небом. В аулах много раненых. Появилась заразная болезнь. Нет хлеба.

Глафира спросила у председателя волнсполкома:

— Какой врач сейчас здесь работает?

— Никакого нет. Был один, да уехал. Говорит, привозите раненых в город. А казахи не хотят, пусть, мол, умирают дома.

— Тифозные есть?

— А мы что, доктора? Разве понимаем?

— Я поеду в аул, — сказала Глафира Сагатову. — Выясню, что нужно, и вечером вернусь!

Глафире дали проводника и она уехала. Оставшись один, Сагатов провел совещание с членами станичного совета. Решили немедленно приступить к строительству

¹ Асык — бабки.

саманных домов для пострадавших и обложить богачей чрезвычайным налогом — юртами и скотом...

Поздно ночью вернулась из Алма-Сая усталая Глафира. Она нашла Саху в станичном совете. Сагатов сидел за столом. Перед ним тускло мигала коптилка.

— Я думала, ты спишь?

— Жду тебя!

— А если бы я не приехала, тогда что?

— До утра сидел бы! — с улыбкой ответил Саха и спросил: — Как дела в ауле?

— Положение серьезное. Есть искалеченные.

Она рассказала, какую картину ей пришлось увидеть.

...Выпив по стакану молока, они легли на полу в доме председателя и крепко заснули.

* * *

На другое утро Сагатов поехал с Глафирой в Алма-Сай. Надо было уговорить казахов разоренных аулов возвратиться на свои места. Божья кара — выдумка мулл. Следует объяснить народу, почему вода хлынула с гор.

На вершине Ала-Тау лежит толстый слой льда. Летом он тает и питает русло Алма-Атинки. Но если в горах пойдет теплый дождь, лед начнет так быстро таять, что вода хлынет потоком. Это и случилось несколько дней назад. Произошло стихийное бедствие, вроде землетрясения.

Слова Сагатова были понятны старикам. Но все же... Что скажет мулла? Он объяснял иначе.

Сахе с трудом удалось убедить казахов вернуться на старое пепелище. Он сам поехал с ними и прожил в ауле несколько дней. Глафира в это время работала в Талгаре.

* * *

Саха сидел в волостном комитете партии и ждал секретаря. Вошел казах в изношенном халате, подпоясанный голубым кушаком. Он нерешительно огляделся по сторонам и робко протянул Сагатову сложенную вчетверо бумажку.

— Что это?

— Постановление. Мы образовали ячейку, в ауле «Сары-Узек». Теперь мы все коммунисты.

— Как все?

— Так, все мужчины в ауле. Все до одного!

— А кто же за вас поручился?

— Мы ручались сами друг за друга!

Саха помолчал, с любопытством разглядывая казаха.

— Разве у вас в ауле все бедняки?

— Да!

— А почему вы решили вступить в партию?

— Нам сказали: «Коммунистам в первую очередь дают землю и скот».

— Только поэтому?

— Хотим помогать советской власти!

Намерение огульным порядком вступить в партию встревожило Саху. Он вспомнил — секретарь волостного комитета говорил ему о своем таланте вовлекать бедноту в ячейки.

Саха взял постановление и сказал:

— Волостной комитет разберется!

Казах приложил руку к сердцу, поклонился и ушел удовлетворенный.

На другой день в волком приехал другой казах, тоже с бумажкой.

— Откуда? — спросил секретарь комитета.

— Из Сары-Узека!

Саха насторожился.

— Что это?

— Постановление.

— О чем?

— Мы устроили в ауле коммунистическую ячейку.

— Вчера же привезли постановление? — удивился Саха. — Зачем второй раз?

— Та ячейка байская. Мы в нее не пошли. Мы бедняки!

А вечером прискакал третий гонец из Сары-Узека, привез еще новое постановление и объяснил:

— Те две ячейки создали бай. У них идет родовая борьба. А вот наша — самая бедняцкая... Бедней во всем Джетысу нет!

Сагатов созвал членов бюро волкома.

— Кто это загоняет людей насильно в партию? — спросил он.

Члены бюро молчали. Пока Саха говорил, секретарь тихо поднялся и попросил своего соседа — председателя волисполкома:

— Веди заседание вместо меня. Я сейчас.

Стали искать вичовника огульного приема казахов в партию. Один из членов бюро подал голос:

— Это маневр самих баев!

Другой робко пояснил:

— Секретарь укома говорил: чем больше коммунистов, тем лучше!

Тут Сагатов заметил отсутствие секретаря. Куда он делся? Окно было открыто. В глубине сада кто-то копошился — то присядет, то выпрямится.

Он тихо спросил у председателя волисполкома.

— Кто это?

— Секретарь.

— А что он делает там?

— Молится!..

— Что-о?!

Один из членов бюро охотно сообщил:

— В уборной у него стоит медный чайник для обмывания перед намазом.

— Как вы это терпите? — возмущился Саха.

— Разве коммунист не может верить в бога? — спросил председатель волисполкома. В голосе его прозвучало искреннее изумление с явным оттенком негодования.

Секретаря волкома Саха решил немедленно исключить из партии...

* * *

Глафира Алексеевна открыла больницу в Талгаре. Из Алма-Сая привозили раненых — тяжелых сразу же отправляли в город, легких оставляли лечить на месте. Круглые сутки Глафира не выходила из больницы.

Когда приехал Сагатов, он не узнал ее. Она похудела, под глазами появились синие круги.

— Ну почему ты так мучаешь себя? — не удержался Саха от упрека. Глаза совсем провалились.

— Пустяки. Я просто не высыпаюсь.

В эту минуту в палату внесли на самодельных носилках мальчика. Саха хотел уйти, но Глафира удержала.

— Подожди, пойдем вместе!..

Она многозначительно посмотрела на носилки, давая понять что ей еще придется поработать.

— Как тебя зовут, джигит?

— Айдар! — тихо ответил мальчуган. Лицо его иска-
зилось от боли.

— Очень красивое имя...

Сагатов следил, как Глафира тонкими пальцами про-
ворно развязала бинты и отбросила шину.

— Надо наложить гипс!

— Перелом?

— Да. Еще день и было бы поздно. Ноги срослись бы
криво... Ну, Айдар не унывай... Станем тебя лечить, по-
правишься, вырастишь, и девушки не будут дразнить те-
бя кривоногим.

От слов Глафиры веяло душевной теплотой. Она шу-
тила с большим, а неумолимые руки незаметно делали
свое дело — обкладывали ногу гипсом.

Не успела Глафира закончить перевязку, как к воро-
там больницы прискакал на взмыленном коне всадник.

— Сагатов у вас? — крикнул он сиделке, не слезая с
седла.

— Какой Сагатов? Здесь сейчас больница...

— Секретарь обкома. Сказали, сюда пошел...

Услышав в открытое окно этот разговор, Саха тороп-
ливо вышел на крыльцо.

— Кому здесь нужен секретарь обкома?

— Товарищ Сагатов? Я — сотрудник Чека. В Кастеке
заваруха... Второй день идет бой...

— Кто вас послал?

— Басов.

Через несколько минут Саха с Глафирой мчались в
Верный.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Рыбак рыбака видит издалека. Фальковский понял,
что Сотников как раз тот человек, на которого можно по-
ложиться в серьезном деле. К нему прислушивается ка-
зачья верхушка, припрятавшая на всякий случай винтов-
ки, шашки и даже пулеметы. Осторожный землемер не
слишком часто, но охотно заглядывал к хорунжему. Вот
и сегодня он завернул к Сотникову.

— Киргизы так говорят, — сказал Фальковский, пере-
ступив порог, — первый день гость — радость, второй —
беспокойство, а третий — бедствие. Может, я уже бед-
ствие.

— Нет, зачем же, вам всегда рады!

Хорунжий, как обычно, пригласил землемера к столу, на котором немедленно появилась принесенная с погребца запотевшая бутылка с самогоном. Фальковский пить отказался, не откладывая, приступил к делу.

— Каменный поток в районе Айна-Куля погубил много скота — сказал он. — Идет слух: будут отбирать коров у русских и передавать беженцам.

— Брежня!

— Не думаю. В облземотделе составляют списки зажиточных.

— Пусть только попробуют. Руки коротки...

Фальковский нащупал самое чувствительное место хорунжего. Сотников имел четырнадцать дойных коров.

— Забыли они Беловодье, — сказал он, и в глазах его вспыхнули огоньки ненависти. — Можно напомнить будет...

— Страшная политика! — заговорил Фальковский, вытирая платком вспотевший лоб. — Национализация, социализация, конфискация. Все сводится к одному, — чтобы человека нищим сделать. Сегодня скот отнимут, завтра с земли сгонят... Что же остается русскому человеку? Живым в гроб ложиться? Не понимаю!

— Конечно, киргизу такая политика на руку! — потемнев в лице, ответил Сотников. — Их власть сейчас...

Фальковский посидел недолго. После его ухода Сотников надел фуражку и отправился к Тыртышному.

Вскоре по всей станице из дома в дом передавалась последняя новость о конфискации коров для беженцев...

На другой день Сотников вместе со старшим сыном Митькой с утра ушел на охоту. День после дождя выдался наредкость удачный. Поохотившись вдоволь, отец и сын вечером отдохали на берегу озера Айна-Куль и ели вареных уток. В ауле закончилась дойка кобыл, и пастух гнал их на водопой. Охотники подошли к табуну. Митька крикнул вызывающе:

— Эй ты, калбит! Зачем пасешь коней на нашем поле? Зачем топчешь урожай?

— Какой урожай? Кони пасутся на лугу!

— На лугу! — передразнил хорунжий. — А ну-ка, Митька согни его в дугу!

Митька не заставил ждать, размахнулся и ловким ударом кулака сшиб пастуха с ног.

Пастух вскочил и бросился на обидчика.

— Он еще драться! — крикнул хорунжий и в свою очередь ударил пастуха по уху. Тот кинулся на Митьку.

— Ишь, калбит, какой горячий... Я тебя живо остужу, сукин сын...

Сотников схватил пастуха за голову, Митька за ноги, они раскачали его и бросили в воду. Раздался всплеск.

— А теперь живо за дело! — скомандовал хорунжий. Сотниковы быстро сбили лошадей в табун и прямо по засеянному полю погнали в станицу.

— Киргизы потравили весь урожай! — кричал хорунжий.

Люди выскакивали из домов, бежали вслед за табунном. На церковной площади собралась возмущенная толпа.

— Режьте коней!

— Проучить нехристей!

— Довольно терпели!

...Весть об угоне табуна быстро распространилась по аулу Айна-Куль. Ее принесли женщины и дети, собиравшие кизяк на лугу и наблюдавшие за избием пастуха.

— Русские угнали табун! — вопили женщины. — Спасайте лошадей!

Мужчины, отдохавшие после полудня, выскочили из юрт. В ауле началась суматоха. Хальфе, воздев руки на восток, горестно воскликнул рыдающим голосом:

— О великий аллах! Помогни своим рабам!

Крупные капли слез падали ему на бороду. Руки дрожали, губы шептали проклятия неверным.

— Сколько же они будут издеваться! Больше нет сил терпеть насилия кафиров. Они хотят погубить нас. Заклинаю именем аллаха и призываю всех вас отомстить кафирам! Беспощадно убивайте и истребляйте их!

Около Хальфе сгрудились аксакалы. Они шумели и звали на помощь бога. Женщины заголосили, запричитали.

— Отомстим! — раздался голоса.

Джигиты вооружились кольями и дубинами.

Нападение на Кастек было неожиданным. Оно произошло в тот момент, когда казаки безуспешно пытались загнать захваченный Сотниковым табун в сарай. Лошади,

напуганные криком и шумом, не хотели заходить в незнакомые помещения, метались и, наконец, прорвав кольцо людей, устремились в поле.

В это время из переулка вылетели вооруженные кольями джигиты.

— Бей кафиров!

Казак растерялся, многие кинулись по домам. Митька Сотников оторвал оглоблю от телеги и замахнулся на подскакавшего к нему джигита. Тот, освободив правую ногу из стремени, юркнул под живот лошади, а затем, налетев на Митьку сзади, ударил его по голове дубиной. Митька замертво растянулся на земле.

Охватив кольцом коней, джигиты погнали их в Айна-Куль.

В тот день, когда Сотниковы угнали лошадей, Бакена не было дома. За три дня до этого события он уехал в город навестить больного Тлеубая. Ночь застала его на обратном пути к дому.

Рано утром он остановился на берегу озера и отпустил коня пастись, решив, что дойдет пешком до юрты Гульжан.

Как хорошо в Джетысу, родной стране, где ночевал поэт Асан-Кайгы в поисках счастья своему народу-горемыке!

Предание говорит, что Асан-Кайгы облюбовал Джетысу для родного народа за красоту природы и богатство земли.

Ах, как тосковал Бакен в Синьцзяне по Ала-Тау! Пусть у Бакена нет земли, пусть он беден, но он сейчас счастлив, что живет и дышит сладким воздухом Джетысу.

Бакен насторожился. Из леса выехал всадник. Кто это так рано? Впереди Бозтай, а кто же второй?

— Счастливый путь, беженец! — насмешливо приветствовал Бозтай, играя камчой.

— Доброе утро, джигит в юбке! — ответил Бакен.

Улыбка сошла с лица Бозтая.

— Я не бежал в Китай, сверкая пятками, и от страха не пачкал себе штаны!

Второй джигит расхохотался. Бакен не остался в долгу.

— А я не торговал совестью и не грабил свой народ, как делали спекулянты.

Возтай хлестнул коня и поскакал в сторону Узун-Агача. Не успел он скрыться в лесу, как где-то за аулом, очень близко, вспыхнул пожар. Сильный ветер высоко взметнул пламя. Черный дым окутал аул. Взволнованный Бакен сбросил халат и помчался в Айна-Куль.

В Айна-Куле первая заметила пожар Фатима. Она проснулась неожиданно. Блеяли ягнята, мычали телята, лаяли собаки. Набросив на себя халат, Фатима выскочила. Пожар! О боже!

С перепугу она потеряла голос, не могла произнести ни одного звука. Старуха бросилась в юрту, сорвала одеяло с Гульжан и указала рукой на дверь. Дочь вскочила, увидев безумные глаза матери.

— Горим! — закричала девушка.

Поняв, что случилось. Гульжан подняла на ноги весь аул. В Айна-Куле началась паника. Вопли женщин, плач детей, крики мужчин — все слилось в дикий гомон. Только несколько отважных джигитов во главе с Бакеном бросились тушить пожар, преграждая путь к юртам.

Гульжан, схватив братишку, вместе с матерью побежала к озеру. Возле юрты Нашена, она вспомнила о больном акыне.

— Я сейчас, мама! — крикнула Гульжан. — Бегите к озеру.

— А ты куда?

— Спасти Нашеке!

И Гульжан вбежала в юрту акына.

Нашен лежал бледный, но спокойный с домброй на груди. Губы его беззвучно шевелились. Шептал он молитву или сочинял стихи? Было ясно, он готовился принять смерть.

Гульжан упала к его ногам. Неужели сгорит акын, гордость аула, друг отца?

— Встань, дочь моя! Не время для слез! — Нашен спокойно повернул голову.

— Где ваш брат? Почему оставил вас?

— Я его сам отпустил. Иди и ты, дочь моя!

— Нет. Я вас не оставляю!

Гульжан выбежала из юрты и оглянулась вокруг. Люди вели неравную борьбу с огнем. Она схватила за рукав Бакена.

Они вбежали в юрту. Нашен строго посмотрел на Бакена, но ничего не сказал, только пошевелил губами.

Посадив акына на кошму, они вдвоем поволокли его на озеро, в безопасное от огня место.

Пожар стал ослабевать. Кошмы юрт шипели, но уже не пылали пламенем, а обугливались. Увидев, что кошмы задерживают огонь, Токей предложил снять их с юрт и застлать землю.

На помощь погорельцам пришел неожиданный дождь. Как всегда бывает в Семиречье, внезапно появились тучи, и прошел спасительный ливень, потушивший пожар.

С озера понемногу возвращались женщины и дети со следами ожогов на лицах и на руках. Они подходили к своим юртам и находили жалкое пепелище. Все молчали, не знали, к чему приступить, с чего начать.

Мучительное молчание нарушил Хальфе.

— Это дело рук кафиров! — крикнул он злобно.

Толпа вздрогнула. Все подняли головы и посмотрели друг на друга. Вот кто виновник их несчастья!

Разгневанная толпа, обуреваемая жаждой мести, молча двинулась к станице. Впереди шли беженцы, с дубинами, кольями, пожами. За ними — женщины и подростки, кто с кочергой, кто с камнями в руках. Лица у всех были искажены от злобы, волосы взлохмачены. Толпу возглавлял Токей, шагавший с молотком в руках. Всегда молчаливый кузнец в испуге ругался.

Бледный, взволнованный Бакен кошкой прыгнул на дорогу и очутился впереди толпы. Широко раскинув руки, с искаженным от ужаса лицом, он кричал:

— Братья, опомнитесь! Куда вы идете?

Джигиты, шагавшие в передних рядах, презрительно посмотрели на него и молча продолжали идти.

Бакен цеплялся за халаты, пытаясь остановить джигитов.

— Не верьте словам муллы! — надрывался Бакен. — Не верьте!

Но все было напрасно. Толпа не слушала. Бакен бросился к дяде Токею и повис у него на руке, стараясь вырвать молоток. Но кузнец яростно отбросил племянника в сторону и зашагал еще быстрее.

Около аула Айна-Куль осталось несколько джигитов, друзей Бакена, и среди них верная Гульжан. С тяжелым предчувствием они безмолвно смотрели вслед уходящей грозной толпе.

Казак, еще издали увидев надвигающуюся на

станцию черной тучей толпу приготовились встретить ее ружейным огнем.

Бой начался без команды, залпом казаков. Джигиты, а за ними женщины и подростки, врезались в казачий строй и смяли его. Началась рукопашная схватка.

Хальфе во главе всадников неожиданно напал на Кастек со стороны речки, откуда станичники не ждали. Он бил шестом направо и налево. Пуля прожужжала мимо уха муллы. Он заскрежетал зубами. Кто-то пырнул ножом в живот его коня. Конь пронзительно заржал и встал на дыбы. Рядом дрались Токей и Митька. Текла кровь из выбитых митькиных зубов.

Тыртышный, хорунжий Сотников и землемер Фальковский стояли около ворот и наблюдали, как сражались «голодранцы».

* * *

Еще вчера, когда произошла первая стычка, Вера Павловна поехала в Узун-Агач, где встретила уполномоченного области Цун-вазо. Она рассказала ему о событиях в Кастеке. Цун-вазо встревожился. Собрав комиссию, он с утра поспешил в Кастек, чтобы на месте расследовать печальные события. Но Цун-вазо даже не подозревал, что он увидит в Кастеке. Когда комиссия подъехала к станице, бой был в самом разгаре. Разнять дерущихся не было никакой возможности. Люди дрались молча, с остервенением. Слышались звуки тупых ударов, лязг металла и стоны раненых. Где не хватало оружия, пускались в ход руки и зубы.

Цун-вазо дал несколько выстрелов в воздух. Вера Павловна и еще десяток казаков, не участвовавшие в драке, бросились разнимать сцепившихся. Выстрелы отрезвили людей. Драка пошла на убыль. Вскоре на улице остались лишь одиночные пары наиболее ярых драчунов. Наконец все утихло.

Цун-вазо велел немедленно отправить в город раненых и заодно вызвать наряд милиции. Казахов Цун-вазо уговорил возвратиться в аул, в Айна-Куль.

В это время Фальковский с Сугурбаевым ждали в Узун-Агаче последних известий от хорунжего Сотникова. Но он, полюбовавшись началом драки «голодранцев», поспешил в Нарын.

Через неделю после пожара в Айна-Куле и кастекского лобонца в Верный нагрянула комиссия из Ташкента во главе с Кожяковым.

Цун-вазо сказал Сагатову с легкой усмешкой:

— Говорят, Кожяков захватил с собой даже повара. Думает, что в Верном для него не сумеют приготовить плов по-узбекски.

— Чепуха! — ответил Саха с неудовольствием. Он знал, с каким наслаждением обыватель обливает помоями советского комиссара, делая из мухи слона.

— Русские говорят: «Без дыма огня не бывает!»

Этот «дым» Саха ощутил через полчаса. Кожяков прислал в обком записку. Он сообщил о своем нездоровье и просил Саху зайти к нему в гостиницу. Саха покусал в раздумье губы и велел подать лошадь.

Кожяков встретил его суховато, дав понять, что приехал он с большими полномочиями. В манер говорить и в скупых жестах Кожякова сквозила солидная уверенность. Саха, вспоминая первую ташкентскую встречу, просто не узнавал его. Как сильно мог измениться этот проворный, болтливый человек всего лишь за два месяца.

В раскрытые окна номера, выходящего в сад, струился прохладой вечерний горный ветер. Кожяков в шелковом бухарском халате сидел у окна и слушал рассказ Сагатова о кастекских событиях.

— Я не понимаю, какую политику вы проводите в области? — Кожяков брезгливо поморщился. — Казачество опять устроило резню, как в шестнадцатом году. Можно подумать, что Семиречьем руководит не коммунист казах Сагатов, а губернатор Фольбаум или Княшко.

Сагатов побледнел.

— Вы даете отчет своим словам?

— Какой здесь отчет! Разве это не правда? Под носом у вас жгут казахские аулы, избивают казахов, а вы сложили руки и смотрите, что будет дальше.

Сагатов выжидающе молчал.

— Давно надо было выселить казачество и устроить беженцев в станциях. А вы заняли позицию «золотой середины».

— На поголовное выселение казачества я не пойду!

Об этом мы с вами говорили еще в Ташкенте, и мою точку зрения вы знаете.

— Ваше поведение в ЦИКе расценивается, как откровенный подхалимаж перед русскими. Рахимов просил меня передать вам, что надо перестроиться.

— Я перестроился еще в шестнадцатом году! — ответил Саха, едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить.

— Безнадежный вы человек! — Кожиков махнул рукою.

* * *

На другой день, в воскресенье, Кожиков обедал у Сагатова. Гость рассказывал новости: Бухара лихорадочно готовится к войне. Эмир разогнал партию младобухарцев, и теперь многие из них, укрывшись в Ташкенте, ждут его падения и рвутся к власти.

Во время этой беседы вошла хозяйка и сказала Сахе.

— Там какой-то человек к вам... Из Айна-Куля...

— Пусть войдет.

На пороге появился казах с черной жидкой бородой и слегка вздернутым носом. Руки у него тряслись.

— Не узнал, Саха? Ну, что же, не удивительно. Я пришел с того света!

— Тлеубай! — Сагатов только по голосу и глазам узнал аульного безбожника.

— Как вы изменились! — тихо сказал он.

— Если бы ты побывал на том свете, так не стал бы удивляться!

Кожиков с любопытством поднял глаза на Тлеубая.

— На все воля всемогущего аллаха, утверждает Хальфе. Но я думаю несколько иначе. Я всегда рассуждал: живи в ногу с жизнью. Кто не умеет жить, тому нечего делать на земле. И вот я, «грешник», как именует меня Хальфе, пошел в Кастек к землемеру и потребовал отмежевать мне землю. Он отказался, а казаки чуть меня не избили. Возвратился я в аул, поел и заснул... Открываю глаза. Темно, задыхаюсь, давит какая-то тяжесть. Что со мною? Шупаю кругом. Не похоже на постель. Земля. Сырость. Оказывается лежу в могиле. Тут я понял, что умер и нахожусь на том свете. Неужели прав Хальфе?

Сагатов с Кожиковым невольно рассмеялись.

— Неужели прилетит Джабраил? Тогда мне несдоб-

ровать. Обязательно попаду в ад. Страшно! Хочу подняться. Руки обмотаны. Рву зубами кебин¹, приподнялся на локти, головою ударился о крышку могилы. Посыпалась земля. Напрягаю последние силы... Вижу голубое небо и солнце... Значит, прав я, а не Хальфе. Правда, он снова хотел меня сунуть обратно в могилу, но дело это у него не вышло! — торжествующе закончил рассказчик.

— Тлеке, вы оставайтесь у меня ночевать! — предложил Сагатов. — А что вам дальше делать, поговорим завтра!

Но Тлеубай отказался. Тронутый вниманием, он прослезился и ушел.

— У него был летаргический сон, а его закопали в могилу, как мертвеца! — пояснил Саха гостю. — Он, действительно, чудом вернулся с того света.

— Кто такой Хальфе?

— Мулла! Фанатик. Предлагал выполнить закон шариата и умертвить «воскресшего» Тлеубая. Вообще, этот случай доставил нам хлопот. Контрреволюционеры использовали его в аулах для разжигания национальной вражды против русских.

Кожакон лениво зевнул и резко переменял тему разговора.

— Где ваш отец, Саха?

— А почему вы интересуетесь моим отцом? — с раздражением спросил Сагатов.

— Кое-что слышал о нем. Вы знаете, где он сейчас находится?

— Пропал без вести!

— В таком случае, я сообщу вам сюрприз. Ваш отец с басмачами!

Кожакон наблюдал за выражением лица Сагатова. Сагатов не поверил. Вспылчивый Жунус мог сделать необдуманный шаг, совершить ошибку, но он не мог перейти в лагерь врагов.

— Во-первых, позвольте вам не поверить. А во-вторых, я придерживаюсь завета Абая: «быть сыном не отца, а народа».

— Что вы не сын отца, это, пожалуй, так. Но сделаетесь ли вы сыном народа, это мы увидим, когда казахи в Джетысу получат землю...

¹ Кебин — саван.

Сагатов проводил гостя и пошел к Глафире. Настроение его испортилось. В самом деле, каждый, с кем он сталкивается, считает себя в праве хлестнуть его по больному месту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Одно за другим два страшных бедствия обрушились на жителей аула Айна-Куль. Пожар уничтожил жилища, а наводнение — скот. Беженцы пали духом. Кастек их встретил, как жалмауз¹ в сказке, готовый проглотить живыми...

Бакен, как всегда, первый поднял голос: надо же людям где-то жить, не будут они валяться под открытым небом с малышами. Нужно совместно строить саманные дома каждому пострадавшему по очереди.

Вот почему Гульжан с братом Асхаром поехала в Кара-ой, к дяде — брату Фатиме. Он был плотником, и Токей попросил заказать ему форму для отливки кирпичика.

Дядя очень обрадовался приезду Гульжан и сказал: — А я и сам собирался к вам. Есть вести от Жунуса, дочка.

— Откуда? — встрепенулась девушка.

— Вчера у меня ночевал сын бая Мукаша, Ораз. Он ехал из Туркестана, возил жену ночевать на могиле святого Ходжа-Ахмеда-Яссави. Они хотят иметь ребенка. Он встретился там с джигитом, ездившим в Бухару с главным имамом мечети. И этот джигит сказал ему: «раненый Жунус лежит в кишлаке. Его подстрелили басмачи». Как ты думаешь, похоже это на правду?

Гульжан побледнела.

— Когда он выехал из Бухары?

— Месяц тому назад...

Услышав такую новость Гульжан даже не осталась ночевать у дяди, решила немедленно вернуться в Айна-Куль. Она ехала с большой тревогой в сердце. Слезы блестели на ее щеках. Конечно, Гульжан утаит услышанную новость от матери. Сказать Фатиме — это значит убить ее... Раз-

¹ Ж а л м а у з — людоед.

думывая об отце, одного не могла понять девушка: «Какой же он басмач; если они его ранили?»

Неподалеку от аула Айна-Куль расстроенную Гульжан догнала рессорная коляска, запряженная парой вороных.

— Саха! — радостно завопил Асхар, узнав брата. Мингом спрыгнув с седла, он побежал к коляске.

— Ого, какой ты стал большой! — Сагатов обнял Асхара. С Гульжан он поздоровался по восточному обычаю — поцеловал в лоб и представил Кожякову:

— Моя сестра.

Кожяков с любопытством оглядел красивую девушку и оценил: «хороша».

— Уступи мне седло, садись в коляску! — предложил Саха сестре.

Гульжан нерешительно согласилась. Сагатов с Асхаром поскакали вперед. ?!

— Если у джигита счастливая дорога, то навстречу попадает сама невеста! — шепнул Кожяков казахскую поговорку, когда Гульжан уселась рядом с ним.

Девушка зарделась и отвернулась. Она уже пожалела, что уступила брату своего коня.

* * *

Фатима, обрадованная приездом сына, захлопотала и забегала. Надо угостить неожиданных гостей.

Саха и Кожяков, выпив кумыса, пошли по аулу.

Айна-Куль жужжал и гудел, как пчелинный рой в разрушенном улье. Люди, лишившиеся крова, ютились под телегами. Вместо посуды они употребляли коровьи рога и черепа верблюдов. Дети бегали голые.

Кожяков останавливался возле каждой семьи, спрашивал и записывал убытки от пожара.

— А как вы оцениваете вашу потерю? — спросил он молодую женщину с ребенком на руках.

Женщина, удивленная таким вопросом, ответила:

— Моя потеря не имеет цены.

— А все-таки?

— Посмотрите! — молодуха откинула одеяло и показала обезображенное ожогами детское личико.

— Почему не отправили ребенка в больницу? — Кожяков сердито посмотрел на Сагатова.

— Помощь ей оказал врач, а ехать в больницу она отказалась, — ответила за брата подошедшая Гульжан.

— Если бы не она, — женщина указала на Гульжан, — я совсем потеряла бы свою девочку.

Недовольный Кожаклов отошел и раздраженно сказал Сагатову.

— Вот и показали себя, какой вы сын народа!

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что вы обрекли на гибель этих несчастных.

Гульжан побледнела и со страхом взглянула на брата. Сагатов холодно ответил:

— Об этом, товарищ Кожаклов, поговорим в обкоме.

— Не в обкоме, а в центральном комитете!

Для членов комиссии ТуркЦИКа картина была ясна: люди не устроены, последствия провокации не устранены. В чем дело? Сагатов потребовал объяснения от Цунвазо. Ему бюро обкома поручило устройство беженцев в Кастеке. Почему он ничего не сделал?

Цунвазо снял шляпу из тонкого войлока, вытер пот с лица и сказал:

— Не могу вам растолковать, в чем дело, товарищи! Какой-то заколдованный круг получается! Наш первый проект — расселить пострадавших временно по аулам, а затем построить новый поселок, потерпел провал. Сначала на общем собрании жителей аула договорились, что люди пока будут жить в других местах. Но потом все, как один, отказались. Словно кто уговорил их. Тогда мы стали осуществлять второй проект. Разослали уполномоченных по аулам для сбора и закупки юрт, шалашей и скота в помощь пострадавшим. Но наткнулись на упорное сопротивление баев. Наконец, уполномоченный ТуркЦИКа товарищ Сугурбаев предложил третий проект. Его и проводим сейчас в жизнь.

— Это какой? Жить под открытым небом?

— Пока жить, кто где может, в шалашах, под телегами. А тем временем строить саманные дома.

— Почему этот вопрос не согласовали с обкомом? — спросил Сагатов.

— Я написал вам. Но ответа до сих пор не получил.

— Когда писали?

— С неделю назад.

Сагатов задумался: куда девалось письмо? Неужели Цунвазо врет? Что-то тут неладно!

— Где Сугурбаев?

— Живет в Кастеке.

Сагатов нахмурился.

— Поезжайте в соседние аулы и проводите сбор скота в помощь пострадавшим. С комиссией побуду я.

— Хорошо! — согласился Цун-вазо.

И вот Сагатов приехал в аул. Гульжан молча следила за братом. Она не понимала, как может он отвечать за пожар?..

Улучив удобную минуту, девушка поделилась новостью с Сахой.

— Есть весть об отце!

Гульжан была уверена, что брат выслушает ее с интересом, но ошиблась.

— Какая? — спросил он равнодушно.

— Месяц назад отца видели в кишлаке на Бухарской стороне, его ранили басмачи.

— Басмачи? — переспросил Саха.

— А говорили, что он сам басмач! — с недоумением произнесла Гульжан.

«Сам басмач... Так, наверно, говорят и в ауле...» — подумал Саха и спросил:

— Что же ты хочешь?

— Может, пошлем за ним? — Гульжан смахнула с глаз слезы.

— Ты матери сказала?

— Нет.

— Не надо. А насчет того, чтобы послать человека, подумаем. Но только стоит ли?

Гульжан смотрела ему в глаза и думала:

«Стоит ли? И это говорит родной сын?..»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сугурбаев прикатил в Айна-Куль на двуколке Сотникова. Вид у него был растерянный.

— Ну, как идут дела? — спросил Кожиков, усадив гостя на ковер рядом с собой.

— Плохо!

— Почему?

— Нельзя работать. Бьют по рукам.

— Кто?

— Ваш Сагатов да еще Басов, председатель Чека.

— За что же?

Сугурбаев заговорил торопливо, словно боясь, что его прервут и не станут слушать.

— Вы видели, как живут несчастные беженцы? Давно надо было выселить станичников из Кастека и отдать их дома казахам. А ваш Сагатов виляет, боится обидеть русских.

Кожакон хмуро молчал.

— А Басов! Это же секира! Не разбирается и рубит всех подряд. Сейчас в Кастеке производит дознание: кто поджег аул. Хочет запутать землемера и меня. Прошу вас вмешаться...

— Хорошо. Но скажите, кто, по вашему мнению, устроил поджог?

— Русские, казаки. Правда, возникло еще подозрение: не замешан ли кто-нибудь из беженцев.

— Из беженцев? С какой целью? — Кожакон в недоумении пожал плечами.

— Видимо, мстят русским.

— Чепуха! Мстят русским, а поджигают свой аул?

— Ветер, говорят, не в ту сторону дул...

Не успел Сугурбаев уехать, как к Кожакону пришли с жалобами аксакалы. В один голос они требовали выселения казаков из Семиречья! Явился и Бозтай с заявлением на Бакена. В то утро, когда загорелся аул, Бозтай видел Бакена на берегу озера. Как раз через несколько минут и начался пожар. Значит, дело его рук. Он разжигал костер...

— А с какой стати он стал бы предавать огню свой родной аул?

— Он целился на Кастек. А ветер в тот день дул со стороны станицы.

— Кто он такой этот поджигатель?

— Друг Жунуса, отца Сагатова.

Бозтай зашептал с таинственным видом:

— Есть один человек, он знает о нем много. Поговорите с ним.

— Хорошо. Пусть придет...

Бозтай побежал за Хальфе и сам привел его к Кожакону.

— Сын мой, я много слышал о тебе! — начал мулла. — Пусть твоим мыслям сопутствует всевышний. Аминь!

— Пусть исполнится ваше желание! — по старому

обычаю ответил Кожакон на благословление муллы. — Мне сказали, вы хорошо знаете отца Сагатова?

— Амнн. Знаю с детства. Он учился у покойного Кадыр-муллы. Я часто угощал его розгами за ослушание. Он бросил школу и стал высказывать еретические мысли. На него нельзя положиться, как на мусульманина.

— Говорят, Жунус не любит русских?

— Бог свидетель моим словам! Человек сомнительный. Его отдали на попечение имаму Агзаму. Он должен вернуть Жунуса на путь истины.

— А сын его?

— Саха? Безбожник. Продался русским, хочет жениться на русской и принять их веру. — Глаза Хальфе гневно сверкнули. — Кафиры отобрали нашу землю и выживают нас. А Саха на их стороне. В мечети мы его предали проклятью. Он теперь не мусульманин. Но мы позаботимся сохранить его душу для ислама...

Кожакон опешил. При нем, представителе власти, мулла, не стесняясь, выражает готовность уничтожить коммуниста.

— Мулла, — сказал Кожакон поднимаясь, — если я еще раз услышу такие слова, я вас велю арестовать!

— Мои мысли внушены мне свыше, сын мой, и ничем меня не напугать. Я давно готов ко всему: к тюрьме и к смерти. В тюрьме я повоюю с врагами, а в смерти мое тело обретет покой. Амнн!

И Хальфе ушел мелкими шажками.

* * *

Вечером к Сагатову зашли Вера Павловна, Бакен и Гульжан. Саха взглянул на бледное, расстроенное лицо сестры.

— Нездоровится? — спросил он.

— Нет, — замялась Гульжан.

Вера Павловна сказала:

— Мы пришли по важному делу, товарищ Сагатон. Над Бакеном нависла опасность.

«А при чем Гульжан?» — подумал Саха и сразу догадался! «Она же любит его».

— Обвиняют в поджоге аула.

— Кто?

— Бозтай. Он написал заявление, указал свидетеля.

— Это какой Бозтай? Торгаш, спекулянт?

— Да, да, бахалши! — подтвердила Гульжан.

— Вообще негодяй! — добавила Вера Павловна. — Дружит с Сотниковым и с разной контрой...

Сагатов предложил Бакену закурить.

— Ты, я вижу, повесил нос, джигит?

— Поневоле повесишь, когда в Чека понадешь! — буркнул в ответ Бакен. — Я беспартийный...

— Чека страшна для контрреволюционеров! — нахмурился Саха. — А ты честный человек, и бояться тебе нечего.

— Он не боится, но это же безобразие! — сказала с возмущением Вера Павловна. — Я понимаю, Басов арестовал Сотникова, он отъявленный контрреволюционер. Конечно, он мог и аул поджечь. Но при чем тут Бакен? Почему порочат его имя.

— Вера Павловна, не волнуйтесь! — Саха взял учительницу за руку. — Вы знаете русскую поговорку: «На чужой роток не накинешь платок». Мы Бакена знаем. Но раз Бозтай подал заявление, Басов обязан его проверить. Если оно ложное — Бозтаю не поздоровится. А ты Бакен не падай духом. Чека разберется во всем.

* * *

На другой день Сагатов беседовал со стариками аула Айна-Куль на поляне близ озера. Старики слушали и мрачно молчали.

— Вы знаете меня! — говорил Саха. — Я вырос у вас на глазах. Скажите откровенно, почему вы не хотите временно перейти на другое место? А в Айна-Куле постепенно можно будет построить дома. Советская власть поможет вам...

Первый выступил Хальфе. Огромная, туго закрученная на голове белая чалма выделяла его из толпы. Глаза настороженно скользили по лицу Сагатова. Клинообразная борода муллы тряслась. Он начал с восхваления пророка, а потом заговорил страстным голосом.

— Мы не можем жить в соседстве со злыми людьми! Мы хотим, чтобы возвратили нам нашу исконную землю. Мы хотим, чтобы в Туркестане жили только одни казахи! Мусульмане не будут терпеть издевательств иноверцев! Великий пророк предупредил своих потомков, возвратив с того света безбожника Тлеубая. Но вы не вяли его голосу, не поверили. Тогда аллах в наказание

послал каменный поток — божья кара! Берегитесь, мусульмане! Если еще в вашей душе тлеет хоть искра веры, то отомстите кафирам за пожар! Аминь!

Хальфе воздел руку к небу. Аксакалы зашептали молитвы.

Тогда Сагатов сказал председателю уездного исполкома:

— Товарищ Мусин! Возьмите с собой муллу и поговорите с ним в юрте, пока мы кончим нашу беседу.

Воцарилась гробовая тишина. Все насторожились. Мусин подошел к мулле.

Хальфе завопил:

— О аллах! Накажи заблудившегося Саху, сына Жунуса! Чтобы его душа попала в ад!

Мусин тянул муллу за рукав. Хальфе упирался и продолжал проклинать Саху. С трудом удалось увести его в юрту. На середину круга вышел беженец, снял шапку из старого каракуля и вытер пот с лица.

— Я не хочу заниматься пустой болтовней! — сказал он. — Сын Сугурбая из Узун-Агача требует, чтобы мы силой отобрали у русских Кастек. У Сахи, говорит, сердце зайца, а мысли, как кочующие тучи, — куда подует ветер, туда и устремляются. Правда это?

Саха слегка побледнел. Стараясь не выдать своего волнения, он ответил, усмехнувшись:

— Состарившийся пес лает на хозяина! Сугурбаева вы знаете не хуже меня. Он хочет толкнуть вас на беззаконие.

— Ну, хорошо, Сахажан, пусть будет по-твоему. Но скажи, почему казаки сожгли наш аул и лишили нас последнего крова? Фольбаум отобрал левый берег речки Кастека, каменный поток — забрал скот, а пожар — наш кров. Ты же нам обещал хорошую жизнь, когда встречал нас на этом месте. Где она?

Сагатову пришлось выдержать сильную атаку. Все высказывали свои обиды.

Саха слушал и думал: они правы. Когда кончился поток горьких упреков, Сагатов сказал:

— Ваши обиды справедливы. Но вы должны понять: земельный вопрос очень сложный. Его нельзя решать так, как советует Хальфе. Надо учесть интересы и казахов и русских, чтобы было справедливо для обеих сторон. Для чего враги подожгли аул? Хотят столкнуть вас со

станичниками, как в шестнадцатом году. Подождите еще немного и вы получите свою землю. Поджигателей мы тоже найдем.

Не успел Сагатов закончить свою речь, как появился Нашен. Его привели под руки два джигита.

— Ты меня забыл, сын мой! — сказал с укором акын.

Сагатову стало стыдно и досадно. В самом деле, он оставил без внимания большого старика. Разве все удержишь в голове? Почему никто не напомнил ему?

— Я вас не забыл и не забуду. Но мне сказали, что вам лучше и вы ходите.

— Да, сейчас немного... лучше. На днях чуть не сгорел. Если бы не Гульжан...

— Как приеду в Верный, обязательно пришло за вами подводу. Будем в городе вас лечить!

— Мне лечиться поздно! Лучше поговорим о Бакене! — сказал акын. — Почему черные вороны каркают на него? Разве джигит не проливал кровь за счастье нашего народа? Посмотрите на него!

Нашен оглянулся вокруг, но Бакена в толпе не было!

...Закончив беседу, Сагатов направился к матери. По дороге его встретила взволнованная Гульжан. Лицо ее пылало, на глазах блестели слезы.

Саха встревожился:

— Что случилось!

— Бакена арестовали!

Сагатов этого никак не ожидал.

— Кто?

— Вера Павловна сказала, что Чека...

— Я сейчас еду в Кастек. Разберемся.

Ответ брата не удовлетворил Гульжан. Саха спокоен, словно ничего не случилось. Неужели он ни о чем не догадывается...

Гульжан зашла в шалаш к бабушке Кудан, бросилась на кошму и разрыдалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сагатов приехал в Кастек вечером.

В просторной пустой школе чекисты допрашивали кулаков. Саха разыскал Басова. Председатель Чека только что закончил допрос Бакена.

Поздоровавшись с Сагатовым, Басов сказал:

— Вера Павловна очень нам помогла. Почти у половины станичников нанли оружие, у одного оказался даже пулемет. Запасливый, гад!

— Это кто же?

— Хорунжий Сотников. Самый главный заправила!

Басов стал знакомить Сагатова с ходом дознания.

— Дело Бакена запутанное. Бозтай подлисал протокол допроса, уличающий его в поджоге. Второй свидетель, охотник, подтвердил показания Бозтая. Пришлось взять Бакена под арест.

Сагатов вопросительно поднял брови.

— Тут лисий ход. Хотят направить нас на ложный путь. Но... в интересах дела Бакену придется посидеть!

Зная привычку чекистов не говорить лишнего раньше времени, Саха не стал задавать никаких вопросов.

— Пойдем пить чай к Вере Павловне, — предложил Басов, — устал зверски...

— А не поздно?

— Ничего, она приглашала.

Вышли во двор. Холодный ветер со свистом кружился по темным, пустынным улицам станицы.

— Ну и темень! — сказал Басов, беря Сагатова под руку.

Не успели они пройти и десяти шагов, как над самым ухом прогремел выстрел, другой. Саха показалось, что его кто-то толкнул в грудь. В глазах потемнело, закружилась голова. Он слабо вскрикнул и упал.

Басов выхватил револьвер и дал ответный выстрел.

Сагатов тяжело стонал. Басов торопливо ощупывал его лицо и руки. Как будто целы — кровь не липнет. Расстегнул рубашку. На левом боку влажно. Кажется, ранен в грудь.

Со стороны школы послышался толот ног. Басов различил в темноте силуэт человека.

— Кто?

— Я, товарищ начальник! — ответил голос следователя.

Через минуту-другую прибежал и председатель станичного совета. Стал собираться народ.

— Возьмите на руки товарища Сагатова и живо в дом! — скомандовал Басов.

— Куда?

— Куда? В любой... И позовите фельдшера! А остальные за мною!

Басов приказал обыскать все ближайšie дома, но поиски ни к чему не привели — преступник скрылся.

Сагатов пришел в сознание. Рана была слепая, в грудь. Раненого решили немедленно везти в город в больницу.

Через несколько минут пара гнедых мчалась в Верный, увозя Сагатова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Через два дня после покушения на Сагатова Басов вернулся из Кастека в Верный. Здесь его ждал секретный пакет Туркчека, присланный из Ташкента. Басов читал, не отрываясь, жадно глотая строку за строкой.

«...Кастекские события» нельзя рассматривать изолированно, они входят в цепь продолжающихся провокаций иностранной разведки, действующей в Семиречье, при помощи правых эсеров, атамана Анненкова и его подручных.

Предупреждаем вас, чтобы вы обратили особое внимание на события в Кастеке, ибо это не конфликт местного значения. Следует искать нити, ведущие к заграничным агентам. По нашим данным, из Кашгарии через границу переброшено несколько шпионов с целью вызвать восстание в Семиречье, дабы оттянуть войска товарища Фрунзе из-под Бухары. В цитадели Бухары ждут сигнала из Верного, чтобы начать наступление на Ташкент».

Басов несколько раз перечитал письмо, вдумываясь в каждое слово. Вот где открывается завеса!

Председатель чека не мог усидеть за столом. Он ходил по кабинету из угла в угол в большом раздумье, взвешивая события последних двух дней. Арестованный Сотников сбежал, когда его везли в Верный. Проморгали конвоиры, что-то подозрительно! Не нарочно ли? Теперь потеряна ниточка, тянувшаяся к Сугурбаеву. Покушение на Сагатова сбивало с толку. Трудно было понять, кому предназначался выстрел — Сахе или ему, Басову. Землемер Фальковский вызывает самые серьезные подозрения. Старый эсер, но выдает себя за беспартийного... Держится осторожно, за спиной других, улик на него нет никаких. Бозтай, конечно, простое орудие в руках вра-

гов. Бакена он ненавидит за Гульжан, но нет ли тут еще чего-нибудь, кроме ревности? Не Хальфе ли подучил Бозтая написать заявление? Как распутать этот узел?

В дверь раздался осторожный стук. Вошел секретарь и доложил, что представитель ТуркЦИКа Кожакков просит Басова срочно зайти к нему в обком.

— Хорошо!

И Басов отправился, не теряя времени, зная, что дело касается Кастека.

Кожакков, хмурый, расстроенный, стоял у окна в кабинете Сагатова и грыз ногти.

— Ну, как, обнаружили террориста? — спросил он, протягивая руку.

— Это какого?

— А того, кто стрелял в Саху.

— Пока нет.

— Это дело рук муллы Хальфе! — сказал Кожакков, глядя в упор на председателя Чека.

— Откуда вам известно?

— Фанатик. Убежденный враг.

— Врагов кругом много.

— Мне он сам сказал.

— Когда? — Басов не смог скрыть своего изумления.

— А когда я был в Айна-Куле. Хальфе говорил, что Сагатов продался русским и в мечети подвергли его проклятью.

— От проклятия до обреза есть все же расстояние...

— Мулла убежденный враг. И свои взгляды не скрывает. Спросите любого казаха в Айна-Куле.

На этом беседа их закончилась. Басов, возвращаясь в Чека, задумался. Почему Кожакков не сообщил о Хальфе раньше. Очевидно, мулла высказал ему свое намерение уничтожить Сагатова, а Кожакков не придавал его словам значения. А когда Хальфе осуществил свой замысел, Кожакков, как трус и карьерист, решил опередить события. Выгодно заявить самому о Хальфе, а не быть упомянутым муллою на допросе. Но почему Хальфе открыто высказал свое преступное намерение Кожаккову? Что его побудило совершить такой неосторожный шаг?

На другой день по приказу Басова в Верный привезли арестованного Хальфе. Председатель Чека решил сам допросить муллу.

Без обычного стука открылась дверь. Хальфе вошел в

сопровождении следователя и конвоира. Басов окинул муллу изучающим взглядом. Арестованный держался с достоинством, спокойно. Поступь мягкая, кошачья. Следователь остановил его посередине комнаты. Хальфе заморгал близорукими глазами, стараясь разглядеть лицо председателя Чека. Басов отослал конвоира.

Хальфе выдержал острый, прощупывающий взгляд Басова.

— Садитесь! Вот сюда!

Мулла опустил на стул.

Молча они смотрели друг на друга, словно бойцы перед поединком.

— Мы знаем, что вы были уважаемым человеком в Джетысу. К вашему голосу прислушивались все казахи!

Следователь-татарин перевел слова Басова. Хальфе в знак согласия кивнул головой.

— И мы знаем о вашей деятельности: вы ярый враг советской власти.

— Не советской, а русской, — поспешно поправил мулла.

— Почему?

— Разве вам не известно, какие злодеяния совершают русские.

«Крепкие клыки у этого муллы!» — подумал Басов и сказал:

— Ваша ненависть к русским понятна, Хальфе, но почему вы подослали человека убить казаха Сагатова.

Хальфе прошептал под нос молитву и ответил:

— Он продался неверным. Аминь!

— Понятно. А кого вы послали убить Сагатова?

Хальфе, повернувшись к следователю, торжественно ответил:

— Убивший изменника веры займет достойное место в раю. Его имя, любимца пророка, свято.

— Если вы не назовете сейчас имя этого «любимца», сами сядете на скамью подсудимых! — сурово произнес Басов.

— Я раб божий. Готов на любое страдание за веру.

— Охотно верю, мулла. Нам хорошо известно: все, что делалось в Кастеке в пользу ислама, дело ваших рук. Правда ведь? Не надо скрывать. Мы знаем, что вы заявили Кожакову, представителю советской власти из

Ташкента, а также... Сугурбаеву о своём намерении убить Сагатова.

— Слава аллаху! Как ревностный защитник веры, я сказал им: мечеть — послала проклятье, и он, Сагатов, как мусульманин, вне защиты. Аминь!

— Значит, вы покушались на Сагатова? — обрадовался Басов.

— Аминь! — подтвердил мулла.

— Вы подпишете протокол?

— О чем?

— Что покушение на секретаря обкома партии Сагатова совершено по вашему указанию.

Хальфе отрицательно замотал головой.

— Вы же сами, сейчас при следователе, сознались, что покушение совершено с вашего ведома?

— Я этого не сказал. Я только разъяснил вам: шарият оправдывает человека, убившего изменника веры. Он заслуживает уважения всех мусульман, и мы его защитим. А как ревнитель веры, я готов нести ответственность за последствия этого святого дела.

Хальфе вытащил из кармана четки, стал перебирать их, шевеля губами.

— Скажите, кого вы послали для убийства Сагатова? Этим вы искупите свою вину. Мы знаем, что вы достали ему ружье... Он сам сказал...

— У меня в руках коран, а не ружье!

— Вы взяли его у Сугурбаева?

Хальфе съезжился.

— Нет.

— Покушался Бозтай! Не так ли?

Хальфе встал:

— Стагипар, алла! Я могу сказать о себе, что это совершил я.

По лицу Басова пробежала тень недоумения.

— Я сейчас вам дам очную ставку. Он подтвердит, что вы его уговорили убить Сагатова. Как вы можете идти против своей совести, «святой человек?»

— Он этого не скажет?

— Почему?

— Я его не уговаривал.

Басов велел следователю привести Бакена.

¹ О помощи, алла!

— Знаете его?

Хальфе вздрогнул.

— Да!

— Значит, это он поджег аул Айна-Куль?

— Будь справедлив, аллах! Я этого не говорил!

— Зато он сказал, что вы подослали его убить Сагатова.

— Неправда! — вскричал Хальфе. — Я знал, что мусульманин Бакен на ложном пути. Его испортил еретик Тлеубай.

— Скажите, Бакен, что вы знаете про Хальфе? — спросил Басов.

Бакен посмотрел с презрением на муллу:

— Хальфе враг советского строя.

— Враг русских! — поправил Хальфе, после перевода следователя.

— «Сон Тлеубая» он толковал, как предупреждение аллаха, — сказал Бакен. — А «каменный поток», по его словам, — кара за невыполнение воли аллаха. Он призывал мусульман поднять восстание!

— Правда? — спросил Басов повернувшись к Хальфе.

— Да.

— Дальше.

— Хальфе с Сугурбаевым уговаривали беженцев резать русских!

— Правда?

— Да.

— Дальше.

— Хальфе уговаривал джигитов убить Сагатова.

— Не так! — Хальфе вскочил.

— Сядьте! — приказал Басов. Следователь усадил муллу.

— А как?

— Я только дал разрешение мечети. Сказал, что душа убитого изменника веры будет в раю.

— Это все равно. По закону вы считаетесь тоже убийцей, а Сугурбаев помогал, дал ружье...

— Пусть будет по-вашему!

— Значит вы, Хальфе, встречались с Сугурбаевым?

— Да.

— И говорили о Сагатове?

— Да.

— Решили убить?

— Этого я не сказал!

— А кто сказал, Сугурбаев?

— Да.

— А кого вы подослали?

— Этого я не скажу: его имя свято!

— Скажете!.. Я вам развяжу язык!

Глаза Басова метнули искры. Он поднялся из-за стола...

* * *

Слух об аресте Хальфе взволновал весь округ. Близкие друзья его — баи и муллы, — погнали гонцов во все стороны: в Туркестан, в мавзолей Ходжа-Ахмеда-Яссави и в Ташкент к знакомым. В гостиницу к повару Кожакова рано утром привезли из аула свежезарезанного барана со всеми потрохами и сабу кумыса. Посланец просил передать, что хозяин провизии зайдет вечером.

Кожакон не придавал значения этому подношению. У казахов таков обычай: дальний родственник, желая установить тесное общение, подносит почетному гостю угощение: баранину с кумысом. Кожакон не удивился, когда к нему явился Бозтай. Он помнил его по Кастеку. Кажется, Бозтай приходил с жалобой.

— Садись, мирза-еке!¹ — предложил Кожакон.

— Я только сегодня утром узнал, что вы родом из наших мест! — сказал Бозтай. — До этого шел слух, что вы из Туркестана.

Кожакон многозначительно улыбнулся.

— И то и другое правильно, мой брат. Родился здесь, жил в Туркестане.

Бозтай перевел разговор на Хальфе.

При упоминании имени муллы Кожакон почувствовал себя неловко.

— А что с ним?

— Арестовали.

— Слышал.

— Клевета. Все дело подстроено. Вы же беседовали с Хальфе. — Это честнейший человек. Ничего не утаит. Сболтнет и все.

— Знаю -- болтун.

— Мы просим вас заступиться за него. Действитель-

¹ Здесь — почетный человек.

ный преступник... Помните поджигателя, о котором я вам говорил?

— Чувствую, личные счеты. Но помочь здесь я не в силах. Власть — на местах. Обещаю помочь, когда приеду в Ташкент! Пишите туда. Хлопочите, поддержку!

— Спасибо! — Бозтай низко поклонился, приложив руки к груди. Пятясь задом, он открыл дверь и исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Имам Агзам в сопровождении Жунуса пробирался через Гиссарские хребты к Ибрагим-беку, в лагерь басмачей.

С Памира дул порывистый ветер. Собирались тучи. Дорога вилась по краю пропасти, следуя за изгибами горного хребта. Над путниками свисали скалы, готовые обрушиться. Далеко внизу бурлил грозный Кафиринган. Жунус озирался вокруг, вспоминая известное предупреждение таджиков: «Путник, будь осторожен, ты здесь, как слеза на реснице». Глиняные домики, словно птичьи гнезда, облепили отвесные скалы на склонах гор. По еле доступным тропинкам брели отары овец. Жунус с легкой завистью смотрел на безрогих, горбоносых, с длинными тонкими ушами гиссарских овец, взбравшихся на высокогорные альпийские дуга. Хорошо бы завести таких овец в заилийских горах!.. Наступили сумерки, ехать стало опасно. Проводник предложил имаму переночевать. Привязав коней, путники легли у скалы.

Усталый Агзам быстро захрапел. Жунус долго не мог заснуть. Не спал и проводник. Жунус заговорил с ним. И проводник рассказал об Ибрагим-беке.

В Гиссаре, Гарме и Дарвазе Ибрагим-бек — царь и бог. Его окружают отчаянные головорезы — конокрады и воры, люди собачьей преданности. Народ называет Ибрагим-бека «большим басмачом», бухарский эмир Сеид-Алим-хан — «царем воров». Сам Ибрагим-бек именует себя локайским беком и не скрывает, что он враждует с Сеид-Алим-ханом. Он живет в горах, как в неприступной крепости. Туда ведет только одна дорога, непроходимая для его врагов. Послы эмира или проваливаются в пропасть, не доезжая до «локайского бска», или безвозвратно исчезают в крепости.

У Жунуса по спине пробежали мурашки.

— А как доберемся мы?

— В крепость проберемся. Они меня хорошо знают. Вот как дальше... Проводник понизил голос до шопота.— Все зависит от вас самих и от ваших подарков.

— Каких подарков?

— Что вы ему везете — золото, или хорошую весть? Если неприятность, то лучше вам вернуться назад.

Жунус умолк. Он недоумевал. Странно, что же хочет эмир от «царя воров». Имам Агзам молчит, словно набрал в рот воды.

Переночевав под самыми облаками, они пробрались в лагерь Ибрагим-бека. Вождь басмачей принял послов эмира холодно. Он сидел на тахте, подперев руку о бедро. Следуя за имамом, Жунус успел заметить длинные черные усы Ибрагим-бека, взметнувшиеся, как крылья хищной птицы, глаза сурово смотрели в упор.

Не выдержав взгляда имам сел там, где остановился. Жунус последовал его примеру.

Ибрагим-бек троскратно хлопнул в ладоши. Из боковой двери вбежал рослый джигит и застыл у дверей.

Агзам представился.

— Я, раб божий, главный имам мечети Ходжа-Ахмеда-Яссави в Туркестане, посол эмира Сеид-Алим-Богадур-хану Бухары, Агзам, сын Исламбака.

Пока имам перечислял свои титулы, Ибрагим-бек перевел тяжелый взгляд на Жунуса.

Агзам продолжал смиренным тоном, сложив руки на груди.

— Наступило страшное время для мусульман. Кафиры лавиной движутся на Восток. Сегодня в их руках Ташкент, завтра они возьмут Бухару и откроют путь через Кабул на священную Мекку. Сеид-Алим-Богадур-хану во сне явился сам пророк и сказал: «Останови нашествие!..» И он поручил мне передать вам — Жулбарсу¹ Памира просьбу забыть прошлые обиды, если угодно аллаху. Аминь.

Ибрагим-бек молча взял с круглого столика серебряную зубочистку, поковырял в зубах и заговорил не спеша:

— Музафар-хан захватил локайское бекство и при-

¹ Жулбарс — тигр.

соединил к эмирату. Отца моего он держал в черном теле. А его сын Сеид-Алим-хан хочет сжить меня со света...

Ибрагим-бек задохнулся от внезапного прилива злости и снова троскратно ударил в ладоши. Джигит исчез, но тут же вернулся с кувшином вина и на коленях поднес своему повелителю. Ибрагим-бек схватил кувшин и, запрокинув голову, стал пить. Имам и Жунус следили, как шевелился кадык на бронзовой шее вождя басмачей и как kloкотало вино в горле.

Наконец Ибрагим-бек удовлетворил жажду и передал кувшин имаму. Выпив содержимое до дна, Агзам передал кувшин Жунусу. Тот пригубил его и отставил в сторону — не передал в руки джигиту, как это полагалось по обычаю.

Вино оказало свое действие. Ибрагим-бек не говорил, а кричал:

— Эмир боится русских?! Не понимаю! Он же полковник русской армии! Учился в Петербурге! Дружил с русским царем!..

— Теперь не те русские! — почтительно вставил имам. — Русские одни не страшны, но они ведут за собой «плохих мусульман». Это — страшно! Лучше сейчас забыть мелкие ссоры и обиды. В коране сказано: «Наступит конец света, и голодные будут уничтожать сытых».

Ибрагим-бек громко расхохотался.

— По-вашему, дорогой гость, выходит, что уже приблизился конец света? Тогда нам не к чему вести разговор. Пусть будет по велению бога!

Имам понял свою оплошность и решил ее сгладить.

— Надо понимать коран, дорогой бек! — льстиво произнес Агзам. — Великий Магомет требовал от мусульман понимать коран сердцем, постигать суть, а не зубрить наизусть отдельные изречения. Эмир хочет спасти мусульман от нашествия голодных русских. Поэтому и просит забыть на время раздоры и поспешить на помощь со своими славными джигитами...

Агзам встал и низко поклонился, коснувшись пальцами пола.

— Я давно передал свое желание Сеид-Алим-хану! — ответил Ибрагим-бек. — Я готов вести его войска против русских при условии, если зеленое знамя Магомета будет вручено лично мне. Тогда я буду насаждать ислам кин-

жалом и шашкой, как непобедимый Али¹. Мне известно, наш эмир не умеет бороться с «плохими мусульманами». Он спугнул их, как неопытный охотник уток. Я говорю о джадидах, имам!

Агзам слушал и подобострастно кивал головою. А Ибрагим-бек долго с жаром доказывал, что он, на месте эмира, головы «плохих мусульман» преподнес бы на блюде матерям, родившим таких сыновей.

Жунус не выдержал:

— Матери не рожают плохих мусульман, бек! Такими они делаются. В этом повинны, мы, отцы...

В глазах имама промелькнул испуг. Он знал дерзкий язык своего спутника. Как бы этот дурак не наговорил лишнего.

Ибрагим-бек остановил внимательный взгляд на Жунусе. Широкий казахский халат с бархатным отложным воротником и нечистый узбекский выговор сразу выдали его происхождение.

— Кто ваш спутник? — спросил Ибрагим-бек имама.

— Мусульманин Жунус из Джетысу. Один из вожаков шестнадцатого года.

— Казах? Какие же казахи мусульмане! — брезгливо произнес Ибрагим-бек. — Они забыли законы ислама.

— Стагипар, алла! — взмолился оскорбленный имам.

Жунус тоже обиделся. Он заговорил глухим, голосом.

— Ходить в мечеть и читать молитвы — это еще не доказательство верности исламу...

Ибрагим-бек не стал слушать. Он резко спросил:

— У вас есть басмачи в Джетысу? Режут они кафиры?

— Нет.

— Тогда не будем говорить о мусульманстве казахов.

Имам поспешил переменить тему разговора. Он скомкал беседу и поторопился уйти, чтобы спасти своего спутника.

Жунус вышел расстроенный. Конечно, Ибрагим-бек не может встать во главе народа. Он не орел, а хищник. Орел не охотится за падалью.

¹ Али-халиф, полководец у Магомета.

Жунус даже не откликнулся на приглашение имама подкрепиться пловом. Он отправился на окраину кишлака. Под тенью чинары сидели джигиты Ибрагим-бека и шумно играли в карты. Бородач с разорванными губами поднял голову, посмотрел в упор на Жунуса и толкнул локтем соседа. Тот прикинул охотничьим взглядом, есть ли смысл раздеть и разуть незнакомца. Жунус понял этот взгляд и поспешил отойти...

На другой день утром Жунуса разбудил переливчатый звук карнай¹. Он вскочил и вышел на улицу.

Два таджика стояли у ворот и трубили в трехметровые карнай. По их зову собиралась многочисленная свита Ибрагим-бека.

— Куда они? — спросил Жунус у подошедшего имама.

— Едут охотиться...

— На декхан? — наивным голосом спросил Жунус.

Имам понял насмешку. Он сердито посмотрел на Жунуса и ничего не ответил...

В тот же день к вечеру Жунус встретил узбека, приехавшего к Ибрагим-беку с жалобой. Они разговорились.

— Трудно сейчас жить в кишлаках! — сказал узбек. — Отбирают одежду, коней и все, что плохо спрятано. Мой дядя Усман-ака отказался отдать последнего коня. Ему отрубили шашкой голову... Скажите, дорогой, когда кончится это?

— Когда народ протрет себе глаза! — ответил Жунус.

Он понял: Ибрагим-бек ищет личной наживы, мусульманская религия — только щит для прикрытия темных дел.

Жунус рассказал имаму, что мусульманину-узбеку не удалось попасть к Ибрагим-беку. Стража не допустила его к нему.

— Грабеж среди белого дня! — закончил он свой рассказ.

Агзам вздрогнул и торопливо прикрыл его рот ладонью:

— Тише ты...

Больше имам не брал Жунуса к Ибрагим-беку.

Через три дня они выехали обратно. Поездка кончилась благополучно к явному удивлению проводника.

¹ Карнай — музыкальный инструмент.

В Бухаре имам обещал устроить Жунусу свидание с эмиром и показать его дворец. Он велел Жунусу подойти днем к воротам цитадели. Когда Жунус пришел, на часах у ворот дворца стрелка показывала двенадцать, а сейчас — два.

Вначале Жунус сидел у ворот дворца недалеко от помещения охраны на лестнице. Постепенно спускаясь все ниже и ниже, он очутился на первой ступени.

Тщеславный Жунус был уверен, что с ним эмир будет считаться, как с известным джетысуйским казахом. Он не знал, что имам преследовал другую цель — представить Жунуса посланником Большого жуза¹, готового оказать помощь Бухаре. Агзам хотел этим шагом укрепить свое положение во дворце. За Жунусом, дескать, стоит народ, а сам Жунус — послушный исполнитель воли имама.

Верховный судья, в свою очередь, согласился показать Жунуса эмиру, чтобы использовать его для нажима на казахов нуратинского бекства эмирата.

Обида, горькая обида давила грудь Жунуса. Он вспоминал прожитую жизнь. Сколько раз он рисковал ею. И для чего? Чтобы обречь себя на изгнание и, подобно нищему, стоять у ворот дворца. Почему Жунус не пошел за большевиками, как его сын, или как Токаш Боккин? Может быть, у них настоящая правда?

Он вспомнил вчерашний разговор с имамом. Агзам сказал, что Сугурбаев находится в Бухаре. Какой ветер занес его сюда? Видно, не сумел, собака, приластиться к новым хозяевам. Имам передал печальные вести, привезенные Сугурбаевым из Джетысу. Погиб родной аул Айна-Куль. Горный поток погубил весь скот, станичники напали на казахов и устроили резню. А Саха вместо того чтобы стать на защиту своих единоверцев, велел арестовать Хальфе. Говорят, муллу пытали в Чека и умертвили... Хальфе не жалко, плохой человек. Но что стало с Фатимой и детьми? Надо обязательно повидать Сугурбаева и расспросить...

Так размышлял Жунус, сидя у ворот дворца. Прошел еще час. Жунус встал. В его глазах всякий прочитал бы

¹ Раньше Казахстан территориально делился на три жуза. Семиречье входило в Большой жуз.

досаду и гнев. Он готов был уйти не дождавшись Агзама.

А в это время имам искал ученого шейха Мухиддин-ибн-Аль-Араби, приехавшего из Индии для помощи мусульманам в борьбе с большевиками. Он надеялся через него добиться разрешения Жунусу войти во дворец и представиться эмиру.

Ученый шейх медленно прогуливался по виноградной аллее, ведущей от дворца к главному хаузу. Он срывал на ходу небольшие кисти винограда и лакомился ими. В этот солнечный день Мухиддин-ибн-Аль-Араби был недоволен своей тенью — полковником Терренсом, а Терренс, в свою очередь, святым шейхом. Оружие из Ирана поступало с большими перебоями — мешали невидимки-партизаны. Единственная надежда оставалась на афганских стрелков, прибывших в Бухару на помощь сорокатысячной армии эмира.

Ученый шейх подошел к хаузу и спустился по лестнице. На поверхности зеленовато-грязной воды кишели жуки, бабочки и черви.

Мимо прошел начальник дворцовой охраны. Он искал Агзама, чтобы сообщить ему о приезде казаха Жунуса и спросить, можно ли пропустить его во дворец. Как будто имам вызывал Жунуса.

Начальник охраны слащаво улыбнулся шейху, как дорогому гостю, и мерной поступью, скрылся в саду. На груди у него красовался орден Искандер салис¹, золотая звезда с бриллиантом и темносиней лентой. Он имел чин инана². Этот чин эмир давал только особо преданным любимчикам, не считаясь ни с образованием, ни со служебным положением.

Начальник охраны нашел, наконец имама и они вдвоем направились к ученому шейху. Агзам кратко рассказал о Жунусе, назвав его героем и вождем восстания тысяча девятьсот шестнадцатого года и попросил устроить свидание с эмиром.

Мухиддин-ибн-Аль-Араби согласился помочь. К эмиру он пошел один и сумел уговорить его в несколько минут. Имам Агзам отправился встречать Жунуса, чтобы провести его во дворец.

¹ Искандер салис — солнце Александра

² И н а н — генерал-лейтенант.

В белой зале мавританского стиля солнечные лучи ярко освещали покрытые бронзой колонны, и стены из зеркал и цветных стекол.

Они поднялись в «круглый павильон», где обычно отдыхал эмир. Слегка возбужденный от анаши, он полулежал в парчовом халате на ковровой тахте. Рядом с ним на атласном одеяле, сложенном вчетверо, дымил кальян.

Болезненно-бледное лицо эмира говорило об его страсти к наркотикам. Черные густые брови приподнялись, из-под них глянули серые раскосые глазки. Имам Агзам, приложив обе руки к груди, поклонился до пола. То же сделал и Жунус.

Сидевшие у ног эмира верховный судья Бурхан-эддин, похожий на сытого откормленного кота, указал рукою на место, где следовало остановиться. Имам Агзам представил Жунуса.

Жунус предполагал, что на него будут смотреть, как на почетного гостя и ласково пригласят сесть за дорогим дастарханом. Но эмир даже не поднял головы. Разочарованный Жунус решился на лобовую атаку.

— Мы, джегысуйские казахи, всегда смотрели на Бухару, как на город святых шейхов, духовных отцов. Многие из нас, когда слышали, что Бухара в опасности, пустились в далекий путь... Наш народ не богат городами, но богат простыми сердцами. Что у нас на уме, то на языке. Скажу прямо, когда я ехал сюда, я хотел видеть другое, а не то, что увидел.

— Что вы хотели видеть? — перебил судья.

Эмир приоткрыл один глаз.

— Я хотел видеть народ, сплоченный под знаменем Магомета. Я хотел видеть счастливого мусульманина в счастливой стране...

— А вы что увидели? — опять перебил Бурхан-эддин.

Эмир приоткрыл оба глаза.

Имам Агзам незаметно дернул Жунуса за полы халата. Но Жунус, не обращая внимания, продолжал:

— Я увидел разорение, услышал стоны мусульман. У них нет никакого интереса к нашей священной войне. Их обижают...

— Кто? — резко прервал эмир.

— Тахсыр! Их обижают все: и басмачи и баи.

Эмир снова опустил веки.

Когда Жунус ушел, в сопровождении имама Агзама, верховный судья наклонился к эмиру и тихо сказал:

— Опасный казах! Как вы думаете, тахсыр?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В пятницу шейх Мухиддин-ибн-Аль-Араби совершал паломничество по мазарам-гробницам. После торжественного посещения гробницы Исмаила-Саманида шейх выехал за город в сопровождении верховного судьи, имама Агзама и ответственных чиновников из государственной канцелярии. Побывав в других древних мазарах, он остался ночевать в летнем дворце эмира в Ширбудуне, в трех верстах от Бухары.

В этот вечер люди свиты, сопровождавшей шейха с Бурхан-эдином, долгое время сновали по бесчисленным комнатам дворца, а затем сели играть в шахматы.

Бурхан-эддин сразился с имамом Агзамом. С первых ходов завязалась острая игра. Бурхан-эддин начал яростную атаку на королевском фланге. Имам Агзам увиливал и тем временем на другом фланге готовил контрудар, которого противник не замечал.

По настоянию имама Агзама Жунус тоже оказался в свите. Он внимательно следил за ходом шахматной игры и не без яду обронил:

— Так вот и в жизни бывает. Судьба незаметно готовит страшный день для человека.

— О каком дне говорит наш драгоценный? — спросил Бурхан-эддин, объявив конем шах королю.

— Ваш шах ускоряет вашу гибель!

Бурхан-эддин вспыхнул, почувствовав в ответе Жунуса намек на тяжелую обстановку, создающуюся в Бухаре. Он ехидно спросил:

— Я могу передать ваши слова эмиру, как предостережение?

Жунус побледнел. Имам Агзам поспешил потушить разгоравшуюся ссору.

— В детские годы я поспорил со своим другом, — начал он рассказывать, — из-за одного слова. Вскоре спор наш перешел в ругань, а затем чуть ли не в драку. Ког-

да мы пришли к учителю, вдоволь оскорбив друг друга самыми постыдными словами, он рассмеялся и сказал, что у обоих это слово вовсе не передает вложенного нами в него смысла. Не в обиду будет сказано, так и вы не поняли друг друга. Если не хотите считаться с моим мнением, мы можем обратиться за советом к ученому шейху Мухиддину-ибн-Аль-Араби.

Имам Агзам спокойно посмотрел в лицо верховного судьи. При упоминании имени шейха, он вздрогнул и заискивающим тоном произнес:

— Бесценный имам! Стоит ли нарушать покой шейха по таким пустякам. Думаю, мы пойдем друг друга.

Имам Агзам знал, что первая встреча с шейхом принесла неприятность верховному судье. Шейх свел на нет влияние Бурхан-эддина во дворце, накопленное годами, кровью и золотом.

— Жунус сказал правду: всегда надо проверить каждый свой шаг... Шах!... Беру пешку. Это начало разгрома.

Бурхан-эддин засмеялся.

— Кстати, я недавно играл в шахматы с шейхом. Он провел мастерски одну комбинацию и на сороковом ходу поставил мне мат. Не примите на свой счет, уважаемый верховный судья, но шейх говорит, что некоторые фигуры во дворце бездействуют, ими надо пожертвовать, чтобы выиграть.

Бурхан-эддин отодвинул шахматную доску, дав понять, что партию он сдает. Больше он не стал играть.

* * *

— Среди сарбазов распространяются нежелательные слухи! — скорбным тоном сообщил верховный судья эмиру на очередном приеме в белом зале.

— Что за слухи?

— Вчера один из солдат говорил, что дни эмира сочтены. Бухара будет советской!

— Откуда эти слухи?

— Солдат признался под пыткой, что слухи среди солдат распространяли казахи из Джетысу.

— Опять этот... как его, Жунус?

— Видимо. Его сын служит у большевиков комиссаром.

Эмир лениво махнул рукой.

— Уберите его подальше! Мы сказали!

Этого жеста было достаточно. Бурхан-эддин поспешил в тайную канцелярию и приказал арестовать Жунуса.

Не успел Жунус сходить на полуденную молитву, как был задержан около мечети.

— Ты кто? — грубо спросил его военный в папахе и черкеске. Жунус усмехнулся: «Опять ловят джадидов».

— Я не тот за кого вы принимаете?

— Как ваше имя.

— Жунус.

— Из Джетысу?

— Да.

— Именем эмира я задержу вас и отведу в рекхану!

— Вы, должно быть, ошиблись?

— Идем! — грубо толкнул Жунуса второй. — Когда ведут в рекхану, не ошибаются. Мы тебя ищем целый день!

Жунус похолодел. Сердце сжалось от страха. На лбу выступил обильный пот. Он силился остановить дрожь, но не мог, чувствуя, что теряет почву под ногами!

— Ну, иди быстрее!

Шумела узкая улица. Вот проехали в коляске, блистая золотом парчовых халатов, купцы. Просеменил ишак с хозяином на спине. Проплыла женщина под паранджой, как безобразный движущийся мешок, — не видно ни лица ни ног. Жунус ничего не замечал. Мир перестал для него существовать. Он видел только двух конвоиров с обнаженными шашками, шагавших с ним рядом.

— Куда вас Жунус-ака?

Это окликнул нищий. Он всегда подавал ему милостыню у ворот мечети. Сейчас Жунус бессмысленно посмотрел на него, узнал и растерянно улыбнулся. Нищий побежал за ним.

— Жунус-ака, я передам...

— Вон! — гаркнул конвоир. — Я тебе покажу, как разговаривать с преступником!

В рекхане Жунуса передали тюремщикам. Три стража сопровождали арестованного по крутой лестнице в подземелье. Впереди шел ключник, горбатый, беззубый узбек с красными глазами и лицом, покрытым паутиной

морщин. Справа шагал приземистый бородач, с низким покатым лбом. Завершал шествие сутулый гигант. Он вызвал в душе Жунуса содрогание. Несомненно, это палач. Откуда только выкопали такого зверя.

Жунуса долго вели по темному длинному коридору. Откуда-то сверху просачивался тусклый свет. Глаза постепенно привыкли к полумраку, а уши к гробовой тишине. Наконец горбун остановился и снял с пояса огромный ключ. С лязгом открылась дверь темной подземной камеры. В нос Жунусу ударил трупный запах сырости. Кто-то застонал.

Жунуса охватил ужас. Он отшатнулся.

— Хватит, нагулялся на белом свете! — крикнул гигант и страшным ударом по шее столкнул его в подземелье.

Жунус упал, за его спиной загремела дверь. Снова раздался стон. Узник! Жунус стал ощупывать вокруг себя. Сырая каменная стена. В потолке чуть светится крохотное оконце. Пол земляной. А вот здесь солома. Кто-то лежит на ней... Старик или мальчик? — кожа да кости... Нет это старик — у него есть борода.

И Жунус вдруг понял: за ним навсегда захлопнулась дверь. Он попал в каменную могилу. От этой мысли его бросило в жар. Он кинулся к двери и в иступлении стал бить кулаками и кричать. Послышались торопливые шаги. Загремел ключ в ржавом замке. Дверь открылась, вошел горбун.

— Мусульманин, не веди себя, как кафир! — сказал он. — Сиди тихо, это принесет тебе пользу!

Бесстыдная ложь возмутила Жунуса. Он не смог даже ответить на нее. Спазмы сдавили горло... Опять с железным лязгом захлопнулась тяжелая дверь. Горбун ушел. Жунус, охваченный отчаянием, упал на пол. Изверги! Почему же вы мучаете мусульманина? Его охватил новый припадок бешенства. Он вскочил и снова бросился к двери. Он стучал теперь еще сильнее, кричал еще громче. Опять послышались шаги, на этот раз твердые, тяжелые. Зазвенели ключи, дверь открылась. На пороге стоял гигант.

— Ты что стучишь?

Палач схватил Жунуса за горло и кинул в угол.

...Жунус не мог понять, сколько времени он пролежал. Когда он открыл глаза, услышал глухой, слабый

голос и понял, что это говорит с ним узник — товарищ по несчастью.

— Жив?

Жунус молчал.

— Ака! — продолжал узник. — На востоке говорят: за гневом ум! Не трать силы напрасно. Теперь ты не вырвешься отсюда. Если не убьют, сгниешь живым.

— За что?

— Об этом спроси у эмира.

Жунуса снова охватил ужас. Он бросился к двери, забарабанил в нее кулаками и ногами.

— Эй, горбун, мусульманин! Открой ради аллаха!

В эту минуту дикий вопль покотился эхом по коридору. Раздался шум, прерываемый криками, затем грохот. И снова наступила гробовая тишина.

— Еще одного убили! — тихо прошептал узник на ухо Жунусу. — Это по счету, тысяча сто двенадцатый за два года... Я считаю...

Он не успел закончить. Загремел замок и дверь распахнулась. В камеру ворвался гигант-тюремщик. Он ударил по лицу Жунуса. Жунус понял — пришла смерть. Он решил подороже продать свою жизнь. На короткие минуты к нему вернулась молодость. Он напряг все силы и нанес гиганту лозкий удар пониже живота. Палач застонал. Жунус силен его ударом головы и выскочил в коридор. Он бежал, а за ним мчались тюремщики. Они, конечно, настигли его... Горбун ударил беглеца ключом по голове, и он упал без сознания на каменный пол.

...Жунус очнулся уже в другой камере — одиночной. Здесь не было даже соломы на полу. Острый запах мышиного помета ударил ему в нос. Все тело ныло от тупой боли. Чем его били?

Жунус долго лежал без движения, раздумывая над своей горькой долей. Лучше уйти из этого мира самому, без помощи палача. Он снял рубашку, разорвал ее и свил длинную тесьму. Но в рекхане даже повеситься нельзя несчастному узнику, не к чему привязать веревку. Жунус накинул петлю на шею и попробовал задушить себя. Он дернул за тесьму — она оборвалась...

И в первый раз в жизни Жунус заплакал от тоски и страха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Об аресте Жунуса Амен узнал только к вечеру, и то случайно, от нищего, сидящего у мечети. Он помчался прямо к Агзаму.

Глубоко возмущенный несправедливостью, Амен сразу не мог связно рассказать о случившемся несчастье. Он нервничал и заикался.

— Говори толком! — прикрикнул Агзам, совершавший омовение перед намазом¹. Медный чайник со звонном полетел в сторону.

— Жунуса посадили в тюрьму!

— Кто посадил?

— Этого не знаю, имам!

Агзам выругался:

— Сам виноват, держал бы язык за зубами! Насреддин несчастный!

Амен с ненавистью посмотрел на злое лицо имама и подумал: сбил с пути человека, вытянул из родного гнезда, а теперь бросил на съедение шакалам.

Амен не знал, каким влиянием пользуется Агзам во дворце. Он предполагал, что имам побежит во дворец, поклонится в ноги эмиру и скажет, что Жунус чудак, желающий людям добра, а не зла, и все, что говорят о нем — пустая болтовня. Грозный эмир, сидящий на троне, потрясет жезлом и закричит:

— «Здесь вам не стель», а затем прикажет: — «выпустить»...

Амен, выйдя из квартиры имама, бросился на поиски нищего. Он хотел подробно разузнать все. Нищего он разыскал около башни Сарофон в запутанных переулках еврейской слободки. Это был Шо-Мирзо. Он снова повторил свой рассказ:

— Когда Жунус вышел из мечети, совершив полуденную молитву, к нему подошли двое, поджидавшие его, и увели. Да, я только забыл добавить, когда они его ждали у ворот мечети, один из них сказал другому: «Кажется большевик, смотри в оба!»

Амену теперь было все ясно. Сплели вокруг человека паутину лжи...

Недавно, лежа в сених у хозяина, он видел на потоло-

¹ Намаз — молитва.

ке огромного паука, терзавшего муху. Она металась, запутанная в сеть, и жалобно жужжала. Рекхана — это та же паутина. Разве удастся вырваться оттуда?

Когда Амен повернулся уйти, Шо-Мирзо тихо шепнул:

— Привет от Маджида-лекаря!

Амен остолбенел.

— Откуда ты его знаешь?

— Я его видел на днях в Кагане. Просил узнать, как вы устроились.

— Как видишь. Не успели приехать, Жунус угодил в рекхану.

— Не поможет ли в чем-нибудь вам Маджид? — осторожно заикнулся Шо-Мирзо.

— Ну, чем он поможет. — Амен задумался, а затем добавил: — Передай ему привет. Может быть, увидимся.

И Амен стошел, оставив Шо-Мирзо.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Благодаря стараниям имама Агзама, Жунуса освободили. Он вышел из тюрьмы, как драчливый петух после тяжелого боя. Лицо осунулось, в глазах горели беспокойство и злоба. Он потерял душевное спокойствие. Обычная уверенность в своей правоте покинула его. Он походил на затравленного зверя.

Жунуса больше не пускали во дворец. При встрече с ним бывшие знакомые, беки и купцы, кланялись холодно, а амальдеры — чиновники показывали на него пальцами и вспоминали поступок муллы Насреддина, напоминавший выходку Жунуса. Говорят, мулла Насреддин, увидев на дне колодца отражение луны, бросил крючок с благим намерением вытащить ее наружу, но луну не достал, а разбил себе голову, упав плашмя. Так и Жунус! Захотел найти правду в Бухаре. Чудак!

После освобождения из рекханы, Жунус собирался уехать в Семиречье, но на пути снова встал имам Агзам. Он пришел из дворца и за пловом сказал:

— На подступах к Кагану расположена крупная часть войск эмира. Туда же прибыла партия джигитов из степей Западной Бухары. Наше обращение к народу принесло плоды! — И с улыбкой добавил: — Шейх желает вас видеть во главе этих джигитов!

Жунус хотел отказаться, но смолчал. Это было принято как согласие.

Прибыв в военный лагерь, Жунус стал знакомиться с добровольцами-казахами. Некоторые из них были хорошо одеты, имели добрых коней, но большинство джигитов явилось в старых лохмотьях.

Измученные дорогой, голодные добровольцы воровали продукты из войсковой кухни у солдат. Их ловили и били.

В лагере стояла тишина. Солдаты маршировали вдалеке.

Жунус, расположившись под чинарой, вызывал по очереди казахов и знакомился с каждым...

Амен привел молодого толстогубого джигита с круглым, как луна, лицом. Он был оборван и бос.

— Ты откуда, мой мальчик? — ласково спросил Жунус.

— Я родом кипчак — из пустыни Кызыл-Кум.

— Зачем ты сюда приехал?

— Меня привезли.

— Как?!

Юноша замялся в нерешительности и тихо сказал:

— Когда нас забрали, нам сказали, что из Бухары мы поедем в Ташкент.

— Кто сказал?

— Приехавший амальдер из Бухары.

Следующий доброволец рассказал то же самое. Жунус задумался. Конечно, эти казахи, — не воины для эмира. В первом же бою они сдадутся в плен большевикам. Что же с ними делать? Доложить имаму Агзаму? Нет, доносить на этих несчастных обманутых юношей, он не станет.

Жунусу не везло. Только что стал он сколачивать отряд из казахов Нуретинского бекства, неожиданно появился Сугурбаев. Он приехал в лагерь с начальником контрразведки.

На другой день сарбазы эмира захватили «языка» и привели в штаб.

— Я поймал большевистского агента. Остальное он сам расскажет, — доложил сарбаз начальнику контрразведки.

Тот просиял, указательным пальцем погладил смолистые усы:

— Ты кто? — спросил он по-русски красноармейца.

— Человек!

— Я не говорю, что ты скотина. Кем ты был у большевиков?

— Рядовым солдатом.

— Хорошо. Где стоят войска Фрунзе?

— Не знаю.

— Врешь, сволочь!

— Я рядовой.

Начальник контрразведки обернулся:

— Развяжите ему язык!

Сугурбаев подошел быстрыми шагами. На голове чалма, рукава засучены. Он выглядел мясником.

— Коммунист?

— Нет.

— Пах! — зловеще воскликнул Сугурбаев. По его приказу два рослых сарбаза связали пленнику руки.

Сугурбаев по-уйгурски внезапно ударил головою красноармейца в подбородок. Со связанными назад руками пленник не устоял, грохнулся плашмя. Кровь потекла изо рта, из носа.

— Усади! — приказал Сугурбаев своему помощнику.

С иезуитской улыбкой наклонился он к пленнику.

— Сколько войска?

Красноармеец молчал, выплевывая выбитые зубы.

— Не хочешь отвечать — пеняй на себя!

Сугурбаев вынул перочинный ножик, ловким движением отрезал у пленника одно ухо и положил в карман.

— Отдам, если скажешь...

Пленный молчал, стиснув зубы.

— Я тебя заставляю говорить! — рассвирепевший Сугурбаев ударил пленника ногой.

Эта расправа с красноармейцем окончательно решила судьбу Жунуса. Ему не по пути ни с эмиром, ни с Агзамом. Надо уходить. Всю ночь Жунус не смог уснуть: перед его глазами стоял окровавленный со стиснутыми зубами молодой русский красноармеец, не боявшийся смерти.

Утром Жунус встретил Сугурбаева, возвращавшегося с речки с полотенцем в руке.

— Смываешь пятна крови? — с отвращением спросил он.

— Что?

— Кто из казахов так может издеваться над человеком, как ты вчера! Зверь!

— Пах! — Сугурбаев злобно процедил. — Скажи спасибо, что тебя не повесили за сына!

Жунус задрожал, правая рука сжалась и медленно полезла в карман за ножом. Но, вспомнив рекхану, он удержался и, собрав всю свою волю, отошел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

После операции, когда хирург извлек из груди Сахи пулю, врачи посоветовали ему отдохнуть в горах. Глафира нашла дачу бывшего бая Медеу в восемнадцати верстах от города. Саха часами высиживал на скамейке и любовался красотой природы. Прекрасны были отлогие горы, густо покрытые девственными еловыми лесами. Остроконечные снежные вершины Заилийского Ала-Тау ярко сверкали на солнце, словно окрашивая все в светлоголубые тона. Узкие ущелья таинственно чернели вдали. Шумела и пенилась внизу неугомонная Алма-Атинка, щедро усыпанная огромными валунами. Это — зримые следы недавнего наводнения, каменного потока, чуть не разрушившего город. Осень позолотила ветви берез, покрыла багрянцем листья кленов — по яркости окраски они могли соперничать с апортом. Год на яблоки выдался на редкость урожайный, от избытка плодов гнулись и ломались ветви яблонь. Раньше, занятый по горло делами, Саха не замечал необыкновенной красоты осени в горах. Теперь он не отрывал взора от прекрасной панорамы гор, вдыхая свежий воздух.

Левая рука его не действовала, при движении боль усиливалась. Очевидно, был задет нерв. Сагатов болезненно переживал травму руки: не хотелось быть инвалидом в двадцать четыре года.

Он много думал о Глафире, с ней он чувствовал себя спокойно, но когда она уезжала в город, сердце точило тоскливое одиночество.

Сегодня Глафира доставила Сахе большую радость. Она привезла из Верного Нашена. После пожара акына увезли в больницу, и он подлечившись, чувствовал себя окрепшим, мог ходить без посторонней помощи, опираясь на тонкую палочку.

Сагатов с детства любил Нашена, как вечного искателя правды. Его стихи, в которых был слышен стремительный бег степных коней, знали наизусть в аулах. Они проникали даже в тюрьму, когда Сагатов томился за решеткой.

Нашен в круглой лисьей шапке и светлорыжевом халате вошел в комнату, чуть закинув голову. Его скуластое живое лицо было бледным, серые глаза излучали теплоту. Следом за акыном шагал Тлеубай.

Сагатов усадил гостей на диван и, пододвинув стул, сел напротив.

— Ты меня, сын мой, бережешь, как хрупкое стекло. Думаешь, что старые кости могут сломаться? — Нашен хитро прищурил глаза. — Нет, я еще поживу на страх врагам. Моя песня не устарела.

— Она только расцветает, — почтительно заметил Тлеубай, — как яблоня.

— Яблоня! — повторил задумчиво Нашен и заговорил неторопливым тихим голосом:

— Твой отец, Саха, рассказывал мне, что он в детстве посадил у горного источника Айна-Куль яблоневый отросток. Несмотря на холод, ветры и бури, дерево принялось и стало давать плоды. Так и наша жизнь! Она поднимается к высотам счастья.

Акын помолчал и спросил еще тише:

— Но где сейчас Жунус?

Вопрос Нашена острой болью отозвался в сердце Сахи.

— Я сам готов об этом спросить у вас, дорогой акын.

— Мне сказали, что он ищет счастье.

Саха болезненно поморщился. Ему не хотелось говорить об отце.

Нашен откинул голову назад и строго сказал:

— Я должен возвратить его в родной Джетысу, нельзя забыть этого человека.

— Теперь уже поздно! — вздохнул Саха. — Мой отец пошел не той дорогой. Наш народ будет смотреть на него с презрением.

— Заблуждение не есть преступление. Я пошлю к нему человека. Попытаюсь вернуть его в родное гнездо.

— Стоит ли, дорогой акын, беспокоиться, — перебил Сагатов и, чтобы переменить неприятную тему разговора, обратился к Тлеубаю: — Как курсы?

— Через месяц закончу.

— Не придется кончать,— сказал Саха.— Время не ждет. Надо ехать в Кастек, наделять беженцев землей. Ты лучше других справишься с этим делом...

В комнату вошла Глафира и пригласила гостей к столу. Когда она вышла, Нашен произнес с умешкой:

— В аулах возмущаются, что ты женился на русской. Ко мне на днях приезжали в больницу и рассказывали...

Саха покраснел и ответил сквозь зубы:

— Во-первых, я еще не женился. А во-вторых, кому какое дело до моей личной жизни?

— Сын мой! Я передаю тебе мнение аксакалов, а не свое. Для меня она хороша. Ты женись.

— А как же, Нашеке, вы будете разговаривать с ней, когда приедете к Сахе? — спросил Тлеубай.

— А так же, как в больнице. Я одно слово по-русски, она одно слово по-казахски. Так мы и разговаривали. Она пришла ко мне и говорит: «Сагатов салам прислал!» Я ей в ответ: «Жаксы, кзымке!» Что тут понимать?

Саха с Тлеубаем рассмеялись.

— Саха! Приглашай гостей! — крикнула из соседней комнаты Глафира.— Будете за столом разговаривать.

— Идем, идем! — ответил по-русски Сагатов и, взяв акына под руку, помог ему подняться.

* * *

А на другой день к Сахе приехали Гульжан и Бакен. Гульжан бросилась обнимать брата и всплакнула, увидев руку на марлевой повязке.

— Выздоровевший, как говорят китайцы, что новорожденный. А наш новорожденный уже ходит! — воскликнул Бакен, пожимая руку Сахе.

Саха, обняв сестру и ее жениха, с удовлетворением смотрел на их сияющие лица.

— Мама выплакала ведро слез за это время! — сказала Гульжан.

— Что же вы не взяли ее с собой?

— Кто же останется дома?

— А почему вы так долго не приезжали ко мне? — упрекнул Саха Бакена.

— Гульжан обиделась на вас! Не хотела ехать.

Девушка покраснела и с укоризной посмотрела на него.

— За что?

— За то, что вы не заступились за меня, когда я сидел в тюрьме...

— Ну, на это нельзя обижаться, мой дорогой. Басов не мог поступить иначе.

— Это он шутя, Саха! — успокоила Гульжан брата.

— Я бы хотел посмотреть, как Саха себя чувствовал после такой шутки! — проворчал Бакен.

— Ну ладно, вы подождите здесь. Угощайтесь пока яблоками. Я разбуду Глафиру! — примирительным тоном сказал Сагатов и ушел...

— Гульжан? — воскликнула Глафира.

Гульжан порывисто обняла ее. Они поцеловались по родственному, как сестры.

— Я давно хочу вас видеть. Мне столько интересного про вас рассказал ваш брат!

В казахском, без рукавов женском жилете из красного бархата, тесно облегавшем талию, в широком платье со сборками, она показалась Глафире красавицей.

Женщины сразу удалились, желая поговорить наедине и поближе познакомиться, хотя обе плохо понимали друг друга. А Саха стал расспрашивать Бакена про Кастек, про последние новости. Они были неплохие. После ареста Митьки Сотникова и изгнания семьи хорунжего из Кастека, кулаки притихли. Бакен уже живет в национализированном доме Сотникова, занимая две комнаты. Станичники косятся, но молчат. В Узун-Агаче и Айна-Куле бан после ареста Хальфе тоже притихли. Они все время отправляют гонцов и Ташкент и в Верный, стараются выручить святого.

Вечером пошли на прогулку в горы. Бакен улучил минуту для разговора с Глафирой. Он рассказал ей о своей любви к Гульжан. Фатима не возражает против брака, но что скажет Саха? Ведь он сейчас заменяет отца. Самому Бакену неудобно обращаться к Сагатову. Бакен просил Глафиру переговорить с ним. Глафира обещала: Саха, конечно, не будет возражать.

Поздно вечером приехал из города Басов.

Саха сразу догадался: случилось что-то неладное. Он пригласил Басова в другую комнату. Басов, по обыкно-

вению, закурил трубку, вынул из кармана свернутую ташкентскую газету.

— Прочитай, о тебе...

Саха развернул газету. На второй странице внизу, завитушками арабского шрифта было напечатано:

...Сын идет по стопам отца. Не зря казахи говорили: «Чем кормился в гнезде,— то и ловит оперившись». Так и есть. Отец Жунус, еще до революции жил в горах, как отверженный. Видимо, ему не понравилась сейчас и наша власть, сбежал к басмачам. А сын? Сын бросил нареченную невесту, женился на русской и в любовных утехах забыл беженцев, вернувшихся из Китая... У беженцев землю отобрало казачество, скот — каменный поток и теперь, они у разбитого корыта. Бедный казах-горемыка, кто же заступится за тебя?

Саха дальше не стал читать, швырнул газету и сказал:

— Это мечь!

— Ясно. По-моему, надо немедленно опротестовать, написать в ЦК партии, в Москву.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сагатов писал всю ночь при неверном свете керосиновой лампы. Писал, перечитывал написанное, рвал и комкал бумагу. Вскокивал, возбужденно шагал из угла в угол, не выпуская изо рта папиросы, снова садился за стол и брал в руки перо.

Враги мстили. Сагатов догадывался, откуда дул ветер. Статья появилась не без участия Кожакова. Он — вдохновитель клеветы.

Сагатов мысленно прошел по дорогам своей короткой жизни. Она открыта, как на ладони. Прожито мало, а пережито!..

«...Ставят мне в вину, что мой отец Жунус очутился на чужом берегу. Можно ли обвинять сына за неверное направление мыслей отца? Ведь он рос в другое время, в другой среде, чем живу я.

Но прежде чем писать об отце, я должен рассказать о себе, поскольку автор фельетона, скрывшийся за псевдонимом «Зоркий», назвал меня примазавшимся к партии.

Мне было десять лет, когда меня отдали в двухклассное училище в станице. Я окончил его и поступил в верненскую гимназию. Летом приезжал на каникулы. Юность моя прошла среди русских. Первым моим учителем жизни был Павел Семенович Кашеев, работавший в станице столяром. Казахи звали его тамыром. Казахским языком он владел в совершенстве. Я жил у него в доме.

Иногда к Павлу Семеновичу приходили соседи, он заговаривал с ними длинные разговоры. Вспоминая отдельные, его слова, я могу безошибочно сказать, что этот человек, если сам не был членом революционной партии, то очень сочувствовал делу революции. От него первого я узнал, как несправедливо устроена жизнь на земле... Я был тогда очень молод, многого не понимал, но, оглядываясь назад, должен сказать, что первую искру в мое сердце заронил столяр Кашеев, и если я сейчас коммунист, то этим обязан, в первую очередь, Павлу Семеновичу, а затем моему другу и старшему товарищу Токашу Бокину.

Имя этого человека известно Центральному комитету РКП(б). Он возглавлял национально-освободительное движение в Семиречье, был одним из организаторов советской власти в Верном.

Я встретился с ним в гимназии, и с тех пор наша дружба не прерывалась до дня его гибели.

В политической жизни я впервые принял участие в тысяча девятьсот шестнадцатом году, когда казахский народ поднял восстание против царизма. Арестованный по приказанию губернатора Фольбаума, я просидел в тюрьме восемь месяцев в одной камере с Токашем Бокиным и вместе с ним вышел на свободу после февральской революции. Я помогал Виноградову, Бокину устанавливать советскую власть в Семиречье. Во время белоказахской диктатуры атамана Кияшко мне, как и всем большевикам, пришлось работать в подполье.

Потом я встретился с Дмитрием Фурмановым...»

Сагатов отбросил перо и взволнованно заходил по комнате. Перед его глазами возникло лицо Дмитрия Андреевича. Он вспомнил Фурманова в дни мятежа, когда в Верном советская власть висела на волоске. Этот волевой политкомиссар действовал обдуманно, гибко, смело — и победил.

Саха снова подошел к столу и, прочитав написанное, взялся за перо.

«...Вот почва, давшая живительный сок для моего роста. Можно ли меня назвать выскочкой, примазавшимся к партии? Таких, как я, немало на казахской земле. Могу указать на самого Бокина, Джангельдина, Майкотова. Мы молодыми вошли в революцию. Нам было всего лишь по двадцать лет с небольшим. Мы могли делать ошибки, но обманывать партию — никогда!

Теперь постараюсь объяснить трагическую судьбу моего отца Жунуса. Он родился в шестидесятых годах прошлого века. Среда и влияние мулл, наложили на него свой отпечаток. Он не понял многого, что принесла в казахскую степь революция, и не нашел своего места при новом строе.

Я хочу сказать, что мой отец — не контрреволюционер, а заблудившийся человек. Он не выдержал бури и очутился на чужом берегу, среди панисламистов. Мусульманская религия в Средней Азии пока еще страшная сила. Полвека мой отец питался ядовитой отравой со стола имамов. Сознаюсь, я виноват в том, что не нашел достаточно сильного лекарства для его исцеления от мусульманского дурмана.

Не в защиту отца, а лишь для лучшего уяснения его трагической судьбы я должен сообщить факты из его политической биографии.

Отец ненавидел самодержавие и казахских феодалов. За выступления против баев его сослали в Сибирь, откуда он бежал. В шестнадцатом году он одним из первых поднял восстание в Семиречье и выдвинулся как командир огромного повстанческого отряда.

Таких людей, как мой отец, сотни на казахской земле. Могу назвать Тасбулата Ашикеева и Кашагана Рыскулбекова из Джетысу, Амангельды Иманова и Омара Шипина из Тургая, Антжана Избасарова и Айсу Айматова из Уральска, Хусаина Айдарбексва и Қыздарбека Алтаева из Баян-Аула. Эти люди вышли из низов народа, они любили его и хотели, чтобы он был счастливым. Одни из них пришли в революцию, как Амангельды, другие погибли, как Ашикеев и Избасаров. А мой отец очутился на чужом берегу. Жунус, попав в сети духовенства, ушел искать счастье для своего народа на дорогах па-

нисламизма. Он находится в стане врагов и для меня он враг...»

Глубокой ночью, не докончив письма, Сагатов вышел из дома в сад. Тучи разошлись, и на синем ясном небе сверкали звезды.

Саха сидел на скамейке и думал об отце. Написанное в ЦК партии письмо показалось ему неубедительным и даже фальшивым. Какое дело революции до Жунуса, если он ушел от своего народа! Если он не с нами — значит — против нас. Стоит ли оправдывать отца боевыми заслугами шестнадцатого года? Сейчас он поступает, как предатель и нечего его жалеть.

Саха почувствовал, как в его душе все больше и больше нарастает глухая ненависть к отцу. Бросить семью, родной аул, уйти к басмачам...

Сагатов возвратился домой, собрал исписанные листки и сжег их в печке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Тлеубай приехал в Узун-Агач в полдень.

Подъезжая к аулу, он сразу заметил перемены. Кажется, тот же аул, те же юрты, расположенные кольцом с кутаном¹ посередине. Вон в кутане натянуты привязи для ягнят, дымит жер-ошак². Все как будто по-старому, как и было, но...

Тлеубай задержал свой взгляд на центральной юрте. Над ее куполом развеялся красный флаг. Он придержал лошадь. Вот это уже новое...

Из пятистворчатой юрты слышались звонкие веселые голоса. Женский смех переплетался с мужским. Ясно, жизнь здесь течет по иному. Еще недавно веселье разрешалось вечером и ночью, а днем только в большие праздники.

Тлеубай, не снеша, слез с коня, отряхнул с себя пыль и зашагал в сторону большой юрты. Здесь его встретил Бакен, приехавший из Лйна-Куля. Он не узнал безбородого Тлеубая.

— О, это ты, Бакен! — приветствовал Тлеубай друга.

¹ К у т а н — двор.

² Ж е р - о ш а к — подземная печка

— Неужели Тлеке? — изумленный Бакен бросился обнимать неожиданного гостя.

— Ты откуда?

— Я из Айна-Куля.

— А ты?

— Из города.

— Почему сразу не приехал в аул?

— Приеду обязательно! Где тут люди?

— Я их сам ищу.

— Как продвигается дележка земли?

— Трудно.

— Вот как! — воскликнул Тлеубай и, схватив Бакена за локоть затащил в пустую юрту и усадил рядом.— Ну, рассказывай по порядку.

— Комиссия закончила предварительную подготовку, — начал Бакен, стараясь уместить под себя длинные ноги. — Готовы списки, кому землю дадим, у кого ее отберем. А землемер еще не приступил.

— Дальше!

Тлеубай вынул из папки листок бумаги и карандаш.

— Но то, чего мы опасались, Тлеке, случилось: казахи-бедняки не хотят жить в домах кулаков...

— Почему?

— Боятся. Спекулянт Бозтай встретил Кеще, племянника Нашена, и сказал ему: «В Кастек на житье лучше не приезжай! Станичники собираются зарезать тех, кто переедет к ним. Надо выселить всех русских, тогда другое дело». Видали, куда он гнет?

— А как сам Кеще смотрит на это?

— А что Кеще! Сразу рассказал всем в ауле. И сам уперся. Не хочет переезжать. Или вот еще был случай. Два станичника поймали в лесу Токея и предупредили: «Передай своим, если кто позарится на нашу землю и дома, не миновать тому смерти». Ну, вы же знаете Токе! Человек с характером. Кинулся с топором на них. Те на попятный, пытались обратить все в шутку...

— Токей знает их в лицо?

— В том то и дело, что не знает. Чужие. Не кастекские...

Тлеубай выглянул за дверь. Дождь перестал. Они вышли из юрты.

— Боятся у нас сейчас в ауле,— продолжал Бакен.— Не спят по ночам. Опять ждут пожара. Поочередно дежурят и молодые и старые. В Узун-Агаче спокойнее — здесь рядом милиция. А у нас?

Тлеубай насупил брови и, положив руку на плечо Бакена, сказал:

— Поезжай сейчас в Кастек, объяви на завтра собрание бедняков. Утвердим список и приступим к дележке. Нечего тянуть. А я приеду завтра утром.

Они попрощались и расстались.

* * *

...Здание школы в Кастеке было переполнено. Приехали казахи из соседних аулов. Люди сидели на партах, многие толпились в коридоре, курили, перебрасывались шутками. Говорили по-казахски и по-русски.

— Здорово, тамыр!

— Ей, Иван твой табак бар?¹

— Ты смотри, что делается, это же Кеще?

— Где?

— Вон идет с Токеем!

— Куда он лезет?

— Кто?

— Тыртышный!

— Что? Он тоже записался в бедняки?

— Ха-ха...

Пробираясь сквозь толпу, в класс вошли Тлеубай, Вера Павловна, Бакен, землемер Фальковский. Тишина установилась не сразу.

Вера Павловна открыла собрание и предоставила слово Цун-вазо. Он рассказал, для чего собралась беднота. Надо возратить казахам землю, насильно захваченную кулаками в шестнадцатом году.

Бакен широко раскрыл глаза, увидев Тыртышного, сидевшего возле дверей. Кто допустил кулака? В списке бедняков, имеющих право участвовать в собрании, его не было.

Бакен сказал по-русски с сильным казахским акцентом:

— Товарищи, Тыртышный не бедняк. Ему здесь не место!

¹ Б а р — есть.

— А чем он тебе мешает?

— Я скажу чем! Вы знаете сенокосное угодье между горой Прохладной и речкой Кастек. Аул Айна-Куль владел им и спасал там скот от гибели в зимние морозы. Теперь эта земля не наша. Ее отобрали в шестнадцатом году и отдали Тыртышному и другим кулакам. Они сидят здесь.

Поднялся шум.

— Ты не агитируй!

— Башибузук!

— Не мешайте ему!

— Предлагаю Тыртышного удалить с собрания! — закончил Бакен, побагровев от сильного волнения. Сосед Тыртышного закричал, стараясь заглушить шум.

— Если Бакену не нравится морда Тыртышного, может не смотреть.

Кто-то свистнул в задних рядах:

— Калбитам продались!

— Подкулачники!

Вера Павловна трясла колокольчик, стараясь восстановить порядок. Слово взял один из бедняков-станичников, прозванный «хромым солдатом». Он стуча кулаком по парте, закричал:

— Мы знаем, кто такой Тыртышный! Вон его, кровососа!

— Да что ты, Гаврила, бойся бога! — взмолился Тыртышный. — Кого ты выживаешь!

— Айда, уматывайся!

— А я скажу тебе, что он не пойдет, останется здесь! — поднялся со своего места сосед Тыртышного. — Ты брось командовать, Гаврила! Тебя самого придется выгнать отсюда!

«Хромой солдат» схватил костыль, бросился на соседа Тыртышного. Но драки не допустили. Началось голосование. Бакен увидел, как густо поднялись жилистые мозолистые руки.

— Кто против?

Вера Павловна устремила взгляд в сторону Тыртышного.

— Раз, два, — считал Бакен. — Три... семь... четырнадцать... восемнадцать.

— Большинством голосов Тыртышный не допускается

на собрание, — объявила Вера Павловна и взглянула на Тыртышного. — Можете уйти!

— Что же, тогда и нам удалиться? — ехидно спросил приподнимаясь сосед Тыртышного.

— Можете!

Но, уходя, Тыртышный дернул соседа за рукав и тот снова сел.

Собрание приступило к утверждению списка кулаков. У них изымались в пользу бедноты земля, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Вера Павловна читала медленно, внятно, произнося каждую фамилию. Когда она назвала Тыртышного, все свободно вздохнули.

Однако список не пришлось дочитать. С улицы кто-то крикнул истошным голосом.

— Пожар! Горим!

Поднялся переполох. Все бросились к двери, давя друг друга. На улице лахло удушливым дымом.

— Тыртышный горит! — крикнула женщина, выбежавшая из соседних ворот.

Все кинулись к его дому. Но каково было удивление, когда добежав до пятистенной избы Тыртышного все увидели посреди двора огромный костер. Сам хозяин подбрасывал в огонь солому, хворост, мусор.

— Что это такое? — спросила Вера Павловна.

— Очищаем двор. Надо же сдать в чистом виде новым хозяевам! — щурил Тыртышный глаза.

— Хитрый зверюга! — выругался «хромой солдат». — Хотел сорвать собрание.

Все пошли обратно в школу.

На другой день члены комиссии выехали осматривать землю, отмежеванную у кулаков, и распределять ее между бедняками Айна-Куля и Кастека.

Переправившись на левый берег реки, всадники ехали шагом. Впереди Цун-вазо, Вера Павловна и Тлеубай, за ними — Бакен и «хромой солдат». Правый скалистый берег реки опоясывал гору Прохладную. Вдоль левого берега протянулись альпийские луга.

— Всей этой плодородной долиной владела казачья верхушка.

— Тыртышный да братья Сотниковы?

— И этого им было мало! В шестнадцатом году они

захватили все луговые районы нашего аула и окрестности озера Айна-Куль.

— А казахов загнали в горы!

Конни шли по лугу, фыркая, поповили пощипать траву.

— Ах, какая земля!— воскликнул Бакен, с волнением обозревая подернутую зеленым маревом долину. Он соскочил с коня и взял горсть земли. Мягкая, черная, влажная, похожая на свеженспекенный ржаной хлеб, она сыпалась с ладони.

— Наша земля, наша! — радостно воскликнул Бакен и вскочил на седло.

Не успел он отъехать несколько сажен, как конь шарахнулся в сторону, Бакен ухватился за гриву. В густой траве лежал человек, уткнувшись в землю.

«Не убитый ли? Нет, шевелится!»

Бакен подъехал ближе.

— Тыртышный!

Подъехали и остальные члены комиссии.

— Кто это? — испуганно спросила Вера Павловна.

— Тыртышный!

— Что он делает здесь?

Бакен слез с коня и толкнул Тыртышного плетью. Тот поднял голову. Лицо его было искажено. Глаза красные, воспаленные смотрели страдальчески. Рот полон земли. На усах и бороде прилепились сухие былинки.

— Все равно не съешь всю землю! — серьезно сказал «хромой солдат».

— Ты что, прощаться с землей приехал? — ехидно спросил Тлеубай.

— Пожалейте, ради Христа! Оставьте хоть клочок земли! — завопил Тыртышный, встав на колени и воздев руки вверх. Никто не ответил ему.

А из-под крутого берега речки уже шла толпа казахов, жителей Айна-Куля и беженцев, вернувшихся из Китая. Они пришли, чтобы воочию увидеть свою землю, пощупать и взять в горсти и растереть на ладони.

Тыртышный поднялся с колен и, не оглядываясь, быстро зашагал в противоположную сторону.

— А где наш землемер? — обратился Цун-вазо к Вере Павловне. — Пора начинать.

— Он выехал раньше нас... Должен быть, здесь, как договорились.

— Безобразне! — сказала Вера Павловна и обратилась к Бакену: — Найди Фальковского. Он наверно купается!

— Но его лошади нигде не видно...

— Может быть, он еще и не подъехал.

— Тогда надо съездить за ним в Кастек! Чего терять время!

Но землемера так и не дождалось. В Кастеке его тоже не было. А когда Бакен и Тлеубай зашли к нему на квартиру, они сразу поняли — Фальковский сбежал из Кастека. Но скрыться ему не удалось.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Фальковский неуклюже вошел в кабинет председателя Чека и встал у дверей. Сопровождавший его следователь прошел к письменному столу Басова и что-то сказал ему, наклонившись к самому уху. Басов кивнул в ответ, не отрывая глаз от лежавшей перед ним бумаги, и даже не взглянул на посеревшее от ужаса лицо землемера. Стараясь овладеть собою и преодолеть противную дрожь в коленях, Фальковский следил за каждым движением председателя Чека. Землемера мучила неотвязная, тоскливая мысль: кто же его выдал?

Страх холодной змеей пробирался к самому сердцу. Арестованному хотелось, чтобы поскорее окончилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь звонким тиканием часов, висевших на стене, и раздался голос этого сурового человека.

Фальковский с трудом перевел глаза на следователя. Тот спокойно сидел на диване и курил папиросу.

Наконец Басов отложил бумагу и поднял голову. Он посмотрел на Фальковского долгим, изучающим взглядом. Затем встал и подошел к нему вплотную.

— Узнаете? Ваш, кажется, почерк?

— Похож на мой, но... не мой! — с трудом выговорил землемер. Букву «т» так не пишу...

— Как правильно ваша фамилия?

— Фальковский.

— Вы происходите из польских немцев?

— Я поляк.

— Ваша настоящая фамилия «Фальк», как мы уста-

новили. Скажите, почему вы решили бежать в Западный Китай?

— Я?

— Бы.

— Даже не думал.

— А почему вы оказались вблизи самой границы?

— Я же охотник. В том месте столько фазанов...

— Вот как!.. Фазанов любите? — Басов улыбнулся.—

Не будем, Валентин Робертович, играть в прятки! Мы с вами серьезные люди... Вы хотели скрыться за границу. Это ясно. Но... Чека интересуется естественный вопрос: почему? Советскую власть не признаете? Закон рабоче-крестьянского правительства не по душе? Между прочим, всем буржуйам не по душе, но даже и они не бегают. А вы не буржуй, вы землемер. Вам-то с чего бегать, а? Или, может быть, грехи есть?

— Я не понимаю вас, о чем вы говорите?

— Так и не понимаете? Ну что же, мы люди не гордые. Постараемся объяснить. Садитесь сюда...

Фальковский, тяжело передвигая ноги, подошел к креслу с золочеными ножками и сел, попрежнему ощущая противную дрожь в коленях.

Басов раскрыл толстую папку, полистал страницы и стал читать:

— Валентин Робертович, сорока двух лет. Родом из Саратовской губернии. По профессии землемер. В партию эсеров вступил в марте семнадцатого года... В Ташкент прибыл по заданию центрального комитета. Вы были членом комиссии Туркестанского комитета временного правительства по изъятию двух с половиной миллионов десятин земли у казахского и киргизского населения Семиречья. Этот план, был разработан еще генерал-губернатором Туркестана Куропаткиным и одобрен царским правительством... Вы присутствовали на совещании в Пишпекке и настояли на выселении казахов из Иссык-Кульской долины в пески Прибалхашья... Вы дали телеграмму в Кульджу бывшему царскому консулу Любе о задержании беженцев шестнадцатого года. Вот она — могу прочесть: «Возвращение киргизов в ближайшее время в Россию нежелательно». Помните?

— Не помню!

— Ай-ай, какая память плохая! — сокрушенно покачал головой Басов. Дальше. По вашей просьбе был на-

правлен казачий полк с артиллерией к китайской границе, навстречу беженцам, которые хотели вернуться домой. Их обстреляли из пулеметов при переходе границы... Было такое дело?

Фальковский молчал.

— Очень странную позицию заняли эсеры в этом вопросе! — пожал Басов плечами. — По совести сказать, никак не пойму, почему вы боялись возвращения казахов из Западного Китая... А может быть, землю для семире-ченских кулаков берегли, а? Что у вас язык отнялся?

Басов полистал страницы.

— Когда пало временное правительство, вы бежали в Коканд... Не совсем ясно, какую роль вы играли в контр-революционном правительстве Мустафы Чокаева, но зато определенно известно, что именно там вы встретились с Сугурбаевым...

— Он коммунист! — тихо сказал Фальковский.

— Тогда он тоже был коммунистом?

— Не знаю.

— Ага! Значит, не отрицаете, что встретились там? Проговорились. Ничего, не смущайтесь. Вы нам все расскажете. Времени у нас достаточно... Кстати, мы, чекисты, любим точность в ответах и очень не любим, когда нас считают за простаков и начинают нам рассказывать бабушкины сказки. Итак, продолжим вашу биографию... Когда пало кокандское правительство, вы снова подались в Семиречье и здесь встретили своего дружка «коммуниста» Сугурбаева. Знаем, что именно он вас устроил землемером и вместе с ним вы поехали в Кастек. Там... Может быть, вы сами расскажете дальнейшее?

— Я не знаю, что вас интересует? Моя скромная работа землемера была у всех на виду. Мне нечего рассказывать...

— Упорствуете? Предупреждаю: для вас же хуже будет, если я сам расскажу.

— Я работал землемером и ничего не знаю!

— Ну хорошо. Хорунжего Сотникова вы знали?

— Встречались!

— Так. Вы знали, конечно, что он Сотников — участник знаменитой беловодской резни шестнадцатого года и что он служил в войсках атамана Анненкова.

— Не знал!

— А вы знаете, что Анненков сейчас в Западном Китае. Не к нему ли собирались?

— Я охотился на фазанов.

— Так-так... На фазанов... Опять бабушкины сказки! Я ведь вас предупреждал, что мы их не любим. Скажите лучше, кто поджег аул Айна-Куль?

— Откуда я знаю?

— Вы знаете, это дело ваших рук. Точно так же, как и побоище в Кастеке. Оно должно было превратиться в восстание, создать новый очаг гражданской войны в Семиречье, очень нужный нашим врагам... Все было рассчитано на то, чтобы оттянуть войска Фрунзе от Бухары...

— Драка казахов с русскими — бытовое явление. Не надо делать из мухи слона!

Голос Фальковского даже задрожал от возмущения.

— Где вы были в день пожара? — продолжал допрос Басов.

— В Узун-Агаче.

— Что делали?

— Мне не здоровилось. Я спал.

— Вы ждали сигнала от Сотникова и не дождались. — Басов насмешливо прищурил глаза. — Аул поджег Сотников. Сын его выдал! И вас выдал, Валентин Робертovich... Давайте, рассказывайте все по порядку, как было!

— Я вас не понимаю.

— Придет время, все поймете... Вы же не глупый человек! Вас не спасет заирательство. Лучше сознавайтесь по-хорошему...

Сердце землемера сжалось, словно Басов выжимал из него кровь.

— Понятно, вы боялись разоблачения. Решили бежать так же, как ваш друг Сугурбаев.

Фальковский мучительно прикидывал — кто его выдал? Неужели хорунжий?

— Интересуетесь, кто вас выдал? — спросил Басов, словно угадав мысли Фальковского.

— Меня выдавать!? Если я ни в чем не виноват...

— Сугурбаев выдал. Вот вы его жалеете, а он вас не жалел. Напротив, все валил на вас, утверждал, что вы даже действовали по указанию иностранной разведки... Уверял, что она была заинтересована в Кастекском восстании.

Фальковский выпрямился:

— Хорошо! Я, действительно, эсер. Я идейный противник советской власти. Но вы хотите сделать из меня шпиона? Это смешно.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — сказал Басов и обратился к следователю. — Ну, на сегодня хватит! Отведите его в камеру!

Фальковский поднялся и понуро побрел к выходу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Ради эмира, не жалейте милостыни! — протянул руку нищий.

Это был пароль. Но хозяйка стала браниться.

— Надоели вы со своим эмиром... Убирайся...

Маджид вышел на шум в коридор, узнав знакомый голос.

Перед ним стоял улыбающийся Шо-Мирзо. Маджид крепко обнял его. По радостно сверкавшим глазам он понял, что молодой таджик оправдал его доверие.

— Ну, докладывай, что нового? — с нетерпением спросил Маджид.

— В армии эмира сорок тысяч сарбазов. Прибыло несколько тысяч ополченцев и афганский стрелковый полк из Кабула. Говорят, его прислал Аманулла-хан по просьбе шейха. Наступление эмир назначил на пятое сентября.

— Еще что?

— Агзам ездил в Локай к Ибрагим-беку, в Каратегин — к Махсуму Файзулле. Ведутся переговоры с басмачами Ферганы.

— Как настроено население?

— У всех брови нахмурены.

У Маджида появились в глазах веселые искорки. Он снял тужурку и стал переодеваться.

— Как вы относитесь к джадидам?¹ — спросил неожиданно Шо-Мирзо.

— Народу с ними не по пути!

— А Ташкент предоставил им убежище, — сказал Шо-

¹ Джадиды — те же младобухарцы — проводники идей панисламизма. Младобухарская буржуазная партия требовала частичных реформ в области образования, некоторой европеизации быта, чтобы облегчить общение с европейской буржуазией. Она не покушалась ни на престол эмира, ни на социальный строй.

Мирзо. — Они издают газету и призывают к созданию мусульманской республики.

— Ну что же, временно они наши союзники!

— Ваш друг Амен тоже джадид?

— Нет. Амен один из тех, которые находятся в армии эмира случайно.

Маджид переоделся, и они вместе вышли на улицу. На окраине Кагана было тихо. Все окна закрыты ставнями. Они не смогли пройти через площадь, заполненную воинскими частями. Пришлось обойти кругом, мимо станции. Здесь выгружались эшелоны. Красноармейцы канатами стягивали с открытых платформ тщательно закутанные в брезентовые чехлы пушки. На каждом шагу часовые — узбеки и таджики в цветных халатах — требовали пропуска.

Маджид и Шо-Мирзо, изрядно проблуждав, попали в бывший дворец эмира в самый разгар совещания. Огромный зал был переполнен командирами и политработниками. На паркетном полу валялись окурки и клочки бумаг. За круглым столом стоял Фрунзе, а рядом сидел Куйбышев.

Фрунзе знакомил с диспозицией предстоящего боя. В руке он держал школьную линейку и ею водил по карте.

— ...Старая Бухара стоит на канале Шахруд в равнине, в зеленом оазисе. На севере — примыкают кишлаки с арыками и орошаемыми полями. Еще дальше — солончаковая степь, выжженная равнина. Штурмовать город будет каганская группа. Ее левая колонна, в составе первого восточно-мусульманского стрелкового и кавалерийского полков, а также отряда особого назначения при двух орудиях, ударит в Каракульские ворота.

Фрунзе сделал небольшую паузу и продолжал:

— Правая колонна, состоящая из партизанских отрядов, десятого и двенадцатого стрелковых татарских полков, первого кавалерийского полка, четырех орудий пятьдесят третьего автобронированного отряда и бронепоезда, направит свой удар на Каршинские ворота. Авиация, особая артиллерийская группа со ста двадцатидвух миллиметровыми орудиями поддержит правую колонну. Чарджуйская группа из Бухарских коммунистов, захватив старый Чарджуй, овладеет переправами через Аму-Дарью. Самаркандская группа, наступая через перевал Тахта-Ка-

рагача, города Китаб и Шахризьяба, захватит Карши-Гузар и закроет путь войскам эмира на юг...

— Хочу напомнить — Бухара опоясана глинобитными высокими, толстыми стенами. В крепости одиннадцать ворот, сто тридцать одна башня. Так что эмир в этой крепости, как черепаха в скорлупе. Стараться взять его живым...

Фрунзе сделал передышку и сказал, обращаясь к Маджиду:

— При взятии Бухары охрану дворца и памятников старины поручаю лично вам!

Куйбышев что-то прошептал Фрунзе. Михаил Васильевич кивнул головой и снова обратился к залу:

— Обращение к Бухарскому народу готово?

Узбек с огромными черными глазами на бронзовом лице, прочел текст обращения.

В тот же вечер Шо-Мирзо ушел снова в Бухару с листовками под халатом.

Рано утром началось наступление войск Фрунзе на старую Бухару.

...Внезапным фланговым ударом Красная Армия чуть не захватила в мешок передовую часть войск эмира, стоявшую под Каганом. Казахи нуратинского бекства рассыпались, как горох из дырявого мешка. Сарбазы бежали в Бухару, увеличивая панику и всеобщую суматоху в крепости.

Жунус в эту ночь не спал, он задремал только к утру. Его разбудил грохот орудий, сотрясавший город. Дрожали стены дома. С потолка сыпалась штукатурка.

Зажав в клещи Старую Бухару, Фрунзе наносил удары по двум направлениям: в ворота Шах-Джалаля и в Каршинские ворота. По крепости били из тяжелых орудий. Начался штурм.

Жунусу удалось только к вечеру найти имама Агзана, показавшегося ему бодрым и даже уверенным в победе. Но все же имам сказал:

— Если мусульмане уйдут из своей столицы, то так хлопнут дверью, что содрогнется весь мир!

От этих слов Жунуса передернуло, но он ничего не ответил.

Во дворце попрежнему возлагали большие надежды на афганских стрелков и на арыки. Эмир приказал закрыть главную магистраль, подающую воду.

На следующий день Жунус подошел к медресе Халифа Нияз-Кул. Гвардия эмира пала из четырех башен медресе, с трудом сдерживая натиск красного бухарского полка, наступавшего со стороны Каршинских ворот.

Жунус еще издали увидел мулл и дервишей, столпившихся у башен возле ворот. Одни громко читали молитвы, другие жарко спорили. Имам Агзам разговаривал с шейхом.

Не успел Жунус подойти к ним, как из переулка хлынули афганские стрелки. Они шли четкими и ровными шагами, заполнив узкую улицу. Не зная куда свернуть, Жунус, подобрав полы халата, тяжело побежал впереди строя.

В это время имам Агзам раскрыл коран в красном сафьяновом переплете, поцеловал его и пошел впереди толпы мулл. Шейх остался на месте. Ворота распахнулись настежь. Муллы протяжно завопили в один голос и побежали навстречу красному бухарскому полку. Жунус с изумлением наблюдал, не зная, что будет дальше.

Имам Агзам закричал хриплым голосом:

— Остановитесь! Во имя аллаха! Правоверные!

Уродливый дервиш сорвал с себя рубашку и обнажил грудь:

— Стреляйте, мусульмане!

Имам Агзам приложил коран ко лбу и закричал еще громче:

— Стреляйте в коран! Стреляйте, мусульмане!

— Будьте вы прокляты! Вероотступники!

— О алла!

Красные волны растерялись. Некоторые опустили винтовки. Имам Агзам взмахнул кораном над головой и упал ниц, за ним поладили муллы. Афганские стрелки открыли шквальный огонь. Но в эту минуту над городом низко пронеслись два самолета. Разорвались авиабомбы: одна над афганскими стрелками, другая в крепости. Имам Агзам, бойко работая локтями, пополз обратно в ворота.

В городе вспыхнули первые пожары. Ярким, бездымным пламенем горел хлопок.

Жунус растерялся, он не знал, что делать. В такие минуты тяжело человеку быть одному. Хорошо бы разыскать Амена.

К ночи началась паника. Крепостные стены кое-где были взорваны. Бои шли на улицах.

— Бегут! — сообщил хозяин дома Жунусу.

— Кто?

— Из дворца!

— Откуда ты знаешь?

— Только что по нашей улице прошли нагруженные слоны. Прямо в Гинджуванские ворота.

Жунус поспешил выйти из дома.

По улице нескончаемым потоком двигались груженные арбы. Жунус заметил Агзама, сидевшего рядом с шейхом в двухместной коляске. Имам знаками предложил ему место в обозе.

— Твое счастье, что ты увидел нас! — крикнул он. — Не все успели. Даже первый министр...

Дальше Жунус не расслышал. Неподалеку упал снаряд. Испуганные лошади, обезумев от страха, понесли...

Когда эмир с шейхом и старшим евнухом находился в сорока верстах южнее станции Кзыл-Тепе, сарбазы дрались с красноармейцами на улицах и в домах. Из окон и крыш бухарцы ошпаривали наступавших кипятком. Пробираясь сквозь пламя, наступавшие проникли на площадь перед цитаделью. Широкая каменная лестница вела к воротам дворца.

В первом ряду красных бойцов бежал Маджид с гранатой в руке, прыгая со ступеньки на ступеньку...

* * *

Утро застало Жунуса, не спавшего всю ночь, на кладбище под тенью туркестанского клена. Он обдумывал изречение восточного мудреца: «Память человека — листок белой бумаги, на ней жизнь заносит свои заметки. Время безжалостно стирает их. Остаются лишь чуть заметные следы начертанных жизнью трагедий, большой радости и горечи. Чтобы прочесть эти знаки, надо навести на них яркий луч воспоминаний никогда и ничего не забывающего сердца».

Он навел этот луч и остро ощутил свое полнейшее бессилие. Как щепку несет его водоворот событий. Трое суток прошло с того дня, как он покинул горящую Бухару в обозе отступивших войск эмира. За что он обрек себя на добровольное изгнание? Мог же он остаться в Бухаре, занятой войсками Фрунзе? Вместо того, чтобы решительно порвать с имамом и перейти на сторону на-

рода, он безвольно последовал за эмиром, искавшим спасения в бегстве.

Когда Агзам предложил место в повозке, Жунус отказался, он не хотел бежать. Но неподалеку в эту минуту разорвался снаряд и напомнил ему о смерти. Страх падающего в пропасть, страх неизбежной гибели охватил его душу. Нет, лучше было бы погибнуть в тот страшный день, чтобы не мучиться сейчас от угрызений совести...

Он вспомнил Нашена, приславшего к нему джигита с приглашением вернуться домой... Зачем он не послушал мудрого акына, передавшего ему через посланца зсего девять слов: «Лучше на родине быть последним, чем у чужих султаном...»

Солнечные лучи начали греть спину. Жунус задремал. Ему снилось подземное царство Сулеймана... Огромные змеи подносили на своих хвостах кушания и сладости. Вдруг одна из змей злобно ударила его хвостом по спине. Он вздрогнул и... проснулся.

Рядом стоял Агзам и ласково похлопывал по спине.

— Проснитесь, дорогой мирза, пора ехать! — сказал имам, опустившись рядом на холодный камень. — Коляска разбита. Я нашел подводу. Только придется ехать на ишаке.

Жунус поморщился и ничего не ответил. Они посидели молча, думая каждый о своем.

Имам поднялся, взял Жунуса под руку и сказал:

— Помолимся аллаху и едем.

— Куда? — спросил Жунус.

Агзам удивился:

— Разве Жунусу не известно, куда мы едем?

— Да, мне неизвестно.

— В Гиссар. А там, аллах поможет, на отдых.

— Я надумал другую дорогу.

— Какую?

— Поехать в Ташкент.

Агзам вздрогнул, замахал руками.

— Я вам больше не попутчик, имам! — глухим голосом сказал Жунус.

И Агзам понял, что больше говорить бесполезно.

Резкий холодный ветер дул с косогора, рвал низко нависшие тучи и гнал их в сторону Зайлийского Ала-Тау. Аул Айна-Куль оживал после пожара. Медленно возводились саманные постройки. Переехали в новые дома старый акын Нашен и кузнец Токей. Часть беженцев переселилась в станицы Кастек и Узун-Агач, другие поставили себе новые дома в Айна-Куле.

Жунус слез с коня, снял малахай и долго смотрел на снежные вершины Ала-Тау. Слезы бежали по его морщинистым щекам.

— Родина!

Жунус не мог оторвать глаз от зубчатой, всегда окутанной сизым туманом горы Прохладной, оттуда, умеряя жар, дул обычно ласковый ветерок. С подножья гор до озера Айна-Куль расстилались альпийские луга. Сейчас они не порадовали сердце Жунуса семиреченскими темнокрасными маками, нежноглубыми незабудками, белыми колокольчиками лилий. Кругом лежал снег. Он прислушался к шуму бурной, вечно говорливой речки Кастек и взглянул на озеро Айна-Куль — опрокинутую чашу в горах.

От аула на гранитный берег озера вела тропинка. Сколько раз по ней ходил маленький Жунус вместе с матерью за водой, цепляясь за подол ее платья.

Жунус закрыл глаза, живо представив свое детство, счастливое, невозвратимое... Ему почудилось, что он слышал голос матери, вечно хворой, безропотной. Разве можно забыть протоптанную ею тропинку на озеро Айна-Куль!

Родина! Милая, любимая родина!

Жунус подъехал к аулу со смятенным сердцем. Черноглазый карапуз, оседлав палку, насился между юртами.

— Сынок!

Увидев незнакомого седого старика, карапуз умчался. У кого же теперь спросить, где юрта Нашена?..

Словно в ответ залаяла собака и побежала к нему навстречу. Жунус прищурился — черная с белым пятном на лбу... Да это же его кобель!

— Карагаска! Карагаска!

Собака наострила уши, перестала лаять. Он еще раз позвал ее. Она завилыла хвостом и легла у ног коня.

«Верный мой пес! Узнал, узнал меня! Не ты ли бдительно сохранил мне верность!»

Жунус наклонился и камчой ласково погладил Карагаску по спине. В родном ауле первым его встречает пес. Как посмеялась над ним судьба! Всеми уважаемый человек в Айна-Куле — теперь он никому не нужен. Забыли! Навстречу не бегут детишки с криками. Никто не взбирается к нему на седло, не обхватывает его шею ручонками.

С озера шла молодая женщина с полными ведрами воды. Она остановилась, уступила дорогу. Жунус поздоровался. Чья она? Силился вспомнить — и не узнал. Робко спросил, где живет Нашен. Молодуха показала рукой, и он направил коня к саманным домам. Они были выстроены на скорую руку, низенькие с плоскими крышами. Из труб валился дымок.

Внимание Жунуса привлек белый пятистенный дом с двумя застекленными окнами. Жунус узнал руку кузнеца Токея. Все сработано умело и с любовью, даже забор отличается от соседних.

Жунус привязал коня к старой рассохшейся двухколесной арбе и торопливо вошел в дом. Потолок низенький, но зато стены белые, чистые. Пол застлан. Справа в углу — деревянный сундук, на нем аккуратно сложены старые одеяла и подушки.

У окна на кошме дремал Нашен. Он недавно вернулся из Узун-Агача. Жунус встал у дверей и по-восточному поздоровался. Нашен приоткрыл глаза. Он старался приподняться на локтях, услышав знакомый голос.

— Неужели Жунус?

— Да, акын, это я — блудный сын! — Жунус упал на колени и, схватив руки Нашена, припал к ним губами.

Плечи у Нашена вздрогнули. Тяжелые капли слез пролились на белую бороду.

— Вернулся? — как бы не доверяя себе, еще раз спросил акын и сам же ответил: — Хорошо, что вернулся.

Жунус подсел к Нашену.

— Да, дорогой мудрец, я вернулся, как охотник, погнавшийся за хромой серной. Он гнался за ней по пустынной степи днем и ночью. Наконец догнал, а вместо серны оказался... мираж. Потряс сумку — ничего, все выпало. Коня загнал. И остался один в пустыне — пеший, без пищи и воды... Разве я не похож на него?

— Похож. Ты растерял свою славу, оторвался от народа... Мне жаль тебя!

Заиндевевшая за годы блужданий голова Жунуса упала на грудь.

— Зачем ты приехал к нам?

Беспощадный вопрос Нашена окончательно обескуражил Жунуса.

— Я приехал с повинной головой!

Нашен не ожидал услышать из уст тщеславного Жунуса правдивый ответ. Он усмехнулся и промолвил:

— Я думал, как разочарованный Коркут¹ ты не найдешь ничего кроме несправедливости. На днях в Узун-Агаче меня встретил казах из Среднего Жуза. Он сказал: «Где же ваш Жунус? Мы вместе с ним начали большую жизнь. Куда он пропал?» Я ему ответил: «Жунус отстал, ушел обратно с полдороги». Разве это неправда?

Жунус молчал.

— Ты был у своих?

— Нет еще!

— Иди домой. Обрадуй Фатиму. Она сейчас одна. Доставил же ты им горя!..

Жунус вышел от Нашена растерянный. К дому его привела собака. Фатима сидела в юрте у очага и, надув щеки, разжигала огонь. Щупленькая, сгорбившаяся, она походила на подростка. Горе придавило ее и согнуло.

— Фатимажан! — позвал Жунус еле слышным дрожащим голосом.

Жена не услышала.

— Фатима! — вскричал Жунус.

Она оглянулась и упала на кошму. Жунусу показалось — от слабости.

Он кинулся к ней, прижал к груди и долго безмолвно слушал ее всхлипывания и ощущал трепет ее маленького тела. Фатима не смогла даже заголосить, как принято в таких случаях. У нее словно отнялся язык. Сколько Жунус доставил ей горя! Одиночество и тоска замучили ее. А дети? Их упреки и скрытая неприязнь ложились на душу бедной Фатимы тяжелым грузом. Неужели теперь, с возвращением Жунуса, настанет хорошая жизнь?!

За чаем Фатима не сводила глаз с мужа, словно сомневалась, точно ли он сидит перед ней.

¹ Коркут — мифический народный герой — искатель справедливости.

Она рассказывала про детей:

— Сахажан в городе, женился...— Фатима прикусила язык. «Сказать ему, что на русской? Ах, не все ли равно — русская или казашка — лишь бы Сахажану было хорошо. Отцу не жить вместе!» Но она все же не сказала, заговорила о другом сыне:

— Асхаржан тоже в городе, у брата, учится. А Гульжан вышла замуж. Живет в Кастеке.

— В Кастеке? За русского вышла? — сверкнул глазами Жунус.

— Вы знаете, что было здесь без вас. Теперь в Кастеке живут и казахи. Бакен тоже там!

— Бакен! Он вернулся?

— Все вернулись!

Жунус опорожнял пиалу за пиалой. Густой чай с молоком вприкуску с куртотом — что может быть слаше для вернувшегося в родной дом блудного сына... Нет, только не сына, а отца.

А Фатима, глядя на повлажневшее лицо Жунуса, думала: «Вспотел, видно, совестно!»

На другой день рано утром, никому не показываясь в ауле, Жунус уехал в Кастек.

Узнав от Нашена необычайную новость, все аксакалы аула собрались проведать Жунуса. Каково же было их удивление, когда они узнали от Фатимы, что ее муж с утра уехал в Кастек. Все недоумевали и безмолвно смотрели друг на друга.

Нет! Жунус неисправим, конченный человек. Он не только не уважает других, но и себя.

Старики перестали говорить о Жунусе, допустившем дерзкую выходку и непочтению к обычаю.

Гульжан и Бакен встретили Жунуса с радостью, зарезали барана. Бакен привез и Фатиму из Айна-Куля — устроили той.

Жунусу было обидно, что подобной встречи не было в своем ауле, в Айна-Куле. Видимо, такая уж ему цена!

За два дня, проведенных среди близких сердцу людей, Жунус отдохнул душою и телом. Как мало нужно человеку! Жунус словно не скитался по Средней Азии, по Западной Бухаре. Все пережитое осталось позади, как тяжелый сон! На бледном лице его появился румянец.

Два года — небольшой срок, но за это время много изменилось в Айна-Куле. Гульжан не узнать. Взбалмош-

ная гордая девушка превратилась в спокойную, трудолюбивую женщину, умеющую взвешивать каждое свое слово. Она не сказала отцу ни единого упрека, умолчала о неприятностях, пережитых Сахою из-за Жунуса.

Жунус не предполагал, что бывший соратник Бакен станет его зятем. Ну, что ж, он хороший джигит. Жаль только, что не излечился от своей горячности и попрежнему любит спорить. Вчера Жунус крепко схватился с Бакеном. Если бы не вмешательство Гульжан, дело могло бы кончиться разрывом.

Рассказав о жизни беженцев в Китае, Бакен закончил:

— Мне кажется, мы сделали ошибку, уйдя за границу.

— А что надо было делать?

— Пойти на соединение с Амангельды. Недавно мне рассказывали, как в Тургае он спасся от карательного отряда.

Бакен подправил волосы, закрывавшие рубец на виске.

— Если ты такой умник, почему молчал тогда?

— А разве вы слушали нас?

— Не нужно блеять, как хромая овца после полудня! — с раздражением сказал Жунус.

Этого Бакен не смог вытерпеть.

— Мы тоже убедились в вашей прозорливости! — желчно заметил он. — Отдал нас на съедение волкам, а сам сбежал!

Жунус побагровел от гнева и порывисто вскочил. В этом доме он больше не останется. Но тут подоспела Гульжан.

— Хватит вам! После драки кулаками не машут. За это пострадали не только вы, отец.

Жунус притих. Ему теперь нельзя спорить даже с родной дочерью!

На другой день рано утром Жунус поехал в город к Сахе, взяв с собой кузнеца Токея.

* * *

Вечерний сумрак опустился на город. В домах зажглись огни. Ветви деревьев опустились под тяжестью пушистого снега, как крылья подстреленной птицы.

Сагатов по обыкновению приехал в обком на вечер-

нюю работу. Завтра он едет в Ташкент на пленум ЦК партии Туркестана — надо подготовиться. В соседней комнате энергично стучала на «Ундервуде» машинистка, спешила перепечатать необходимые сведения, нужные для Сагатова.

Саха не торопясь снял пальто, меховую шапку, аккуратно повесил их на вешалку и сел за письменный стол. Не успел он раскрыть папку с бумагами, как позвонила Глафира.

— Приехал гость из аула, Токей... Может быть, вернешься пораньше? Он сидит у меня и говорит, что есть очень важное дело.

По взволнованному голосу Глафиры Саха понял, что Токей приехал неспроста.

— Что случилось?

Глафира молчала, видимо, не хотела говорить. Тогда Сагатов сказал:

— Скажи Токею, чтобы он пришел ко мне в обком.

Токей не заставил себя долго ждать. Он появился через полчаса и сказал просто:

— Саха! Вернулся Жунус.

— Где он? В Айна-Куле?

— Нет, здесь в городе. У знакомого...

— Ну, что же, дорогой Токе. Привезите его ко мне на квартиру. А я приду через час.

Оставшись один, Саха задумался. Как поступить с отцом! Может быть, позвонить Басову, посоветоваться? Он отогнал эту мысль. Надо увидеть Жунуса и посмотреть ему в глаза. Надо самому узнать и понять все.

Саха взволнованно курил папиросу за папиросой. Он вспомнил все пережитые из-за отца обиды и оскорбления. Каждый негодяй старался плюнуть ему в лицо, козыряя именем беглого Жунуса. А если в самом деле Жунус враг?

Саха вынул револьвер и задумчиво посмотрел в дуло. Тогда, тогда... Он вспомнил, как Тарас Бульба убил изменника-сына. Для него счастье народа было выше всего на свете, выше любви к Андрею.

Саха сунул револьвер в карман и снял с вешалки пальто.

...Придя домой, он застал мирную семейную картину. Жунус и Токей забавлялись с Асхаром. Глафира накрывала на стол, перетирала полотенцем чашки.

Увидев вошедшего сына, Жунус поднялся и шагнул ему навстречу.

У Сахи дрогнуло сердце, но он только крепче сжал зубы. Жунус не выдержал сурового взгляда сына и заплакал.

— Зачем вы вернулись? — глухим голосом спросил Саха.

Старик не ответил. Он вытирал слезы, обильно струившиеся по морщинистым щекам.

— Откуда вы едете? — продолжал допрос сын.

— Из Ташкента. Пришел в Чека и сдался сам. Просидел два месяца в тюрьме. Выпустили. Я просил, чтобы меня судили, но прокурор сказал: «Пусть тебя судит сам народ!»

— Садись, отец! — просто сказал Сагатов, почувствовав, как тает лед в его сердце.

Всю ночь напролет Жунус рассказывал о своем двухгодичном скитании по бухарской земле. Перед сном он вместе с Сахой и Токеем вышел подышать свежим воздухом.

— Смотрите уже утро! — Сагатов показал рукой на светлеющее небо.

— Да, скоро выглянет солнце! — подтвердил Токей.

Тихая радость наполнила сердце Жунуса. Он всегда любил семиреченское утро. Тысячи раз он мечтал о нем в далеких краях.

За грядой каменных гор еще пряталось солнце, но небо становилось все светлее и светлее... Наступило утро.

Боровое.

1950—55 год.

Редактор *Н. Анов*
Оформление художника *Ф. Наташкима*
Художественный редактор *Н. Гаев*
Технический редактор *П. Вальчук*
Корректор *Ш. Нурмухамедова*

Сдано в производство 23/XII—1955 г.
Издат. № 47. Подписано к печати 9/III—
1956 г. УГ00196. Бумага 84×108 1/32. Объем
10,75 печ. лист. Уч. печ. 8,81 листа.
(Уч.-изд. 10,14 л.) Тираж 20000 экз.
Цена 4 руб. 55 коп.

Алма-Ата, Пастера, 31. Полиграфкомбинат
Главиздата Министерства культуры КазССР.
Заказ № 2069.

~~4 руб. 55 коп.~~